Эдуард Хозяинов

Лирическая проза

Эдуард Хозяинов

Лирическая проза

ТВЕРЬ 2022

УДК 821.161.1-32
ББК Ш 44(2=411.2)6-446
Х 70

Х70 Хозяинов Эдуард Иванович. Лирическая проза. Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2022. 184 с.

УДК 821.161.1-32
ББК Ш 44(2=411.2)6-446

© Хозяинов Э.И., 2022
© Тверской государственный университет, 2022

I. Картинки из детства

Бесценный опыт

Академик Лихачёв, Дмитрий Сергеевич, как-то советовал всем литераторам: «Пишите о своём детстве». Спрашивается: а зачем? Если не для печати, то ради чего пыхтеть-то?..

Да это, утверждал мудрый человек, «даст вам бесценный опыт».

Не верите? Тогда попробуйте сами – и сможете убедиться, насколько непросто выбрать что-то из обилия впечатлений, как-то ограничить себя. Озаботит вас, по выражению академика, и «преодоление слова». Такая морока получится!.. Но ведь именно в её преодолении и обретается тот самый «бесценный опыт».

К чему я всё это? Да просто припоминаю, как и сам пытался рассказать о ранних впечатлениях детства.

Ярко представлялись картинки из нашей жизни на острове Сааремаа, где после войны служил отец. Начинал я свои заметки – и вскоре бросал. Досада брала: не то, не так!

Наверное, и заглохло бы это дело навсегда, если бы не такой толчок в душу… Однажды, уже имея опыт газетной работы, обнаружил в каком-то журнале стихи эстонской поэтессы Лидии Койдуллы. Небольшую балладу о своей малой родине она так назвала: «Лечу над Сааремаа». Читаю:

«Верша полёт просторами Вселенной, всю родину сейчас в себе несу и этот остров, обведённый пеной»…

Помню, как внутренний вздрог прошил меня от этого образа – «остров, обведённый пеной». Будто увидел я с высоко летящего самолётика и его, – этот зелёный остров, и крохотный городок Курессаар, где мы жили когда-то…

А Лидия вяжет свой стих далее: «И даже если к небесам рванусь однажды в мир созвездий горний, мне из Сааремаа не вырвать корни, – могуч и вечен мой противовес…»

Похоже, что в журнале публиковался грубоватый подстрочник с эстонского языка, и всё же покоряла магия, с которой поэтесса делилась ощущениями от самогò имени своей островной родины. Цитирую:

«…В звучанье нежно-сером, как зима, в твоём звучанье, зимнем и суровом, есть что-то, что ни музыкой, ни словом, не произвести: Сааремаа, Сааремаа!..»

Этот стих, впечатавшись в память, жил во мне долго, как бы сам по себе, но исподволь обрастая какими-то образами и деталями.

И, наконец, однажды как-то сразу сложилась зарисовка под названием «Где пряталось солнце». Светлая, наивная вещица, которую охотно печатали в разных изданиях. Но – вот заковыка! С годами мне всё сильнее хотелось переделать её. Слишком уж казалось наивно… И вот, уже на старости лет, я переписал её. Теперь эта новелла называется «Балтийский берег». А прежний эпиграф из Виктора Шкловского оставлен. Цитирую:

«У каждого человека, большого и маленького, на дне воспоминаний, как золотой песок после промывки, лежит какая-нибудь картина – яркая, любимая… Это воспоминание снизу освещает и окрашивает жизнь…»

Итак, «Балтийский берег».

Балтийский берег

Множество впечатлений раннего детства с годами тускнеют и как бы совсем теряются в небытии. Но как-то не забывается первая влюблённость…

Будто сердцем вижу солнце на крупном приморском песке. Низкие ступени и чашу-клумбу, где среди рдеющих гвоздик зеленеют острия травинок. И тишь вокруг… Это одна из первых вёсен после войны.

Курессаар. Именно здесь в сознание впечаталась радостная краска. Возможно, она и не первая, но с годами вытеснила другие и стала главенствовать в ворохе смутных воспоминаний. А ощущение радости – от ласковых рук девушки Нельги… Она раза в три старше меня, почти взрослая. Но ближе и понятнее, чем настоящие взрослые. Наше с нею – чаша-клумба, песочные крепости с сыроватыми подземными ходами, прогулки к ветряной мельнице с перебитыми в войну лопастями. Нельга учит меня своему языку, и её весёлое «тере-тере» («здравствуйте») запомнится навсегда.

…Она и сейчас-то, легко представить, идёт ко мне в празднично-белой рубашечке, вышитой алым крестиком. Ветер обминает пышные рукавчики, треплет волосы, что светлее песка. И с каждым шагом ко мне в глазах её, неправдоподобно синих, всё сильнее блестит лукавство…

Эстонцы наши соседи. Бледная и морщинистая женщина, мать Нельги, увидев как-то нас вместе, заворчала на дочь на своём непонятном языке. Та дёрнула плечом, недоумённо спросила о чём-то, но на властный окрик матери поднялась с колен и унесла, не

разжав пальцы, горстку яркого песка…

Спрашивал я у матери: почему Нельге нельзя играть со мной.

– Не знаю, сынок…

– Старуха злая?

– Да нет, – загадочный был мне ответ. – Не злая.

Два долгих дня я выслеживал Нельгу. Обходил вдоль каменной ограды их усадьбу. Всматривался в домик под черепичной крышей. Казалось, девушка заперта где-то за толстой дверью, и лишь клочок неба видится ей сквозь зарешёченное оконце. Даже то окошечко высматривал я среди буйной зелени…

…В один ветреный день мать развешивала во дворе выстиранное бельё. Вышла соседка. Подобрав под передник руки, она строго смотрела на влажные паруса простынь, развеваемые ветром. Приглядевшись, я убедился: да, это была сердитая волшебница!..

Что-то, видать, не понравилось ей, и она заворчала на мать на своём языке. Мне стало тревожно за мать, но та лишь улыбалась и как ни в чём ни бывало развешивала паруса. Я подбежал к ней.

– Да не бойся, – сказала она весело. – Она не злая…

Потрепав меня по голове, она и пошла к сердитой волшебнице. Заговорила с ней ласково. А я подглядывал за ними из-за чаши-клумбы. Мне тревожно и удивительно.

Долго стояла потом посреди двора пустая корзина. А женщины, отойдя в тенёк, присели на лавочку и продолжали беседовать о чём-то… Один раз даже пошептались, наклоняясь друг к другу…

Ветер же, вольный ветер с моря сушил белые паруса!..

С того дня соседи здоровались громче и приветливей.

– Тере-тере! – орал им я, радуясь, что знаю перевод этого, немного смешно звучащего словечка.

…Она подкрадётся ко мне сзади. Крепко, но ласково возьмёт за голову. Узнаю́ её пальцы, дыхание.

– Нельга! Пришла?!

Подхватив меня на руки, она выдыхает слова, которых я так и не узна́ю. От них слегка кружится голова. Обвив её шею руками, утыкаюсь в пушистые волосы, где, конечно же, иногда прячется солнышко.

Пытаюсь ухватить зернистую брошь у неё на груди, а Нельга не даёт. Кружит меня и смеётся…

В этот раз у неё с собой диковинные для меня цветные карандаши. На куске немецкого картона мы, то есть она, рисуем

море. Бледно-синее. Красный кораблик плывёт куда-то. Он получается кривым, и Нельга выпрямляет его, от усердия высунув кончик языка. Яркая шапочка её сползает набок, а потом и вовсе падает на песок. Ветер тут же кидается играть её волосами…

Однажды мы выстроили с нею песочное диво – за́мок с башенками и флажками. И как раз в этот печальный день пришлось покидать всё тут. Отца переводили служить на материк.

…С палубы катера, усеянной шляпками заклёпок, берега Сааремаа, густо поросшие можжевельником, открылись далеко и просторно. А над ними – в мире тусклом и величавом – шли облачка: кудрявенькие, равнодушные ко всему, что творилось на земле…

Вскоре ладошки промозглого ветра забрались мне под пальтецо и прогнали с палубы. Спускаюсь по железным ступеням в теплоту тесной каюты и радуюсь: мать спит, притулившись в уголке и не видит, как я возвращаюсь с запретной вылазки наверх.

Пристроившись в другом уголке, размышляю о зелёном острове, где осталась Нельга. Понимаю, что теперь не увижу её. Наверное, никогда. И ничего нельзя изменить… Хотелось плакать…

На долгом пути укачивало. А швартовался катер уже на латвийском берегу, в порту Вентспилс… Жизнь здесь потянется как нескончаемый сумеречный день с лохмами туманов. Мне скучно и непонятно.

Однажды тайком от всех я сбега́ю на берег моря. Хотелось увидеть отсюда Сааремаа… В полосе прибоя меня обдаёт мутными брызгами. Отскакиваю повыше, откуда и видно дальше. Но – горизонт пуст. Лишь темнеют силуэты кораблей…

После долгих мытарств по Прибалтике на грузовой машине, уже из литовского порта Клайпеды мы отплываем на запад. Такова оказалась судьба маленькой семьи военнослужащего… Обосновались в порту Пилау.

…В приземистом бараке много полуподвальных комнатушек. В нашей – это четыре ступеньки вниз – гудит чугунная печка…

Запомнилось, как по ночам в городке гремят выстрелы. Говорят, что это бандиты. У отца под подушкой всегда пистолет…

Тот портовый городок, самый западный в нашей стране, теперь известен как Балтийск.

Вскоре и оттуда придётся уезжать – уже вглубь Восточной Пруссии. Это название тоже должно было исчезнуть, но пока в

разговорах взрослых звучало, – слишком ещё близка от нас была война…

Уезжали в кузове полуторки, прикрывшись от ветра брезентом. За оградой из колючей проволоки увидел груду странных «хвостатых» чушек. Ехавший с нами военный с костылями пояснил: это мины.

– Они не взорвутся? – спрашивал я.

– Да нет. Теперь они никому не нужны, – успокоил он.

…А над балтийскими берегами снова тянулись вереницей облачка – вечно юные и вольные странники, какими нам никогда не быть…

***

В сизой вечерней дымке проступают предместья Кёнигсберга. Военный патруль останавливает наш грузовичок и проверяет всё в кузове. Среди нарядных домов – развалины от давних бомбёжек. Потрёпанная зелень. Редкие автомобили. Торопливые прохожие…

Приехали! Говорят, что нам повезло. Мол, жить будете в генеральском особняке. Но об этом – в другой главе повествования.

Генеральский особняк

Он маячит сквозь узорчатую ограду. Говорили взрослые, что здесь проживал важный немецкий генерал. Во время штурма Кёнигсберга нашими войсками он исчез, а в доме обнаружилось богатое имущество: мебель, библиотека, дорогая посуда, одежда… В ванной комнате висели цветастые полотенца, а у роскошного зеркала, вспоминал кто-то, лежала раскрытая серебряная мыльница с диковинными вензелями…

Теперь же в особняке проживало несколько офицерских семей.

Со двора, вымощенного брусчаткой, парадная лестница «вышагивала» сразу на бельэтаж, к массивным чёрным дверям, с которых таращились два искусно вырезанных рака величиной чуть ли не в мой рост. Глаза этих чудищ мутно светились камнями наподобие «лунных». А один глаз – в приметной золотистой оправе – был кнопкой электрического звонка. Нажмёшь – и глубоко за дверьми запищит. Будто рак жалуется по проводам: вот пришёл кто-то с улицы и сделал ему больно, утопив каменный глаз…

Поначалу я не решался нажимать на эту кнопку. Поворачивался к дверям спиной и колотил в них пяткой. Проскальзывая под руку матери, краем глаза видел, будто раки шевелят усами, клешнями и лапами.

– У-у, фашисты! – как-то пробормотал я.

– Что?.. Где? – обеспокоенно спрашивала мать.

…Самое заманчивое помещение в особняке – зал на втором этаже. Стёкла в окнах выбиты, их осколки льдинками блестят среди штор, на мраморных подоконниках и на полу среди листьев, занесённых сюда ветром… В тишине и пустоте зала, едва касаясь паркета острыми ножками, словно царил рояль: дивное существо с упрятанным за чёрные бока многоголосьем… Иногда я прихожу сюда. Приподняв тяжёлую крышку, глажу холодные клавиши. Я осторожен с роялем, чувствуя его блистательное превосходство надо мной, белобрысым мальчишкой. Осмелев, нажимал только одну клавишу – крайнюю справа. Тонкий излучался звук. Он возносился в вышину зала, колебался там, а когда замирал – слышался скрип оконной рамы, висевшей на одной петле… Другое замечательное помещение – на первом этаже. За дверью в эту каморку воздух стоит прян и густ от рассыпанных прямо по полу яблок из генеральского сада…

Мы – несколько ребят из особняка – гуляем обычно в саду, возле невесть как сюда заехавшего «студебеккера». Решётки перед фарами придают этому американскому грузовику грозный вид, но… стёкла фар выбиты, и поэтому «студер» выглядит каким-то обиженным. В сумраке фургона располагается наш боевой штаб. Играя в войну, мы собираемся здесь перед вылазкой в дебри садового царства.

Однажды мы назначили «фюрером» обрубленный осколками яблоневый ствол. Надели на него немецкую каску, выломали прутья-сабли, камней набрали и… пошли в атаку!..

Камни рикошетили от каски, она глухо звенела, мотаясь на пне, а потом упала «рожками» вниз… один малец пнул её ногой. Да так сильно, что сел на землю и заплакал. Мы мигом окружили его.

– Ты чего?.. Больно?..

– У-у, Гитлерюга!..

– А его нет давно!

– Всё равно это он!..

***

…Никто не знал, откуда в особняке появилась злая кошка. Видели её на лестнице, ведущей в таинственные и запретные для ребятишек подвалы. Она топорщила усы и шипела. Нас пугали: кошка может быть больна бешенством. Мы же, ребята, посчитали, что появилась она неспроста, что её подослал к нам сбежавший

генерал. Чтобы мстить. За победу нашу, конечно…

Пытались выследить «фашистку» и побить камнями. Но та, завидев ребят, бросалась наутёк… Одна девочка, из новых жильцов, как-то повстречалась с той кошкой на лестничной площадке. Стала приманивать, протянула руку, чтобы погладить… Та сжалась в комок, а потом вдруг мяукнула и вцепилась зубами в руку. Девчушка с плачем прибежала домой, держа перед собой окровавленный палец. Её тут же отправили в соседний военный госпиталь…

Выслеживали злодейку почти все жильцы особняка, а засекли – пацаны, на задворках… Подкрадывался к ней поближе офицер с пистолетом. Стал было прицеливаться, но потом сунул пистолет в кобуру и выхватил у сопровождавшего солдата автомат с круглым диском. Все наблюдавшие сзади притихли… Треснула очередь!.. Мы радовались и прыгали. Стрелявший не пожалел патронов.

***

В длинном коридоре на втором этаже особняка висели картины, радуя светлыми красками… Вот молодой охотник, в шляпе с пером, едет на коне в осеннем парке… А вот юная пастушка в сарафане играет на свирели, а вокруг неё сгрудились, слушая, белые овечки. Кругом – альпийские луга, цветы. Неземная красота… Но сильнее притягивала картина в дальнем и полутёмном углу коридора. Тускло светилась позолотой массивная рама, а что изображено на полотне было не разобрать. Подойти же ближе мешал огромный сундук, запертый на висячий замок. Картина долго дразнит меня какой-то загадкой, и, наконец, нарушив запрет, я забираюсь на сундук и рассматриваю изображение почти вплотную…

На лесной реке, в сумерках – чёрная лодка. Бородатый мужчина в шляпе с высокой тульей сидит за вёслами. А на корме – две молодые женщины, на лавочке, прижавшись друг к другу. У одной на руках младенец, он спит. А другая, распустив волосы, держит гребень… И чуткая тишина над тёмной водой. Мерно шевелятся вёсла. Мать покачивает дитя. Обе женщины смотрят вперёд, поверх гребца, будто ожидая поворота, за которым река вынесет лодку в утреннюю страну, полную солнца и голосов жизни…

Всматриваюсь – и вдруг так захотелось поплыть вместе с ними, что охватило непонятное волнение. И сожаление, что сделать этого никак нельзя…

***

Но жизнь в генеральском особняке продолжалась недолго. Дальнейшая моя судьба решилась после письма из Калининской области. Дед Павел Николаевич сообщал: «Мы живы и здоровы, чего и вам желаем. Варя ходит по наряду в бригаде. Но колхоз пока бедный. Я сбрую шью лошадям. Табак продаю. Свой, с огорода…».

Дед был известным на деревне грамотеем. Умел сочинить складно.

«…Мальца вашего везите к нам. Пусть у нас поживёт. Малец нас не затруднит. Везите…»

Родители объясняли, что так и надо. А пока я поживу в деревне, у меня появится братик или сестричка. Спрашивали даже: кого я-то хочу?..

– Сестричку хочу! – мрачно заявлял я. – Защищать буду...

Не понимал всего, но был доволен, что со мною советуются по такому важному вопросу.

***

Вокзал в Кёнигсберге не запомнился. А вот паровоз с красной звездой на чёрной «груди» вызвал восторг. Распуская во все стороны «усы» белого пара, он подплыл к платформе и поприветствовал нас коротким, как вскрик, гудочком. Народ вокруг с узлами и чемоданами засуетился, загомонил.

Как-то угнездились в тесном вагоне. А перед отправлением поезда паровоз издал такой протяжный и томительный гудок, что у меня сладко замерло сердце. Как от предчувствия чего-то интересного и непременно хорошего впереди… А мать почему-то пригорюнилась.

– Теперь – в Россию, – сказала тихонько. И смахнула со щеки слезинку.

***

Детство на этом не заканчивалось. Оно продолжится и перерастёт постепенно в отрочество, и среди многих ярких впечатлений произойдёт и обретение истинно своей «малой родины» именно здесь, на тверской земле.

Хорошее дело

Есть в моей биографии незабываемый эпизод. Это когда я один день провёл в настоящем детском саду.

…Миновала и масленица, а морозы всё не отпускают. Приходится мне дома сидеть и в проталинки на окнах смотреть. То

синиц увижу в огороде, то воробьёв. То сорока прилетит, хвостом повертит и улетит… Скучно в деревенском доме, хотя и тепло, и сытно…

В такой вот морозный день дед Павел Николаевич и говорит:

– Ну, вольная птица, пора и к дисциплинке привыкать. Сведу-ка я тебя в детский сад. Повеселей там будет, чем с нами, стариками…

Наутро, закутывая меня шарфом, бабушка ворчит:

– Как дикарёнок у нас растешь!..

И вот идём мы с дедом в село. Переходим по бревенчатому мосту речку Тьму, поднимаемся в крутую гору, где я вижу огромную церковь с полуразрушенным куполом. Галки на березах орут…

Здесь в большом районном селе Луковникове с дедом здоровается каждый встречный. Его, инвалида Первой мировой войны, книгочея и острослова, да еще и торговца самосадом со своего огорода, знают почти все. И каждому встречному, ответив на приветствие, дед мимоходом сообщает:

– Вот, внука в детсад веду. Первый раз.

– Давай-давай, Павел Николаевич, – слышим в ответ. – Хорошее дело!..

– Да, хорошее, – соглашается он, и мы бредём дальше.

В детсаду мне разрешают повозить за веревочку зелёный паровозик с вагончиками. Их смастерил кто-то из родителей здешних детей…

Вскоре мне это надоедает, и я начинаю играть резиновым мячом – тяжёлым и слабо накачанным. Нечаянно попадаю мячом воспитательнице по голове… Она строго, как букашку рассматривает меня.

– А-а, это наш новенький?.. У нас, дружок, шалить нельзя… Это тебе не деревня… Дедушка говорил тебе про дисциплину?..

Я киваю, молча. А к мячу больше не притрагиваюсь. Усевшись на пол, выгребаю из-под стола разноцветные кубики, которых рассыпано здесь множество. И никому почему-то они не интересны. Наверное, наигрались уже…

Строю сначала домик, окружаю его оградой. Но это все слишком просто и обычно! Начинаю строить башню… Получается высокая, даже покачивается. Я размышляю: как её укрепить, чтоб ещё повыше надстроить… И тут подбегает краснощёкий мальчик из другой группы и кричит:

– Отдай кубики! Это мои!..

– Как это? – удивляюсь я, придерживая руками башню. – Они общие!..

– А вот и нет! – визжит он и ногой бьёт в мою башню. Она рассыпается по полу…

Я хватаю мальчишку за штаны и спускаю их ниже колен. Он замирает, голенький и худенький, не зная, что и делать. Что тут поднимается! Переполох!.. Мальчик рыдает. Воспитательница и подоспевшая повариха кидаются утешать его… Девочки смотрят на меня с презрением и даже с опаской!..

– Если ты, – слышу в назидание, – не перестанешь шалить, я все расскажу дедушке…

– Домой хочу! – заявляю я. – Не нужны мне ваши кубики!..

– Домой, дружок, еще рано. Сейчас мы все пойдем обедать… А потом вы ляжете спать…

– Спать?! – изумляюсь я. – Не хочу спать!.. Отдайте мне мое пальто, я домой пойду!..

Никуда, конечно, меня не отпустили. За длинным столом мы весело брякаем ложками в алюминиевых тарелках. Обед оказался вкусным, и домой идти мне почему-то расхотелось. Уговорили меня не спать, а просто прилечь и притвориться спящим, закрыв глазки…

Посопев недовольно, я зажмуриваюсь и через минуту неожиданно и крепко засыпаю… А просыпаюсь бодреньким и не сразу соображаю, где нахожусь… Грустно становится. Сижу в уголке и размышляю о нашем доме за речкой, о петухе Антихристе и о многом другом… Хочется всё же убежать отсюда. И дорогу я помню…

Вскоре смеркается, и дед приходит за мной.

– Что соскучился, пострел? – посмеивается он. – Не нравится дисциплинка?.. Ничего, привыкнешь!..

– Не хочу больше в детсад! – заявляю деду.

– Убегу!.. Замерзну – жалеть будете!

– Вот как? – удивляется он. – Ну и ну!..

…И вот снова идем мы по селу. И опять знакомым встречным дед сообщает мимоходом:

– Вот, внука веду из детсада! Первый раз ходили…

– Что ж, хорошее дело, Павел Николаевич, – слышим в ответ.

Дома дед что-то рассказывает бабушке. Наверное, воспитательница нажаловалась ему…

– Да и пущай дома сидит! – заявляет вдруг бабуля. – Дома – при глазах… Да и лето скоро! Летом у нас ещё и лучше…

Деду, похоже, и самому было скучно без меня, поэтому бабушкины слова оказываются решающими. В садик я больше не хожу!.. А вот дома сидеть и в проталинки смотреть теперь совсем и не скучно! И синицы оказались какими-то интересными, и воробьи. А уж сорока-красавица так радовала, прилетая на огород, куда выливают отходы с кухни…

Когда же я немного подрастаю мне разрешают сбегать в село – в ларёк за жёлтыми соевыми пряниками и конфетами-«подушечками». Детсад я обхожу почему-то с опаской. И радуюсь: хорошее это дело жить на свободе!..

Сушь великая

Обстригая засохшую тину, бабушка ворчит:

– О-хо-хонюшки! Ни огурчика… Поливай – не поливай. На-ка, внучек, отнеси к бочке. Сожгём…

Я только что обрывал гороховые стручки, сморщенные и пожелтевшие до срока. Подхватываю в охапку тину и тащу к дырявой бочке. А потом убегаю вниз по тропинке, к речке.

Вот она, обмелевшая, блестит на галечных перекатах. Таится в камышах и траве. А живительный холодок поддонных ключей сохраняет лишь в омуточках.

Зачерпываю пригоршню воды, и бросаю себе в лицо, за шиворот.

– Ой! – ору от восторга.

В зеленоватой глубине омутка шныряют пескари. И мальки, и покрупнее, при виде которых сердце сжимается от неутолённого азарта.

«Вот кому не жарко!» – завидую рыбешке. Так не хочется возвращаться в пыльную деревню, где даже куры попрятались под навесы, млеют на сквознячке и квохчут расслабленно…

Но идти надо. Бабушка говорила, что нам придётся сходить к «старцу» Леонтию. Дед просил отнести тому какие-то ремешки. В подарок. А заодно мы узнаем, когда же конец жаре окаянной. Кто-кто, а уж «старец» наш, уверяла бабуля, всё знает.

…И вот мы идём – одни в длинной улице. Бредём в неколебимой, стоической и словно бы древней жаре. Она испепеляет листву и, кажется, волосы, если не прикрыть их кепочкой.

Шагаем тихонько по глубокой горячей пыли, которая насыпается в мои сандалики…

За распахнутыми воротами, в сумраке двора, спиной к нам восседает на высоком чурбаке Леонтий. На голове у него зимняя шапка – треух, а босые ноги опущены в бочок с водой. Он громко сопит и ловко орудует шилом. Ремонтирует дратвой хомут с колхозной конюшни, где числится старшим конюхом.

Не оборачиваясь к нам, Леонтий вдруг спрашивает голосом зычным, командирским:

– Варвар, чего пришла-то? По такой жаре и не ходила б!..

Бабуля уважительно кланяется ему в спину и докладывает:

– Паша обрезков ремённых прислал. С войны лежат… Может, к делу приспособишь?..

– Ну-кось! – Леонтий отрывается от хомута. Мнет желтыми пальцами дедовы подарки. Потом бросает их в корзину у порога.

– Пойдут! Не сгнили…

Тут он взглядывает на меня карими блестящими глазами, очень напоминая в тот момент Николу – спасителя с нашей иконы. Только в шапке зимней!.. Рассматривает меня, а дратву в хомуте продёргивает наощупь. И вовсе не кажется мне «старцем». Лишь белая бородёнка задиристо торчит вперёд. Заметив мой взгляд, чуть усмехается и строго спрашивает у бабули:

– Внук?

– Внучек наш, внучек, – торопливо кланяется она.

– В школу скоро?

– Скоро! – смело отвечаю я.

– Леонтий, сынок ты желанный, – бабуля испрашивает у него, как милость. – Когда жаре-то конец! Когда она, окаянная!..

– А видишь, – перебивает он, – ноги в воде держу? Стало быть, ещё полютует. Верно слово – окаянная! Лошади, и те маются…

– Я тут, – осторожно признается бабушка, – картишки раскинула…

– Да?! – встрепенулся Леонтий, – И что они?..

– Так что-что… Якобы не скоро еще жара спадёт. С неделю, а то и поболе…

– Врут твои карты! – Сердится наш «старец». – Я-то полагаю, через два дня гроза. Подкрадётся да как жахнет!..

– Христос с тобой! – крестит она его и себя. – Не пужай, озорник!

– А я не пужаю! Природа мне так подсказывает. Через два на

третий что-то будет…

– Ну спасибо, Леонтьюшка! Спасибо! Уж эти-то денёчки дотерпим…

– Неча меня благодарить! – сердится он. – Павлу Николаичу – низкий поклон!

– Передам – передам, – кланяется она. – Ты уж не серчай, милай! Я примет этих отродясь не знавала. Что Господь пошлёт, то и…

– Пошлёт – пошлёт! – машет он сухой рукой. – Помолись!..

– Ну а как же, – крестит она его и себя. – Помолимся!..

…Проходит еще два мучительно знойных дня. А на третий из-за «казённого» леса медленно поднимается вдруг тёмная туча. Небо там озаряется трепещущими огненными верёвками. И гром – далёкий, ласковый, настоящий где-то раскатывается в небесах и за лесом. Похоже, что надвигается гроза.

Бабушка уже в ужасе от небесного нашествия. В сумерках опускается в кухне на колени и молится на икону Николы-угодника.

Шепчет что-то, шепчет.

– Господи! Помилуй нас, грешных!.. Пролей живой водицы!..

…И вот, наконец, её слова захлёстывает широкий порыв ветра. А потом слышим и дождевую дробь в стёкла – звонкую и жалостливую…

Дышать вскоре становится легче. Ночь напролёт гудит и ухает в мире тёплый ливень. А вот уснуть – трудно! От счастья.

– Вот спасибо, Леонтьюшке, – шепчет бабуля. – Не обманул!..

Утро же, запоздалое и словно изнемогшее, подкрадывается к нам в духоте и тумане испарений…

Старая кузня

Кузня – всему голова.
Россией пахнет, родиной…
Евгений Носов

Стояла она у галечного переката, неподалеку от Степинского моста через Тьму. Неиссушимые мхи лоскутьями зеленели на тесовой крыше. Одиноким оконцем глядела кузня в неутомимо ворчливый светлый перекат, за которым стеною вставал матёрый ольшаник.

Исцарапаны-избиты были льдинами нижние венцы сруба, половодья доставали кузни, плескали в рубленый угол и крошили его, брызгали в оконце…

Через распахнутые ворота влетали в кузню и гуляли в её горячем сумраке полевые ветры. Рдели уголья в жерле массивной печи, в летний день даже смотреть на них было жарко.

Хозяйничал здесь пожилой и бритоголовый колхозный кузнец Алексей Костылев. Был он широк и тяжёл, а с виду так грозен, что мы, ребятишки, заглядывали в кузню только украдкой. А однажды я смело, потому что по делу, переступил её низкий порог… Утром бабушка не углядела за самоваром: много выкипело воды, и ручки у него отпаялись. «Ах, окаянная! – ругала она себя со слезами на глазах. – Чуть совсем не распаяла. Ай, голова-чалпан!..» Ну и послала меня в кузницу.

Там гулко бухало. Летели искры от малинового лемеха на наковальне. Придерживая лемех длинными клещами, кузнец тюкал по нему крохотным молоточком, а парень-молотобоец размеренно, с высокого замаха бил кувалдой по звонистой стали. Было поразительно, что исходившая горячим светом сталь не разбрызгивается…

– А ну сюды-ка! Ан ещё! – приговаривал кузнец между ударами, указывая остроклювым молоточком, куда бить. – Ан и хватит! Сюды-к теперь! Вдарь ещё!.. Ага-а…

Работе их, казалось, не будет конца. Но сталь померкла, и кузнец скомандовал: «Ха-рош!» И осердился на подручного:

– Ну, повеса! Вника-ать надо!.. Нужно гнуть, а ты прямишь! – Тут он заметил меня и проворчал уже мирно: – Это тебе не оси гнуть и не снопы вязать. Тут вникать надо – металл!..

Парень – загорелый, с блестевшей от пота спиной – покровительственно подмигнул мне и вышел покурить к речке.

– Ты чей? – спросил кузнец, забирая самовар и ручки.

Я отрапортовал, как учил меня дед:

– Варваре Степановой внуком буду!

Разузнал про мамку, папашу и вздохнул:

– Значит, с бабкой пока? – А потом остро глянул на меня и спросил: – Озорник небось?

– Озорник! – с внезапной радостью ответил я.

– Хм, – слегка улыбнулся кузнец, припаивая ручки к самовару и не глядя на меня. – Я тоже озорником был… Ох, озорником!.. Я озорников люблю.

Мне это казалось удивительным. Бабушка всегда пугала: «Вот вырастешь озорником!» А тут – на тебе…

Окончив работу, кузнец бросил красноголовый паяльник в

ведро с водой и прихлопнул широкой ладонью по блестящему боку самовара. Подавая мне его, сказал:

– За работу не возьму. Передай бабке: когда-либо на чай зайду. Павлу Николаевичу, деду твоему, за табак должон.

Дома, наливая воду в самовар, бабушка радовалась:

– Послал же нам господь Костылька! Что б без него и делали? Золотые руки!

У степинского кузнеца Алексея Костылева слава была отменная. Ремонтировал он всё, что только везли и несли ему: тракторные моторы и сеялки, плуги и бороны, швейные машины, разные часы, самовары и вёдра. Иной раз над дырявой кастрюлей прокопается полчаса, а потом рассердится на владелицу:

– Забирай!.. В другой раз такую ерунду не приноси!..

Но и в другой раз возьмётся за ремонт, и снова платы за «ерунду» не возьмет. Некоторые старухи, рассказывала бабушка, пользовались этим и перечинили всю металлическую посуду – кухонную и вовсе ненужную в хозяйстве.

Заработанных денег кузнец на ветер не бросал. Не кутил, как некоторые другие мужики. В выходные дни надевал тёмно-синий костюм, хромовые сапоги и зелёную фетровую шляпу, не изменял которой даже в летнюю жару. И отправлялся в село с хозяйственной сумкой. Шёл он не спеша, расправив плечи. Степенно раскланивался с каждым встречным, потому что по округе его знал каждый.

В селе же кузнец первым делом шёл в чайную пить пиво. Здесь оно было всегда, так как на пивоваренном заводе в соседнем районном городе Торжке у заведующего чайной был фронтовой друг…. Алексею Костылеву пиво отпускали без очереди, хоть он и не просил этого. Однажды кто-то из мужиков даже пошутил:

– Тебе почёт, как барину!

– А я чхать хотел на всяких бар! – отвечал он.

Пива кузнец мог выпить, наверное, много, но ограничивался обычно шестью кружками. А потом шёл на базар и по магазинам. И там тоже перед ним снимали шапки, расступались очереди, а продавцы и торговки величали по имени и отчеству: «Алексей Иванович!» Кузнец был настоящим покупателем…

Как-то я опять зашёл в кузницу, просто из любопытства, и дядя Лёша разрешил мне покачать деревянный рычаг мехов. Я качал, а он посмеивался и приговаривал:

– Давай-давай! Раздувай жар…

После этого случая ребята в деревне завидовали мне и говорили, что скоро я стану сильным и вполне смогу подраться с Васькой Шептухиным из соседней деревни Боярниково. Я, конечно, обрадовался и, решив отлупить заодно и его дружков, напросился у кузнеца покачать рычаг еще раз.

…Качал долго, несколько минут, – аж пот меж лопаток заструился. Жалко было, что подручный отобрал рычаг. Отойдя за кузню, я стал ощупывать мускулы. Они, к моему разочарованию, какими были, такими и остались, только ныли с непривычной нагрузки. Выбрав момент, я спросил у кузнеца:

– Дядь Лёш, а сколько нужно качать, чтобы стать сильным?

Парень-подручный все-таки услышал и засмеялся было. Но кузнец вдруг цыкнул на него сердито и улыбнулся мне:

– Ну-ну, никак обиделся? Мы пошутили… Чтобы сильным стать, я тебе скажу, надо работать много и каждый день. А ты в три дня захотел богатырём сделаться…

– Засучи-ка рукава-то! – оскалил белые зубы парень.

– Цыц! – приструнил его дядя Лёша. – Сам-то, вспомянь, замухрышка был какой!.. А ты, я тебе скажу, балбесов не слушай. Ты помаленьку свое дело делай и делай… Это главное.

Помолчав немного, он взял с железного стола один из крохотных молоточков на длинной ручке и протянул мне:

– Возьми-ка, пожалуй… За то, что жар помогаешь раздувать.

От неожиданности я отступил на шаг. Иметь такой молоточек, которым я мысленно вбил уже десятки гвоздей, починил крышу…

– Бери, бери! Да большие-то гвозди не вбивай, – строго добавил он. – Не для гвоздей он, а кувалде приказчик…

Тропинкой между картофельными огородами я поднимался к нашему дому. Сердце колотилось звонко. В крепко зажатой руке я навсегда уносил в свою жизнь подарок кузнеца.

Болтовня

Слабое туманное солнце. В инее берёзы по деревням. Снег скрипит, голоса и треск трактора в льдисто мерцающем воздухе. Ещё не выветрился по деревне остро ощутимый в снежной свежести запах дымка́…

В проталинку на пушисто заиндевевшем стекле вижу: дорогу переходит старшая бабушкина сестра – Марья Гавриловна. Подслеповатая и сутулая, она испуганно оглядывается посреди пустынной улицы – не идёт ли машина или трактор? А через

несколько томительных минут о ступени нашего крыльца стуко́чет её палочка.

Впустив с собой в избу морозного пару, Марья заглядывает туда-сюда и, не видя никого, возвышает голос:

– Ва-арь! Куды ты запропасти́лася? И на печи тебя нету…

Бабушка – за перегородкой, в спальне. Греется, сидя у малой нашей печки. Слышит взыванье сестры, но лишь супится и елозит, усаживаясь поудобнее. Скамейка под ней скрипит…

– А-а, вона ты где! – На сморщенном личике Марьи возникает нерешительная и виноватая улыбка. – Я, брат, чукавая. Всё слышу!.. Вылеза-ай.

Не таясь теперь, бабушка скрипит скамьёй и сердитым баском даёт отповедь:

– Шляешься, окаянная! Вздремнуть не даёшь… И чего приплела́ся, в такой-то мороз? Сидела бы, знай, дома, грелась!

– Христос с тобой, сестрица! – стоя у порога, машет рукавицей Марья. – Я на восемь годов тебя старее, а бока покамест не грева́ю. Кто ж за меня новости-то разнесёт? Сорока учёная?..

Насторожившись при слове «новости», бабушка зажмуривается и длинно, притворно зевает, приговаривая по привычке: «О-хо-хонюшки ха-ха». Иногда добавляет ещё «чем я девочка плоха», но это когда хорошее настроение, а поболтать, кроме как со мною, пацаном, ей не с кем.

Гостья по-прежнему у порога. Поэтому хозяйка, нехотя поднявшись, выходит, наконец, в кухню. Сердито оглядывает сестру: с прохудившихся платков до стоптанных и в разноцветных заплатках валенок. И снова басок её крепчает:

– Ф-фы! Вырядилась! Будто надеть нечего… Я б на месте твоего Ильи – не пустила б по деревне шляться!

– Да-да, – виновато и невпопад отвечает Марья. – Какая долгая зима, только людей морит…

Потом замечает и меня, с другой стороны печки. Я греюсь, держа руки за спиной, и смотрю на неё во все глаза. Бабка Марья всегда чего-нибудь мне советует. И в этот раз тоже:

– И-и, мерзляк-мерзлячок! Не к печи жмись, а попрыгай! Изнутри согреешься…

Потом, встрепенув клешнястыми руками, обращается к бабушке с главным, за чем и пришла:

– Слыхала, чай, али нет? Марфа-то Буряева померла…

– Чего-о? Марфа… Это из Петрищева которая, что ли?!

– Она, она, – скорбно кивает Марья, и в эту минуту кажется мне похожей на Богоматерь с нашей иконы, только более древнюю, чем та.

– Так молодая ж была! Чего это стряслось с нею?

– От расстройства, Варюшка. От расстройства.

– Да не тяни ты, окаянная! Не тяни, как кота за хвост! – Тут бабушка подхватывает сестру под руку и ведёт в кухонному столу.

Марья усаживается, хлопает скинутыми рукавицами и отирает губы, как бы приготовляясь говорить долго и не торопясь. Бабушка садится напротив, оправляет платок и требовательно произносит:

– Ну?!

– Ага… Она что, Марфа-то? Послала, значит-то, мужика своего полпорося продать. Да украли, дурак-ч-чёрт!.. Ну и померла, значит…

– И всё? – с угрозой в голосе вопрошает бабушка и качает головой. – Ну что ты за человек, Машь? Я тебя толком прошу сказать, то-олком. А ты?.. Ну украли, так? И что?..

– Как что? – Марья утирает рот и оглядывается растерянно. – Украли, значит-то. А Марфа – плакать. Чего ж ещё, веселиться?.. Плакала-плакала да померла.

–Так чего ж она из-за полпоросёнка-то? Стоило так убиваться? Тьфу ты, господи-и…

– А я почём знаю? – Марья хлопает рукавицами и гладит их на коленях. – Она мне не доложилась.

– Мужика ейного, Гришку, отлупить надо было! Вишь, потерял… А коли плачется – к Матрёше Жуковой пошла б. У неё травка есть такая, про грусть. Пожевала-пожевала б и вылечилась. А то эва, нехватало ещё помирать!.. Да-а, не было, видать, знающего человека рядом…

– И я говорю, – печально кивает Марья. – Не надо бы Гришку одного посылать. Тогда б и не украли. А то что: в чайную завернул, дружки-приятели. Зелёной водицы нахлебался – тут и штаны потерять можно, не то что поросёнка… А сказал, ч-чёрт, украли…

– Ох, знаю я Гришку! – грозит ей пальцем бабушка. – Ч-чистый лонтрыга! Золотому человеку – всегда золотой человек. А Марфе не повезло. В девках смотрела плохо, вот и… до сроку.

– Третий день на поминках гуляют, – так же печально произносит Марья. – Совсем изгуля́лися.

– Чего-о ж! Поминки справлять – не картошку копать. Мой батюшка, царство ему небесное, – выпрямившись при этих словах,

бабушка широко и торжественно крестится, – всегда говорил: вино пей. Вино больша-ая польза, коли его помалу. А Гришка? Рази ему понять?.. Изнитится человек, помять моё слово! Последнее пропьёт, без Марфы-то… Ох, Марьюшка, милая! И своего-то ума ведь не дашь!..

– Я, Варюшка-сестрица, встрела его намедни. Посередь села как раз. Увидал как – прям на меня, будто трактор! Тётка Машь, говорит, дай пятёрку в долг. Деньги, мол, дома забыл… Ну, смекаю себе: как можно забыть, коли нету? А потрафлять на водку – не желаю. Есь деньги-то, есь. Да как потом, Варюшка, Марфе-то в глаза погляжу? Совестно ить…

– Ну-у, поехала! Ты по делу. По делу говори.

– Значит-то, и говорю ему: не-ту, роди-мый! Нету ну ни копеечки… А он поглядел – как пятернёй по лицу мазнул!.. А ещё родня!

– И всё потому пьяница, что Марфа рта раскрыть боялась! Всё дрожала, всё дрожала как листик. Вот и отломилась… А нужно бы его песочить! Мужиков не ругать – добра не видать.

– Затеньковатый он какой-то, Гришка этот. В пастухах бегать надо, а он хлям-хлям. Пока хлямает – а коровы аж в жито ушли! – Марья снова хлопает рукавицами, а бабушка морщится: и чего пыль пускает? – Он мне, Варюшка, и говорит как-то: мне всю жизнь не везёт. Никогда, говорит, денег нету сколько хочется…

– Так-так!.. На вино такой лонтрыга всегда найдёт! Задачки не решал, алгебру не учил, а голичков наломает, малинки соберёт – и торгует себе. Во-он какую рожу зато отпил! Куда уж Марфе с таким сладить… Ай-я-яй, и как это она, непутёха! Стоило так убиваться, господи?! Гришке-то небось, всё нипочём?

– Чего-о ему! Ходит нараспашку. «Ох, дубинушка, охни!» – поёт себе, и горе не беда.

– Ну, окаянный! – всплескивает руками бабушка. – Хоть бы председатель взбучку дал! Небось и работу забросил? Сколько же можно поминать?

– Приструнят, Варюшка, приструнят…

– И надо ему по загривку! Мы вон и то работаем, хоть и спины кривые. А он?.. Я вот ужо встрену его. Я его встрену!.. Эт не раньше тебе. Мы в колхоз вступали когда – и то так не делали. А теперь-то и вовсе совесть надо иметь.

Сёстры приумолкли. Сонно тикают в кухне ходики. Прислушиваясь к ним и ко вздохам Марьи, я размышляю о том, как

это встретится она с покойной Марфой? Представляется зимнее кладбище за деревней: в праздничном инее кусты и берёзы, блестят под солнцем нетронутые снега… Глазам становится горячо. Прислоняюсь затылком к тёплой печке и зажмуриваюсь. «Неужели всем умирать?» Хочется прильнуть к бабушке, спрятать лицо на её мягком боку... И пусть не бередит душу тревожный вопрос: «Зачем это нужно всем умирать? Жили бы и жили…» А если уж умирать, то почему взрослые так спокойны? Почему не бегают, не кричат, не делают что-то, чтобы жить и… не умирать?

– Э-э, Санька! – окликает вдруг меня бабушка. – Ты чего это пригорюнился? Али мы скуку на тебя навели?

– Не, я слушаю…

– Я, сынок, за тобой до-олго гляжу, – нараспев говорит Марья. И я чувствую, что ей хочется погладить меня по голове своей заскорузлой, своей трогательно-беззащитной ладошкой. – Тебя бог не оставит, в тебе ангел небесный есть… Поди-ка сюда.

Подхожу, прижимаюсь к её пахучей с мороза шубейке, а она, действительно, гладит меня по голове. И говорит уже бабушке:

– А помнишь, сестрица, напроть нас бонба германская упала? Острым концом кверьху… Приехали эти, как их?

– Ну сапёры, – подсказывает бабушка, подозрительно глядя на неё и стараясь понять, куда Марья клонит.

– Во-во. Сапёры!.. Отрыли, значит-то её – и на телегу. Как поросёнка! Здоровущая такая бонба, только что не румяная… Так вот: гляжу я намедни в окно. Варюшка, да и вспомни её. А что если б взорвалась она тогда?.. Всю избу раскатало бы, по брёвнышку. Аж жутко мне сделалось. Веришь ли?

Ну во-от, Матрёна! – сердито отмахивается бабушка. – Уж семь годов с войны прошло, а она только напугалась. Терёха ты!

– Так как же не напугаться-то, сестрица родимая? Коли избу-то могла развалить.

–Так не развалило ж, матрёна!.. А хоть и развалило б, ну и что? Свету конец?.. Горят, да и то обживаются. Из огорелышей шалашик соберут – и живут пока…

– Я не об этом, – тихо и с досадой произносит Марья. – Убило бы, Варюшка.

– Машь! – грозно и тоже тихо говорит бабушка. – Ну как тебе не совестно, право? А? Опять по это завела! Как придёшь – так про это. Уши вянут!.. Что, помирать нам пора? Или торопит кто? Пензию получаешь, глаза вон видят. Чего не живётся?

Марья кофузливо постукивает палочкой об пол и с обидой говорит:

– Тебе-то чего-о, ты молодая. А я на восемь годов старее. Мне уж и пора думать…

Тьфу, окаянная! Накаркаешь. Вот бы ремня тебе широкого!

Но Марья, к досаде бабушки, опять «завелась».

– Я вот, Варюшка, подумаю-подумаю, а помирать-то придётся. А что мы хорошего видели?.. Грозы боялись, богатства не имели…

– А я, – сердито перебивает её бабушка, – всегда батюшкины слова вспоминаю, царство ему небесное!.. Бывало, положит руку на сердце и скажет: я богатый – сам собою! Что у меня есть – то и ладно… Мы, Машенька, и на печке проживём, а есть такие, что и в хоромах, да тоскуют!

– Да, да. Как ни раскинь, сестрица, а человек на му́ку родится. Вон, как Марфа-то: жила-жила и погасла… И вся жизнь-то наша как утрешняя роса. Явится – и нет её… Редко кто до ста доживает.

– Эва куда хватила! – изумляется бабушка. – До ста, вишь, ей захотелось!

– А тебе чего, жалко? – обижается Марья.

– Да живи знай! Хоть сто двадцать… Когда пора будет – скажу. А то и квитанцию выпишу, – бабушка меленько, рассыпчато смеётся. А Марья от возмущения снова хлопает пыльными рукавицами.

– Зачем сто двадцать… Пусть и другим достанется. Мы, Варюшка, пожили – теперь пусть детки поживут. Помереть-то всем успеется… Я вот подумаю-подумаю, а ведь глупость сотворила. Девять сынов от Ильи своего имею, а никого Вовочкой не назвала. Имя-то какое носил бы…

– А я вот назвала Вовочкой, да… Не успел ни пожить, ни деток завести. Когда пенсию-то за него назначили солдатскую, я и получать не пошла. Деда послала… Разве нужна мне эта пенсия?.. Мне, Машенька, тем худо, что могилки его не знаю. Где, чего? Сгиб от Гитлера проклятого, а где лежит – одному богу известно… Может, с товарищем, а, может… Лучше б уж с товарищем хорошим!.. Хоть бы кустик кто-нибудь посадил или берёзку…

Сёстры умолкают. Но не надолго. Светла давняя печать, а боль – даёт и жить, и дышать. А потом уж Марья щурится на часы, тенькающие над их головами. С кряхтеньем поднимается и, как бы оправдываясь, говорит:

– Щи поставила греться. Небось уже готовы. Печь-то сегодня

жарко топила.

Выпроваживая сестру, бабушка в сенцах ворчливо наставляет и тычет ей в спину согнутым пальцем:

– Заходи, бывает. Только без дела-то не шляйся! Упадёшь ещё…

Возвратившись в избу, она гулко захлопывает дверь и, потирая руки, отрешённо приговаривает:

– Ну, мороз! Ошалел совсем.

Опять присаживается на скамейку к печке. Пригревшись, опускает веки и словно дремлет…

Оба мы слушаем, как неспешно проходит за стенами дома зимний день. Но дремота не идёт теперь.

– И чего шляется? – ворчит бабушка, вспоминая Марью. – Вздремнуть не даёт, окаянная!..

Возле печки

Во все времена окружающий нас мир народная фантазия населяла диковинными существами. Да и сейчас так. Недавно Максим Галкин упомянул про Ёшкина Кота, Бляху Муху и других. А мне сразу припомнилось своё, из детства – незабвенный Уська, который обитал якобы за печкой… Но сначала о ней, «царице» деревенского дома…

Она согревала нас и кормила, усыпляла и даже лечила. Оценить волшебство той самой русской печки мне довелось после приезда сюда, в бабушкин дом неподалёку от речки Тьмы, из мрачной сырой Прибалтики, где оставался служить отец.

Задушевнейшие воспоминания связаны, конечно, с вкуснятиной, которая готовилась в ней на жарких-то угольках. И не только на них. Даже когда остывала она, выметенная изнутри, томилось в её остаточном тепле молочко, покрываясь коричневой пенкой, зарумянивались хрустящей корочкой картофельные запеканки, настаивались до нужной густоты кашки в котелочках, прикрытых чугунными сковородками… А уж какими душистыми бывали щи даже из серой капусты!..

На боку нашей «царицы» в маленьких нишах, называвшихся печурками, сушились носки и рукавицы.

Забираться на печь надо было по деревянным приступочкам. Наверху, почти под потолком, пахло сухой глиной, старыми валенками и расстеленной овчиной. И среди этого барахла, нагретого кирпичным теплом, блаженством было прикорнуть,

сжавшись в комочек, замереть и прикрыть глаза. Слушать, как едва слышно потрескивает на припечке, возле вьюшки, приготовленная в запас лучина… И уж особенно сладко кемарилось тут и мечталось о зелёном лете после того, как зазябнешь в морозный день или промокнешь в слякоть…

А вот у самой входной двери в избу за печью имелся узкий полутёмный закуток. Здесь обычно хранили пару охапок дров. Про запас, чтобы не бегать за ними поутру. За ночь они пообсохнут и согреются, если принесены с мороза, и уж в печи-то сразу займутся весёлыми огоньками.

Вместе с соседом-дружком любили мы повозиться на полу посреди избы. Если слишком уж расшалимся, бабка Варя могла и «приструнить»:

– Эй, уймитесь! А то вот сщас Уську позову!..

Уже слышали мы про этого Уську, не боялись. Было даже смешно немного, но всё же ушки навостряли. По её словам, обитал он как раз в том закутке за печкой. Любопытно нам было: а какой он? Маленький? Может, лохматый?..

– Какой-какой! – сердилась старая. – Строгий!.. Порядок любит.

– А кусается? – Приставали мы. – Царапается?

Просили даже позвать его. Глянуть хотелось. Угостили бы чем-нибудь вкусненьким!..

Бабушка охолаживала наш пыл:

– Отстаньте! Как репеи!..

…Однажды, оставшись в доме одни, мы с фонариком «Даймон» пытались поискать Уську за печкой. Светили туда. Но за охапкой дров было пусто. Ползал какой-то паучок, и пахло корьём. Сверху же, над нами, шуршал своими одёжками развешенный связками лук. Мы решили, что днём Уська, пожалуй, прячется ото всех. Может, на чердаке?..

По широким ступеням скрипучей лестницы, с фонариком, поднялись туда. На толстом слое пыли не было ничьих следов. Издавна хранилась здесь всякая рухлядь, а на жердинке висели веники.

– А вдруг он невидимка? – шёпотом предположил дружок. – Глядит сейчас… А потом подкрадётся и цапнет!..

В тёмном углу под вениками, казалось, шевелится кто-то.

– Эй, выходи! – грозным голосом крикнул я. – Где ты там!?

От тишины сделалось еще тревожнее.

– Пойдём отседова! – дружок тянул меня за рукав. – Сказки всё это! Нет его…

А уже когда мы спустились на две ступеньки, он тоже грозным голосом прикрикнул в сумрачную пустоту чердака:

– Ну и сиди там! Мы тебя не боимся!

***

В наших деревнях, на границе Старицкого и Ржевского районов, после недолгой немецкой оккупации многие баньки оказались сожжены. Так что в русских печках, бывало, и парились. Довелось и мне испытать такое приключение.

У деда спина болела после давнего ранения, вот бабуля иногда и готовила ему «лечебную» парилочку. Застелет соломой кирпичный под, выставит чугунок с горячей водой, и веник в него окунет, размокать.

Дед кое-как залезал внутрь печи через узковатое жерло. Покряхтит там, в жарких потёмках, веником похлещется… А потом вдруг и меня зазывает:

– Забирайся! Места хватит!

– Давай-давай! – посмеиваясь, и лёгким шлепком по голой заднице подбадривает меня бабуля. – Не боись! Не растаешь!

Внутри пахнет глиной и берёзовым листом. Жестковато на соломе-то! А погреться – блаженство!.. Помнится, боялся испачкать в саже локти, на что бабуля вещала:

– Да ладно, сажа – не грязь! Вылезешь – отмоем!..

Для этого у печки уже сготовлено корыто, ковшик и согретая вода.

И в других домах было не в диковинку нечто подобное.

***

А еще запомнились обитавшие в избе крупные плоские тараканы, убегавшие от нас с поразительной быстротой. Появились-то они по деревне вместе с немцами. Хозяйственный взвод расквартировали по домам. У нас на дворе четыре лошади ночевали. Тараканам тогда сразу дали меткое прозвище – «пруссаки». Прятались они в разных местах, и в том закутке запечном, под дровами… А зимой, когда немцы отступили ко Ржеву, с «пруссаками» разделались простым способом. Ставили ночью перед шестком блюдце с водой. Приманивали… А ночью, когда те сбегались на водопой, понемногу и отлавливали. Придавят – и курам бросят... Мне-то довелось видеть уже последних «пруссаков». Не дали им расплодиться.

***

Давным-давно минули те времена, а где-то в душе так и остается осколочек детства. Думается даже: а ведь и хорошо, что существовал в том далёке забавный жилец деревенского дома, хотя никто его так и не видел. Как-то интереснее было жить, зная, что вроде бы где-то и есть он, этот Уська…

Нечто похожее и в нынешние времена. Пусть живут себе и здравствуют Ёшкин кот и все другие дивные существа! Лишь бы не кусались и не царапались!

Балалаечка

Свою невзрачную балалайку дед называет ласково «трёхструночкой». Висит она в тёмной спальне, прицепившись за гвоздочёк. Поджидает гостей или особого дедова настроения.

При гостях или после выпивки, когда, по его словам, «пальцы согреваются», дед снимает её, приговаривая растроганно:

– Эх, трёхструночка! Радость моя…

Начинает всегда со старых песен, а разохо́тясь – отрывает и плясовую.

Любит посидеть с балалайкой подле кухонного окошка, глядя куда-то к лесу. Выведет песню, помает-помучит её – и бросит. И стенают струны под жёлтыми от махорки пальцами, и голосят – тоненько и дрожаще, жалобно и страдаючи. Будто мучит дед струны, и сам себя рад помучить. Перебирает напевы, как дни и года в памяти… Может быть, для того и играет, чтоб убедиться: не забыл ли чего – песен каких или дней?

Для меня, пацана, дед играет всё, что попало. Чаще же – припевки, половину из которых сочинил, наверное, сам.

Трень-ти да брень-ти,
Трень да брень!
Мне с печи
Спускаться лень!..

Хмурюсь, бывало. А он, поддразнивая, загнёт и такое:

Не ходите, девки, в лес,
Леший страшный в лесу есть.
А пойдёте, девки, в лес –
Леший всех вас в лесу съест!

– Чего ты про каких-то девок? И леших не бывает, сам говорил!.. Сыграл бы «Камаринскую»…

Её он любит. И по-особенному играет, когда есть благодарный слушатель… Начинает плясовую вызывающе замедленным

«выходцем». Помалу убыстряя и убыстряя ритм. Как бы подзадоривая себя… И вот уж – крутит пальцами завитушки. Языком прищёлкивает, струны щиплет и поддёргивает. Сам весь подастся вперёд, зажмурится вдруг. И глазом поведёт под потолок. И опустит на гостя сверху вниз, но гостя не видит в этот миг, а только чувствует отдалённо. Эх, кабы не рана с войны в пояснице – встал бы мой дед! Кабы не годы такие – вприсядку прошёлся б… Доведёт запьяневшую вдрызг трель выше некуда, словно подбросит напоследок к потолку – и оборвёт игру. Взглянет на гостя ошалело и синё, и засмеётся: не как дед, а как парень какой-нибудь с деревенской посиделки…

Брал дед балалайку и на прогулки наши к речке. Сколько уж лет минуло, а так и видится мне, так и слышится это. Сидим мы с ним на зелёном угоре, над нашей речкой Тьмой. Наигрывает он что-то тревожное и разливное, как бубенцовый звон… Слушая балалаечный перебор, я не могу оторвать взгляд от пустынных зелёных лугов за рекой, от пологих холмов, на которых словно дымятся голубоватые овсы. Слабый блеск травяных волн завораживает. И всё вместе: этот ветер в словно бы дымящихся овсах, томительные голоса струн входят в меня странной, почему-то счастливой тоской, которую теперь я могу назвать ощущением родного вокруг, русского.

Такая разная любовь

Когда в редакции мне предложили поддержать новую рубрику «Мужской разговор», захотелось рассказать именно эту историю.

…Мой дядька – Саша, со Старицкого района – вернулся с фронта в сорок четвёртом. На попутной полуторке доехал до своей деревни. С костылями приковылял к родному дому, что недалеко от речки Тьмы.

Жена, Катерина, увидев его в дверях, охнула и, враз обессилев, опустилась на скамью в кухне. Дети – двое малышей-погодков – выглянули и спрятались в малую комнатенку. А сосед Фёдор, тоже инвалид войны, оказавшийся за кухонным столом, онемел на время…

Вскоре Александру все стало понятнее. Катерина достала из-за иконы листок бумаги, развернула его и пришлепнула на столе. Вот, мол, смотри, Саша, – «похоронка» на тебя… Больше года за иконой лежит. А других вестей не было…

Ну а ему-то что на это сказать? По госпиталям валялся. В

окружение попадал. Прошел «фильтрацию» у особистов… Знать не знал, что подо Ржевом, где впервые был ранен, попал в списки погибших. А почта что? Посылал весточки, да, значит, не дошли… На большой войне всякое бывало. А в деревне, когда уверились, что погиб Сашка, Катерине и присоветовали: не маяться в одиночку с двумя мальцами, а сходиться с Фёдором, который жил по-соседству, с матерью. Хотя инвалид войны, все равно же мужик в доме.

В ЗАГСе сельского райцентра, изучив «похоронку», оформили их брак. Катерина и фамилию Фёдора приняла. Все было у них по совести и по закону.

Время шло. И вдруг вернулся он, Сашка её!..

Печальной оказалась эта встреча. Собрала Катерина простенькой закуски, выставила бутыль мутного самогона. Поговорили спокойно, хотя руки у всех поначалу тряслись.

Повспоминали деревенских – погибших и пропавших. Ничего пока не решали…

Потом забрала Катерина ребятишек и ушла ночевать к родственнице. Словно дала намёк мужчинам думать, как быть дальше им всем?

В тот вечер Александр и Фёдор вспоминали пережитое на войне. В сущности-то молодые ещё люди, а хлебнувшие лиха и знавшие цену жизни, они понимали, что никто из них троих ни в чём не виноват. Не оказалось у них ни обиды, ни зла друг на друга. Война многим жизнь искорёжила. А они, слава Богу, живы. Хотя и покалечены, а поживут!.. Да только вот как, теперь-то?..

Наутро обоим стало ясно: не им, а Катерине решать главное. Прямо так и сказали ей…

А она, встав перед ними, сидящими за столом, каменела сердцем: как сказать-то?.. Она ведь ещё вчера всё решила, да только виду не подала. Как увидела у порога его – страшноватого, почужевшего, как только разглядела сквозь «незнакомость» его, родного, так и… Что-то мучительно оборвалось у неё внутри. Превозмогла… А теперь вот – нельзя молчать! И скрывать ей нечего… Прижав кулачки к груди, она проговорила:

– Прости меня, Федя…

Тот вздрогнул и опустил голову. Сразу всё-всё понял. А она продолжила:

– Спасибо, дорогой, что жалел нас. Детей помогал поднимать…

– И ты, Катя, прости меня, – говорил Фёдор.

Дядька Саша рассказывал, что слезы у Фёдора так и текли.

Катя обняла его за плечи и поцеловала в макушку. А ему-то хотелось обнять её на прощанье, прижать к себе, да… не посмел при первом-то муже. Сдержался.

…В свои студенческие годы я иногда гостил у дядьки Саши. Был у него на проводах в армию их старшего сына. Тетушка Катя очень уж переживала, и даже заголосила, как при похоронах бывает, когда сынок её полез в тракторную тележку, чтобы ехать в райвоенкомат. Дядька Саша, помню, даже сердито одергивал её:

– Ну, что ты, в самом-то деле! Не на войну же провожаем!..

– А-а-а, и без войны гибнут! – подвывала жена.

Дядька гармонистом был. И гармонь была с собой. Тогда грянул он для призывников и провожающих свою любимую, что с фронта привез, – «Наташу»… Я и сегодня помню такой куплет:

«Не пришёл над тобой посмеяться,
Не пришёл твою жизнь загубить,
А пришёл я с тобой распрощаться,
Чтоб навеки тебя позабыть»…

Жалостливой была песня, похожая на немудрёный солдатский фольклор, а за душу цепляла.

После проводов я и спросил, наконец, почему у него и жены, Катерины, фамилии разные?

– А ты разве не знал? – удивился дядька Саша, и поведал мне, как оказалось, окончание той истории с «похоронкой»…

Когда в сорок четвёртом оформляли Катерина и Фёдор развод, её и Сашку вновь соединяли узами брака. Так нужно было для собеса и вообще. Только вот снова менять фамилию Катерина не захотела: «Людей смешить!» А ему, Александру, что? Он и не возражал. Так и жила с Федькиной фамилией…

А тот вскоре уехал в Ленинград. Похоже, чтоб душу никому не травить. Посчастливилось ему в Питере на работу устроиться да еще с местом в заводском общежитии. Вроде и семью завёл.

В одну из последних встреч, когда дядька Саша уж совсем состарился, шепнул мне как бы по секрету: мол, Федька-то его Катерину так и не разлюбил!.. А с чего это он взял – я не догадался спросить. Помню лишь, что сообщил он это со странной грустью, непонятной для меня, тогда еще молодого…

Давно нет на этом свете дядьки моего Саши и Фёдора. Нет и Катерины, которую они любили оба. Сейчас-то в разных местах живут их потомки. Может, и правнуки уже есть… Уверен, что от

поколения к поколению передается в их семьях история с «похоронкой». Та, о которой теперь знаете и вы.

Из лирического дневника

Время майских жуков

…Много лет не был я здесь, на деревенской родине своей матери. А когда, наконец, сподобился приехать – не осталось тут никого из близких людей… А ветшающий без хозяев дом, словно обиженное существо, поглядывал на меня тремя окошками, излучая укоризну и безмолвный упрёк… На всё вокруг смотрел я глазами детства, от печали и воспоминаний дыхание перехватывало…

Оказался я здесь, как и мечталось, в пору начального лета. После первых тёплых гроз на деревьях вовсю разгорелись костры свежих листьев. Молодой берёзовый дух заливал деревню по самые крыши. Долго не гасла заря…

Бывало, дед Павел Николаевич, выходя вечерком на крыльцо, как перед входом в храм, снимал потёртую кепку.

– Вольно-то как! – умиротворённо вздыхал он, и констатировал почему-то строго: – Благодать!..

Опираясь на костылёк, спускался к завалинке под окнами. Даже закуривать не торопился… Он и сейчас-то будто рядом со мной, и мы вместе любуемся, как вечернее солнце прощально золотит редкие облачка…

– Смотри-к ты! – восклицал как-то дед. – Красный круг возле Луны!.. К вёдру. И Васька-хряк чует: слышишь? Чешется о загородку…

Интересно: а поверил бы Павел Николаевич, что люди уже слетали на Луну? По серебряному месяцу, глядевшему нам из сказок, вроде бы ступала нога человека!..

Столько времени минуло, а в чём-то здесь – как и раньше. С крылечка дома слышен стук молотка в селе за речкой. И смех доносится с моста через Тьму. Теперь-то мост бетонный, а не бревенчатый… Петухов уже не слышно. И вдруг, будто померещилось, а я и не уезжал на целую вечность, кто-то наигрывает в селе на баяне. Это вальс, полузабытый сегодня…

Кстати сказать, в эпоху до телевизоров вальсы часто звучали на открытой танцплощадке в селе. Помню, как даже старушки частенько приходили к разгару гуляний. Тянуло их к молодому веселью – погреться душой, поворошить угольки воспоминаний…

В тишине надо мной взгудывает. Летит крупный майский жук. В детстве мы гоняли таких вениками, надетыми на палки. Ловили и сажали в пустые спичечные коробки. К деду приставали:

– Послушай! Как радио…

– Знатный, небось, жучок-то! – щурился он хитро. – А ну, покажь!..

***

Молода, бархатиста наощупь береста на берёзе, моей ровеснице.

Дед посадил её в год моего рождения, но за два месяца до того дня. Боялся, что если тянуть до июня, деревце не приживётся… Выходит, оно ждало моего появления на этой земле?.. И всегда-то словно ждалó, где бы я ни был за эти годы. А теперь вот – и виду не подаёт!..

Что ей мой срок на земле? Берёзовое отрочество… Что и кого увидит она с птичьей своей высоты? Глазами её резных листьев я смутно провижу что-то: какие-то лица и шёпот, чья-то слеза на бересте… Всё это будет опять. И хорошо, если будет!..

***

Вот с дальнего конца деревни слышится мальчишеский смех. А мне сразу припоминается давнее. И ребятишки кричат из того далёка:

– Геша, отдай колесо! Всё-равно, гад… та-та-та… отниму!.. Та-та!..

– Эва, чертёнок! – крутит дед головой. – Сопли ещё не обсохли, а ругается как!..

Генька катит по дороге какой-то обруч. Тот вихляется, подскакивает на камешке и летит в канаву, заросшую крапивой. Плюнув в ту сторону, мальчишка подбегает к нам и плюхается на завалину рядом с дедом.

– Дедушка, заступись! – ноет он, вертясь на завалине.

– Ишь, струсил как! – строго замечает дед. – Ты шило-то вынь из-под казённой части!..

– Какое шило? – Генька щупает штаны сзади, завалину оглядывает. – А-а, знаю! Ты нарошно про шило! Думаешь, я Ваську боюсь? Да?

– Тут и сам Вася подлетает, с прихваченным обручем. Не побоялся в крапиву слазить. Чёлка у него топорщится, щека землёй измазана.

– Ага-а! – орёт он будто мы за километр от него, – Попался?!

Кто у меня колесо стащил? Кто?! А что за это полагается?!

– Тише ори-то, – говорит дед. – Мы слышим. Сейчас и суд вам устроим...

Васька растерянно смотрит на деда: неужели заступаться будет? А Генька шмыгает носом и ноет:

– Ну, сдаюсь, сдаюсь! Чего привязался?

Тут мы все слушаем, как мимо нас пролетает крупный жучище. Провожая его взглядом, Василий вдруг вздыхает:

– Полете-ел…

– Слышь, Васёк, – скучным голоском предлагает дружок. – А хочешь игру покажу?.. Новую!

– А интересная?

– У-у, что ты!

– Валяй! – милостиво разрешает Василий. – Показывай!

– Ты только быстро отвечай!.. Слушай: Мишка, Гришка и Щипай ехали на лодке. Мишка, Гришка утонул. Кто остался в лодке? Ну? Говори быстрее, а то игру испортишь?..

– Да Щипай остался! – выпаливает Вася. – Кто ж ещё?

– Щипай?! – ликующе восклицает Генька, оглядываясь на нас с дедом. – Щипай его, щипай!

Ухватив дружка за нас, он успевает поводить его в стороны и тут же бросается наутёк.

– Ах-х, ты! – Пухлое лицо Василия занимается огнём. – Да я тебе! Ну, погоди!..

– Щипайте его! Щипайте! – разносится по деревне радостный вопль.

– Да погоди, Гень, что скажу! – мирным голоском зовёт приятель, во всю прыть догоняя наглеца. – Погоди, ничего не сделаю!..

***

Поднимаюсь на крыльцо. В дверь ударяется и падает к ногам жук. Похоже, ошалел от теплыни и заблудился.

Притворяя дверь за собой, вижу облачка, уже потухшие, которые, быть может, и спустятся заночевать на пологий склон за нашей речкой? В детстве хотелось, чтобы длинной вереницей прилегли они в голубоватые овсы и сырые травы. Можно б тогда сбегать к ним, потрогать…

В кухне нас ждёт самовар. На угольках который греется, с медалями на боку… Окно в огород распахнуто. Мотыльки залетают в избу, но не опаляют крыльев, как раньше, о стекло керосиновой

лампы и не вьют отчаянных спиралей…

Много чего наизобретали люди для украшения стола. А есть ли что-нибудь лучше самовара?.. Клокоча паром и сердясь сам, он побуждает окружающих быть добрее. Истинное чаепитие возле самовара не терпит суеты…

Молодой берёзовый дух льётся в распахнутое окошко. И снова мне лезет в голову романтическая дребедень, что нет в году лучше поры, чем это «время майских жуков». Почему, всё же, оно так трогает меня?.. Не потому ли, что родился я в такой же вот вечер, под созвездием Близнецов, и как бы поэтому срабатывает некий генетический код?.. Мать рассказывала, что горел томительный закат, а мыслями и тревогами она пребывала в блокадном Ленинграде, где оставался муж и теперь – мой отец. Судя по недавним открыткам, он был жив. Ей же предстояло ещё долго выживать в эвакуации. Городки и посёлки Предуралья в то лихолетье приютили много ленинградцев, вывезенных по Ладожской «Дороге жизни».

Как бы там ни было, дребедень – не – дребедень, а в том далёке, на самом обрезе жизни и сейчас свистят соловьи. Для меня свистят – заливаются!..

***

Смею предполагать: поэтам и художникам очевиднее всего, что у каждого из нас может быть своё, подобнее моему, «время майских жуков». Это когда завершается годовой «круг» вашей жизни, а на деревце души нарастает новое кольцо. Похожи у нас и сожаления о быстротекучести времени. Мы стараемся не задумываться об этом надолго. И так – правильно! Иначе жить стало бы просто невыносимо…

Мы уходим, а чудеса – они остаются. Среди них не только нежные берёзовые листья и жучиный гуд в долго немеркнущем небе, а и Генька с Васькой, как наше продолжение. Остаёмся и мы в них, каждый по-своему.

Не очень-то весёлая правота жизни во всём этом. А по-другому и быть не может! Ведь жизнь – сама по себе – всегда молода. Она не кончается!..

Август, 2020 г. Лихославль

II. Лихославльская мозаика

Не туда заехали!

Осень 1941 года. 14 октября немцы заняли город Калинин. А на другой день к Лихославлю со стороны Вёсок подъехал мотоцикл BMW с тремя солдатами в касках. На коляске – пулемет…

Что было дальше – я слышал от старожилов еще в 60-е годы. Они уверяли, что это была разведка обходных путей-дорог на Торжок, который немцы никак не могли взять «в лоб».

…Так вот. Где-то возле нынешней улицы Заречной мужичок, местный карел, что-то то ли лопатой ковырял, то ли грабельками подчищал. Мотоцикл подъехал к нему. Солдаты что-то талдычат по-своему, и все повторяют: «Торжок! Торжок!..»

Наш мужичок сообразил, что отмалчиваться нельзя – хуже будет. Ну и залопотал им по-карельски. Рукой указывает: мол, туда – Кузовино, Золотиха, а туда – Анцифарово, Гайново…

– Торжок! Торжок, – сердятся немцы.

Мотает мужичок головой и руками разводит:

– Найн Торжок!.. Найн!..

Солдаты посовещались о чем-то. Похоже, решили, что не туда заехали. Развернулись на своем BMW – и назад, в сторону Вёсок…

Спасло тех немецких солдат, что не поехали они в наш городок. На улице Гагарина в доме № 37 в подвале было оборудовано пулемётное гнездо. В узкое оконце хорошо просматривались спускавшаяся к Черемушке улочка Ямская, мост и взгорок за ним… Идеальная позиция для пулемётчиков… Но так уж вышло, что бой не состоялся.

Много лет окошко на цоколе старинного каменного здания было просто застеклено. А сейчас оно «зашито» облицовкой, торчит лишь трубка вентиляции… Кому будет любопытно – я уточню: это слева от ступенек в магазин. Забавно, что живой интерес к «объекту» проявляют дети.

Про нас и про лошадок

С подков, блеснув, летят ошмётки
Дорожной грязи и времён…
Владимир Соколов

…Совсем неслучайно эпиграфом к этим заметкам я взял строки нашего знаменитого земляка. В этой метафоре – «дорожной грязи и времён» – и подтверждается догадка о том, почему это мы при общении с лошадью вдруг «неровно дышим»?.. И вовсе не в

гороскопе ответ, даже если вы и урождённая «лошадка». Это – на генетическом уровне: возникает в нас нечто неосознанное, древнее и тревожащее…

Помню, как после седьмого класса научили меня запрягать совхозную лошадку. Повозил летом сена, заработав первые в жизни трудовые деньги. У-у, как я гордился умением запрягать, ладить с животным и ездить рысцой без седла! А хвастаюсь этим – до сего дня!..

Полагаю, совсем не случайно, наша внучка, Настя, уже в четыре годика «заболела» лошадками. В Питерском зоопарке дело было: бабушка Тоня посадила её на смиренную лохматую Рыжуху, на которой здесь обычно и катали малышей. Кроха съёжилась от страха, ухватившись за холку, округлила глазёнки, но вскоре, покачиваясь на лошади, как на волшебном корабле, расслабилась. И заулыбалась даже…

«Ну вот, – подумалось нам тогда. – Ещё одна лошадница появилась на свете!» Так оно и вышло: позднее, в деревне у прабабушки внучка научилась ездить верхом, пока без седла, придерживаясь за поводья и холки этих трудяг, с помощью которых вспахивали и боронили огороды. Помнила по именам всех – Орлик, Победа, Крошка… А в студенческие годы посетила несколько занятий в конно-спортивной школе «Альфа», что в посёлке Заволжский под Тверью. Освоила там некоторые премудрости верховой езды.

– Тренировались – рассказывала мне Настя – по выездке. Это самостоятельная дисциплина в конном спорте, А есть ещё джигитовка, это трюки. Есть конкур – прыжки через барьеры. Вольтижировка…

Молодые наездники в «Альфе» учились управлять лошадью так, как это делают мастера, – незаметно, ласково, не беспокоя чувствительный рот животного беспорядочным дёрганьем поводьев…

Тренировки позволяли постепенно достигать некоего «баланса», то есть устойчивого положения тела всадника независимо от движений лошади. Вырабатывалась правильная посадка, при которой и не очень устаёшь, и спина потом не болит…

***

Особо рассказать мне хотелось о тренере из «Альфы» – спортсменке, красавице Диане Кузьменковой… У неё аналогичное «заболевание» возникло ещё раньше, чем у нашей внучки. И всё

потому, что проживала их семья рядом с Тверским ипподромом. Когда мама вывозила дочь на прогулку, та, завидев бегающих по кругу лошадей, от восторга чуть не выпрыгивала из коляски. С двенадцати лет Диана занимается конным спортом. Хорошо помнит свою первую лошадь, с которой подружилась. Это был конь по кличке Хитрец. Прежние хозяева выжали из него всё, что могли.

– Он сполна испытал, – рассказывала Диана, – человеческую жестокость. Его не щадили на тяжёлой работе в лесу. Повредили сустав. Перекормили, после чего он долго болел. Мы, по сути, спасли его… Совершенно простодушный зверь. Он не помнил обид, всех прощал…

Однажды Диана получила травму на конюшне. Она упала с другой лошади на кучу строительного мусора – битый кирпич, стекло. Понервничала из-за каких-то проблем и повела себя рискованно…

Поднявшись, она стояла посреди манежа и, закрыв глаза, плакала. Мысли о том, что надо бросить всё тут, уйти, поискать что-нибудь другое. Мало ли других занятий на свете?!

В этот момент и подошёл к ней сзади Хитрец, положил легонько голову на плечо и замер.

– Он, представьте, понял меня! – вспоминала Диана, теперь-то посмеиваясь. – Этого не забыть… Я ведь тогда не ушла с конюшни, осталась…

…Талант наездницы у неё проявился настолько очевидно, что в 15 лет ей доверили быть инструктором. Обучала новичков азам верховой езды. Подружилась с артистами цирка, которые занимались на ипподроме джигитовкой. Брала у них уроки мастерства. А свою конно-спортивную школу в посёлке Заволжский открыла в 2010 году. Лошадей здесь было немного, но все обученные, понятливые.

Лично я с удивлением узнал, что в «Альфе» работали только с конями – жеребцами и меринами. Здесь, как и в цирке, предпочитают их, так как кобылки слишком своенравны, а их поведение порой непредсказуемо.

– Спорт и капризы, – заявляла Диана, – вещи несовместимые!..

В её школе трижды в неделю занимались до тридцати спортсменов, а в другие дни тренировались новички. Команда конников из «Альфы» участвовала во Всероссийских соревнованиях по джигитовке и среди 28 команд занимала седьмое место. Это успех и тренера.

***

С древних времён известно о благоприятном воздействии лошадей на больных и раненых. Сегодня в крупных конных центрах Подмосковья, да и в некоторых других регионах, практикуется иппотерапия – так называемое «лечение лошадьми». Это вспомогательное средство для реабилитации инвалидов и детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Лошадка – своего рода тренажёр. Температура её тела, кстати сказать, выше, чем у человека…

Разумеется, иппотерапия довольно дорогостояща, ибо подразумевает участие нескольких специалистов при работе с одним пациентом. Но, кроме платных, существуют и льготные социальные программы для инвалидов и детей… Польза от них неоспорима.

***

Имея достаточный опыт, всадники могут поучаствовать в многодневном походе верхом на лошадях. Однажды летом Настя испытала такое, по сути, приключение.

Подобралась компания опытных и трезвых людей, способных переносить длительные переходы, ночевать в палатках, противостоять капризам погоды… Наметили маршрут вверх по Волге, по Калининскому и Старицкому районам. Готовую еду путешественникам подвозили к местам привалов и ночёвок, определённым заранее.

Благодатной оказалась пора середины лета. Живописные берега верхней Волги, вечера́ у костерка. Стреноженные лошадки паслись поблизости.

Из этого похода Настя привезла много фотоснимков. Вот пьёт водицу из Волги красавец-конь по кличке (не подумайте ничего плохого!) Губернатор. Умный и надёжный в походе друг. Воды попьёт – станет купаться…

***

Времена меняются, а тяга, интерес к лошадям не иссякают. Забавную особенность можно заметить у ворот конных центров и баз. Здесь постоянно «пасутся» современнейшие автомобили. Если они пустуют – значит, наездники и всадницы на тренировках.

Вестники лета

Такой день выпадает всегда в августе. В небе над нашим городским двором становится вдруг пустынно и тихо… Такая

перемена ожидаема и даже привычна, но всегда вызывает сожаление. Почему? … Да просто – стрижи улетели.

Еще вчера с ликующим верещаньем они кругами носились над крышами и деревьями. Сбивались в небольшие стайки и словно сговаривались о чём-то. (Есть старинное словечко «ватажились»). Мы слышали пронзительные голоса стрижей и не подозревали, что у них уже всё решено на завтра…

Рано утром они исчезли. И в опустевшем небе теперь – то воро́на молча пролетит, то перепорхнут суетливые голуби. Даже обидно бывало: что и с нами так-то, по-английски, – не прощаясь и сразу?..

Раньше, когда мы дома не вели огородный календарь, то отлёт стрижей как-то особо не отмечали. Хотя и удивлялись: как, уже? Жара стоит, зе́лено всё!.. А теперь-то запоминаем две «точки» в календаре. Появились стрижи – значит, началось лето «красное», центровое. Мелькают в небе «чёрные вестники» – и нам как-то радостнее… А вот в августе, предчувствуя скорый отлёт стрижей, мы даже просить их готовы: «Не торопитесь улетать-то!». Словно это в их власти – попридержать лето «красное», или хотя бы продлить расставание с ним…

Но, проси – не проси, а улетят они в срок, ведомый только им. И это тоже верная примета: значит, настало первоосенье. Некий краткий «подсезон», время первых Спасов с их медово-яблочными радостями...

А позднее, когда минёт и ореховый Спас, осень уже окончательна. Она непременно напомнит о несбывшихся летних надеждах. То уныние и тоску наведёт, то одарит, как томительным счастьем, сухой теплынью «бабьего лета»… Именно осенью и сознаешь, насколько стремительно отгорают стрижёвые месяцы, а до следующих –так далеко, так не скоро!..

***

В разные годы мне доводилось видеть, как гнездятся стрижи в скворечниках, на чердаках заброшенных домов. В местах, недоступных для кошек.

У нас в Лихославле много лет стрижи селились возле вентиляционных проемов под крышей склада газовых баллонов. Это на горе́, рядом с пожарной частью. Подрастающие птенцы иногда попадали внутрь склада и проваливались в узкие просветы между рядами баллонов. Лапки у этих птиц слабые – ни выпрыгнуть, ни впорхнуть. Такие «ловушки» становились для них смертельными.

Когда мы, газовщики, работали на складе, то иногда слышали птичий писк и шуршанье. Приходилось откатывать часть баллонов и доставать царапающихся и орущих стрижат. Выносили их на улицу и подбрасывали повыше… И те становились на крыло, летели на волю! А ладони долго помнили нежный пух горячего тельца, в котором билось, готовое выпрыгнуть от ужаса, птичье сердчишко…

***

И вот, снова весна, уже две тысячи семнадцатого… Шестого апреля в наших краях началась гроза – с молниями, рокочущим громом. Спокойная и даже теплая. Это был канун задушевного православного праздника, когда верится в чудеса и возможное спасение души. Благовещенье. В этот день принято выпускать птиц на волю… И снова мне вспоминались стрижи, наши, с нашего двора. Живы ли там, в тёплых странах? На Ближнем Востоке – в местах зимних кочевий перелётных птиц – идут нескончаемые войны. Гибнут не только люди. Гибнет всё живое… Если выживут наши стрижи, то уж точно не заблудятся в огромном мире и вернутся в места своих прежних гнездовий. Удивительное «чувство малой родины» есть и у них. Оно влечёт их «на севера́» и безошибочно приводит в тот двор, где они родились, выросли и встали на крыло…

Начался май, и мы уже снова готовы просить: «Да прилетайте уж скорее! У нас такая долгая зима, мы столько мечтаем всегда о лете!.. Вам здесь будет хорошо. Да и нам с вами, стрижи, будет только лучше. Прилетайте!..»

Друг мой питерский

Рассказ

Директор крупного ленинградского «Гастронома», Арам Георгиевич, был озадачен. Среди бумаг, накопившихся за время отлучки в его кабинете, обнаружилось и это заявленьице…

Штатный грузчик магазина Олег Воротилин просил трёхнедельный отпуск для сдачи вступительных экзаменов в Литературный институт имени Горького в Москве.

Директор ценил этого работягу: безотказен, честен, не пьёт! В армии отслужил, семью завёл. Не зря его фотография красуется на стенде «Ими гордится наш коллектив». Знали здесь, что балуется Воротилин заметками в молодёжную газету «Смена», охотно сочиняет стишки-пародии. Вроде бы и рассказики кропает…

«Да и пусть кропает, хоть роман! – начиная сердиться, размышлял директор. – Но три недели!? Да еще в эту пору!..»

Арам Георгиевич утёр вспотевший лоб и по-срочному вызвал Олега к себе. Работали грузчики неподалёку – на овощном складе, куда встала под разгрузку фура с Кавказа.

Тот явился незамедлительно, и по привычке шутливо отрапортовал:

– По вашприказу приказу прибыл! Рядовой Воротилин!

– Да брось! – Хмуро одёрнул его шеф. Встал из-за стола и, потрясая заявлением, горестно вопросил: – Вот это что?.. Ты это серьезно?

Олег пожал плечами:

– Вполне! В чем проблема, Георгич? За свой счёт прошу?

– Да не в деньгах дело! – Воскликнул директор. – Тебя-то я и за свой счёт отпустил бы! Но – три недели! А?.. В самый сезон фрукта-овоща! Каждый день оптовики наседают… Кого на подмену ставить? Ты знаешь, с улицы я не беру, – больше напортят да наворуют…

Олег терпеливо пережидал, пока фонтан страстей у шефа иссякнет, и лишь потом вставил словечко:

– Есть у меня приятель!

– Кто таков?! – мгновенно навострился директор. – Не пьяница?

– Золото человек! – с чувством произнес Олег. – И без дела пока…

– Странно! Почему это без дела, если такой «золотой»?

– Да студент, с Политеха. В академическом отпуске. Турист заядлый, с палаткой и спальником не расстаётся. У нас тут может и ночевать, за сторожа…

– Стоп! А почему в «академке»? Натворил чего? – шеф был дотошен, как следователь.

– Георгич, он подженился неудачно. Учебу забросил, вот и пришлось «прихворнуть», чтоб не отчислили…

– Поня-атно! Воспаление хитрости – болезнь известная. Мне с вами, чудесники, все ясно. Зови своего студента! Под твою ответственность приму, временно.

– Есть, товарищ командор! – улыбнулся Олег и собрался уходить.

Но разговор, как оказалось, не закончился.

– Присядь-ка пока, Олег.

Шеф выставил на стол два стакана и набулькал в оба, по половинке, «Боржоми». Глотнули, почмокали с удовольствием. Переглянулись по-дружески.

– Олег, давай откровенно… Скажи, а на хрена тебе всё это надо?.. И ещё вопрос: мы где с тобой живем? В Ленинграде. Вторая, как говорят, столица. Институтов у нас – навалом! На любой вкус! – тут голос шефа зазвенел от возмущения. – А тебе, значит, прис… извини, приспичило в Москву? Да?.. Ну, никак нам тут без Москвы! Не обойтись…

– Георгич! – прервал его Олег. – Я и сам не ожидал! Послал ради хохмы рассказики, на творческий конкурс. Ещё весной, уже и забыл почти. И вдруг вызов присылают… Что я должен делать?

Тут Олег достал из внутреннего карманчика сложенный листок, подал директору. Тот изучил его и удивился:

– Надо же! Институт-то при Союзе писателей! Ты, выходит, в писарчуки метишь? Не сердись…

– А чего мне сердиться?.. Раз вызов пришел – можно и рискнуть, Георгич?

– Ну-ну, – тот помолчал, еще водички глотнул. – Конкурс-то большой был?

– Человек 25–30 на место.

– О-о! И ты, значит, прошёл? Я понимаю так, что у тебя талант обнаружили. Молоде-ец!.. А теперь, значит, и экзамены?

– Да, обычные, как в университет.

– Так-так-так! Интересно. А вот если поступишь, Олег? Мотаться в Москву, учиться. А вдруг и не станешь писателем? Это ведь, как я понимаю, дело ненадежное, скользкое…

– Георгич, работа всегда будет! Диплом нужен… Мне в газете работать хотелось бы…

– А ты пишешь что-нибудь такое, серьезное?

Олегу явно не нравился этот разговор. Мрачно признался:

– Пишу помалу. Роман начал.

– Да ну?! – шеф сгорал от любопытства. – Намекнул бы хоть, о чём?

Олег сердито покрутил головой и выдавил признание:

– Про бомжей.

– Вай-вай! Как интересно! – Арам Георгиевич не скрывал своего восторга. – И, думаешь, пройдёт такое? Пропустят?

– Отзывы положительные, в Москве, – пробубнил Олег как под пыткой. – Мне, Георгич, поучиться там интересно, пожить в

Москве хочется, и всё такое. – И вдруг ляпнул, сам не ожидая от себя: – Может, это судьба!..

Последние слова сразили Арама Гергиевича. Он набулькал им обоим ещё минералки.

– Так-так-так, судьба, говоришь? Вопросов больше не имею… А, с другой стороны, я тебя понимаю: не век же в грузчиках бегать!

Шеф вернул Олегу бланк вызова, а на заявлении про отпуск наложил резолюцию.

– На, неси в бухгалтерию. Аванс получишь… А если поступишь – премию выпишу!

– За что? – удивился Олег.

– За смелость! – шеф стукнул волосатым кулаком по столу. – Судьбу не боишься попытать! Уважаю…

…Выйдя из кабинета директора, Олег чуть замедлил шаг у стенда. Отдал честь своему портрету, и снова отметил, что выглядит на фото вполне цивильно: при галстуке, с двумя орденскими колодочками на лацкане пиджака. И подпись под портретом была внушительна: мол, и ударник труда, и правительственные награды имеет за спасение погибавших и за службу в ПВО.

…Здесь, забегая вперёд, я должен добавить, что месяца через полтора подпись под фото Воротилина по приказу директора была расширена. Отмечалось, что теперь он ещё и студент Литературного института имени Горького при Союзе писателей СССР.

К Араму Георгиевичу часто заходили приезжавшие с Кавказа и других регионов экспедиторы и товароведы, завбазами и коллеги-директора́. По-свойски заглядывали по личным надобностям ответственные товарищи из партийных и советских органов. Люди профессионально внимательные и дотошные, они, конечно, посматривали на красочно оформленный стенд почёта. А сам Арам Георгиевич, как человек не только деловой и умный, а еще и мудрый, не упускал возможности хотя бы мимоходом напомнить уважаемым гостям о достижениях коллектива. Особенно приятно бывало ему, проходя мимо, обронить: «У нас коллектив слаженный. У меня, вон, грузчик Воротилин на писателя учится!..»

Гости одобрительно кивали и спрашивали:

– А что он пишет-то?

– Прозу. Над романом работает, – с искренней гордостью говорил шеф.

– Как-кой молодец!.. А про что роман-то?

– Не могу говорить, – доверительно сообщал Арам Георгиевич. – Если только по секрету, для вас лично… Про бомжей.

– Вай-вай, как интересно!..

…Продолжая работать в «Гастрономе», Олег и сам иногда контачил с гостями шефа. Знакомые долго и ласково трясли ему руку. А тем, кто знакомился, если спрашивали про отчество, он скромненько так отвечал:

– Да у меня как у царя Ивана Грозного! Васильевич я…

– Вай-вай, какой молодец! Как интересно говоришь!..

…Дважды в год Арам Георгиевич отпускал Олега в оплачиваемый отпуск для сдачи зачётов и экзаменов. Ненавязчиво спрашивал:

– Ну, как роман-то? Продвигается?

– Со скрипом, – неохотно делился тот. – Учёба, семья, не разгонишься…

– Понимаем-понимаем. Трудно, конечно. Но, ты уж давай, тяни! Мы в тебя верим! Ты у нас – талант!..

– Да ладно тебе, Георгич! – ворчал Олег. – Я в писатели не рвусь. Учиться интересно. А работать можно и газете, и в рекламе…

– А что? И не плохо! – одобрил шеф. – Может, и про нас чего-нибудь напишешь…

– Да запросто! – пообещал Олег.

***

В общежитии Литинститута, на углу улиц Руставели и Добролюбова мы жили в соседних комнатах, общались постоянно. Зная его «грузчицкую» историю, я и про Арама Георгиевича справлялся, а со временем и познакомился с ним. Бывая в Питере, заходил в гости к Олегу, вместе ехали в его бывший «Гастроном» затариться чем-нибудь, чего в Лихославле было не достать, особенно в годы дефицита.

…К исходу пятого курса, когда мы уже и дипломные работы готовили, произошло событие, значимое для моего друга. Судьба, если до этого она где-то «пряталась», то теперь заявила о себе решительно. Олегу поступило предложение, отказаться от которого было немыслимо. Его пригласили работать в многотиражную газету очень крупного предприятия. Пока на должность рядового корреспондента и по совместительству – заведующего музеем трудовой славы. Но с перспективой на редакторство, а еще важнее – на получение новой квартиры, что

было необходимо для растущей семьи.

Узнав про это, Арам Георгиевич расстроился чуть не до слез.

– Ты мне как родной стал! – признавался он за рюмочкой коньяка. – Но и понять тебя можно. Расти надо… Ладно, переводом тебя оформим с сохранением всех льгот. Характеристику тебе напишем – хоть на орден представляй!

А через недельку, когда Олег совсем прощался с шефом, тот вспомнил:

– А как роман-то твой?

– Какой? – рассеянно переспросил он, затаривая портфель дефицитными консервами.

– Как какой? – возмутился директор. – Про бомжей, конечно!

– А-а, – вспомнил Олег. – Георгич, ты уж прости меня великодушно…

– А что такое? – встревожился тот.

– Да… не было никакого романа!

– Как?! – изумился шеф. – Как не было? Ты мне страницы какие-то показывал. Говорил, что отрывок…

– Да это я так, для убедительности, черновики свои показал.

– А зачем, дорогой? Зачем?..

– Боялся, что не отпустишь меня на экзамены. Мало ли что?

– Вай-вай! И ты, мерзавец, столько лет нам мозги пудрил?! Ну, да ладно уж, мы не в обиде. Главное, что диплом скоро будет. Работу по душе нашел. Квартиру, вот, новую получишь. Жизнь-то состоялась, Олег? Верно?..

***

На этом я прекращаю рассказывать о питерском своём друге. И вы поймёте скоро, почему… Я обращаюсь теперь к дорогой для меня фотографии. Сняты мы были всем курсом в день получения дипломов. Тесной гурьбою сошлись ненадолго на крыльце парадного входа в старинный герценовский особняк… Сейчас, по прошествии многих лет, мы выглядим неправдоподобно молодыми, даже беспечными. Очевидно, что это – романтики из того, советского, прошлого, которое уходит всё дальше и дальше…

Уже сложившиеся люди, с немалым опытом жизни, работы в разных сферах, все мы испытали такое «приключение»: отсылали свои опусы на творческий конкурс. Потом – сдавали экзамены, знакомились… Интересно было учиться! «Роскошь общения» с друзьями и великолепными преподавателями оказалась уникальной, незабываемой.

За шесть лет учёбы прожили в Москве, в общей сложности, по году, и кое-чего узнали об этом мегаполисе изнутри. Мало кто из нас стремился стать писателем-профи. Просто мы любили литературу, и пытались сделать что-то своё в ней, да и около неё. Дороже всего было творчество, которое наполняло жизнь волнующим, сокровенным смыслом.

Рассматривая сегодня эту фотографию, остро осознаю быстротечность времени. Не всем однокурсникам довелось пережить восьмидесятые, девяностые и последующие годы. Невыносимо жаль было узнавать, что вместе с прошлым уходили и люди, молодые лица, которых я рассматриваю сегодня. И всегда вспоминаю при этом строку нашего земляка Владимира Соколова: «Друзья мои, не уходите…»

В годы нашей с Олегом учёбы этот знаменитый поэт был среди наших преподавателей, вёл творческий семинар поэтов. Мы, прозаики, занимались в соседнем кабинете. А когда звучал звонок на перемену, все дружно высыпа́ли в скверик у памятника Герцену, и Соколов часто был среди нас. Общались с ним запросто. Он больше слушал, чем говорил. Умел «затравить» полезную дискуссию, взбодрить приунывшего семинариста. Его суждения несли богатые для размышления подтексты, ведь цензура того времени, существуя официально, вела себя агрессивно, и вынуждала, порой, к иносказаниям.

А потом и сам Владимир Николаевич ушёл, оставив и такую, обжигающую душу строку: «Друзья мои, не исчезайте…»

…Что теперь-то сказать, в заключение? Для меня – они, друзья, и не уходят. Не исчезают. До тех пор, пока вижу их лица на дорогой для меня фотографии. Пока могу вспоминать и рассказывать о них хотя бы немного. Как о моем питерском друге.

Лихославль, август 2017

Над Олинским озером

…Северный берег здесь местами крут и высок. Густые травы, непролазные кустарники. А на бывших гарях полыхает-пламенеет розовое марево: кипрей зацвёл!..

Кипрей – ботаническое название растения, широко известного как иван-чай. Не раз, улучив погожий денёк в июле, приезжал я сюда запасти сырья для самодельной заварки… Сначала полюбуешься на пики соцветий, вымахавших до двух метров, а уж потом и входишь в эти заросли, раздвигая жёсткие стебли.

Давно замечено: цветущий кипрей излучает манящее тепло, а капелюшки светлого нектара привлекают пчёл со всей округи.

Дело-то у меня несложное. Наломаю охапку длинных стеблей, а потом ошмыгиваю листья, прихватывая и часть лилово-пурпурных цветков. Складываю рыхло в просторный пакет и уже замечаю, как начинает «просыпаться» терпкий аромат, таящийся в этом растении. В полную силу он проявится после ферментации сырья. Технология общеизвестна, не буду о ней. Лучше о другом расскажу…

***

Наша прабабушка Анна Ивановна интересно, бывало, рассказывала про года́ далекие, ещё до первой мировой войны. Запомнились её присловья:

– Когда я в Копорках жила…

– А вот у нас в Копорках…

Невдомёк мне было, что это за название такое, пока однажды не вычитал в умных книжках про «копорский чай». Тут меня и осенило!.. Совпадение какое или?..

Разыскал подробную карту Ленинградской области – и точно! Есть посёлочек такой – Копорье!.. Вот, оказывается, где местечко, с которым связала судьба нашу бабульку.

Повезло ей, крестьянской девушке из отдалённой деревни Старицкого уезда. По благоволению влиятельных знакомых определили Аннушку служить нянькой аж в Петербург. У барыни, имевшей на Охте большой дом с многочисленной прислугой.

Зимовали все в городе, а на лето часть прислуги барыня отправляла в своё загородное имение. В сельцо Копорье. Далековато от столицы, долго на телегах тряслись…

Работы по хозяйству выполняли разные. Довелось Аннушке и заготавливать иван-чай. Рассказывая нам, она такое словечко употребляла:

– Мы стебли-то смонили…

Листьями набивали мешки. Грузили на телеги. Большие возы отвозили мужики в Петербург. А там барыня сдавала сырьё на чайную фабричку, вроде бы хорошие деньги выручала.

Когда я узнал про всё это – словно некая связь времён замкнулась. Через все расстояния. Там – Копорье и Петербург. А тут – тверские края, Олинское озеро… Удивительно как-то было…

***

…Отсюда, с заросших косогоров, деревенька виднеется за озером. Это Олино. По-своему чудесное местечко, интересное и судьбами многих здешних жителей.

Старожилы Олина рассказывали, что до постройки плотины в пойме ручья были богатые покосные угодья. Их делили между теми, кто держал скот. За лугами ухаживали: кочки вырубали, ивовую поросль выдёргивали с корнем… А уж сена-то накашивали! Почти на тридцать коров. Сейчас трудно в это поверить…

Теперь – другие времена. Не сыщешь по деревеньке натурального молочка. Да и мало кто уже помнит тот ручеёк, что бурно вскипал по весне и даже притапливал пойменную низину… Уже давно здесь водохранилище – Олинское озеро. Многое изменилось в этой округе. Лишь кипрей по-прежнему буйствует на прогалках, где ещё не заглушила его всеядная крапива. Смотришь – не насмотришься на дивное войско, выставившее пики соцветий. Полыхает розовое марево, завораживает взгляд. А уж если приметишь, как роняет кипрей слезинки нектара – как тут не уверовать в его целебную силу? Как не припомнить старинные заговоры? Не зря же просили его унять боли и хвори. «Друг наш сердешный, иван-чай! Иван-чай!»

О чём поёт дудук?

На эту вечеринку в ресторане меня затащил один московский литератор:

– Тебе будет интересно! Новые люди! Я познакомлю тебя с Ану. Она недавно вернулась из Франции…

Друг пояснил, что Ану – армянка, историк по образованию, а сейчас – переводчица на основные европейские языки.

– Сколько ей лет? – спрашивал я.

Друг отделался метафорой:

– И знать не хочу! У её красоты нет возраста!..

За длиннейшим столом мы заняли лишнее местечко. Он высмотрел её издали и жестом подозвал к нам… Когда Ану медленно проходила по залу, на неё засматривались: царственная стать, высокая прическа. Сновавшие по залу официанты с видимым удовольствием раскланивались с ней. Друг был прав: такая красота – как бы вне времени и возраста…

– Здравствуйте, милая Ану! – он склонился, целуя ей руку. Потом и

меня представил, сообщив, что я из Лихославля, который между двух столиц.

– А я видела ваш городок! Из окна поезда. – Яркие карие глаза её смеялись, лучились теплым светом. – Мне запомнилось это красивое название – Лихославль. Как-нибудь расскажете, откуда оно взялось?..

А друг-литератор, бывавший у нас в гостях, пошутил:

– Там и карелочки красивые! И армяне прижились…

…Банкет шёл своим чередом. Звучали тосты и здравицы. Гремела танцевальная музыка. Друг мой успел обговорить с Ану свои издательские «заморочки» за границей, в которых она выступала в роли посредника.

В перерыве между танцами молодежь высыпала во внутренний двор ресторана, где был небольшой садик. Стало тихо. И тут тамада-армянин включил совсем другую музыку. И все мы, кто оставался в зале, слушали теперь дудук…

На меня и всегда-то необъяснимо странно действовало пение этой дудочки. Бывало, что и в сердце словно защемит, и в глазах станет горячо. Почему? Что-то отзывалось в душе, подспудное, на эти стенания.

Ану слушала дудук, слегка покачиваясь в кресле и прикрыв глаза… Когда музыка умолкла, она подала знак тамаде, и он включил ту же мелодию, только теперь потише…

Ану достала платочек и, посмеиваясь над собой, сказала нам:

– У меня теперь – всегда слезы, когда слушаю его. Старею!..

– Вы плачете? – осмелился спросить я.

– Да нет, – она промокнула слезинку на щеке. – Пожалуй, нет. Хотя и слезы. Я вспоминаю…

Мой друг взял её руку в свои ладони и спросил:

– Что же вы вспоминаете, милая Ану? Вы можете сказать нам об этом? Вы не обидитесь на такой вопрос?

– Нет-нет, не обижусь. Мы же друзья… Сложно сказать. Я вспоминаю как-то всё сразу! Жизнь… Прабабушку вижу и наши зеленые горы…

– Наверное, и цветы? – улыбнулся он, поощряя её исповедь. – Как на картинах Сарьяна!

– Да-да, и цветы. Много!.. И так хорошо становится… Я даже чувствую себя маленькой девочкой. Стою с кувшином и слушаю дудук у нашего пастуха…

– Почему с кувшином? – спросил он.

– Я ходила за водой, а на обратном пути заслушалась и споткнулась о камень. Воду пролила! Хорошо, что кувшин не разбился. Пришлось опять идти к роднику…

– Вы тогда, наверное, заплакали?

– Да-да, вы угадали.

– Отчего же? Вы ушиблись и стало больно? Или из-за воды?

– Нет-нет, не из-за воды! И не было больно… Сложно сказать, но… сейчас-то мне кажется, что от радости какой-то! Странно, не правда ли?

– Нет же, не странно! – воскликнул он, взволновавшись вдруг. – Это рассказывать сложно, а понять – легко! От счастья жизни, Ану! Разве не так?

Тут они оба рассмеялись. Она немного задумалась, а потом сказала:

– Вернуться в молодость невозможно. Но хотя бы душой молодеешь, когда поет дудук. Вот так, пожалуй…

– Я понимаю вас. Об этом еще Оскар Уайльд хорошо сказал в «Портрете Дориана Грея»: драма старости в том, что душа-то остаётся молодой. Это ведь и про нас с вами!..

– Да-да, я помню это. Мы словно выглядываем в мир из стареющей оболочки. Ни сбросить ее, ни выскочить…

Веселье в застолье набирало силу. А их беседа продолжалась.

– А вот скажите, Ану, вспоминается вам что-то из истории вашего народа? О чем напоминает такая музыка? Ведь в ней столько печали…

– Как же не вспоминать, друг мой! Наши горы так политы кровью, что должны бы стать розовыми… Горские междоусобицы – они как тлеющие угли на ветру. Никак не остынут…

– Неужели никогда?

– Не знаю, дорогой мой. Не знаю… Вот если б исчезли пагубные страсти! Все это начинается с них – маленьких, подлых страстишек. Вы конечно, знаете о них…

– Разумеется! По православию нашему – это алчность, гордыня, – начал перечислять он.

– Властолюбие! – продолжила она. – Зависть…

– Природа человека, – заметил он, – в основе своей порочна.

– Да-да, не без этого, – кивнула она. – Вот если бы с детства, а ещё лучше – до рождения, еще во чреве матери, все слушали дудук, то, пожалуй, зла в этом мире было бы немного меньше. Глупые мои фантазии!..

– Удивительная мысль! – улыбнулся он. – Хотя… хотя учёные утверждают, что воспитание возможно еще до появления ребёнка на свет.

– Они правы. Не зря наши бабушки рассказывали добрые сказки беременным. Не все, конечно, но… такое бывало. И в этом был какой-то смысл…

– Наитие, народная мудрость, – согласился он.

…Сейчас-то я уже и не помню всего, о чём тогда говорили мои друзья. Не забывается только, как слушали дудук возвратившиеся с «перекура» к застолью молодые люди: притихнув, а переговаривались шёпотом.

«Неужели нельзя, – спрашивал всех нас дудук, – просто жить в этих зелёных долинах среди блистающих вечными снегами вершин? Просто жить и быть счастливыми…»

Думалось невольно: да, вряд ли когда-нибудь добро победит окончательно. Но и зло не всесильно в этом суровом мире! Такова извечная диалектика.

Теплилась в песенке дудука и робкая надежда на избавление от ужасов прошлого, на возрождение из пепла и слёз. Призыв и мольба к примирению горских народов слышались в ней…

Сегодня, слушая дудук, задаюсь вопросом: а возможно ли оно, великое примирение непримиримых?.. Есть ли какие-то пути к нему и гарантии на «потом»?

Непонятно, где же и у кого есть ответы. Но ведь должны же, наконец, они быть!..

Верится как-то, что прячется в той волшебной дудочке совсем другая, беспечальная мелодия. О покое, свободе, радости… Может быть, и услышим её? Когда-нибудь…

В сумерках

Наверное, многим помнится эта печальная песня. Задушевно исполняет её вокальная группа «Божья коровка»:

Не ходи к нему на встречу, не ходи!
У него гранитный камушек в груди…

Слушая это, всегда припоминаю мимолётный эпизод… Однажды у дома присел на лавочку, в сумерках уже. Катит мимо детскую коляску молоденькая женщина. Зазвонил телефон у неё в сумке…

Замедлив шаг, разговаривает о чём-то. И вдруг резануло мне слух вот это:

– Да какие деньги! – возмущается она. – Сколько уже можно?.. У меня и мать болеет!..

Она удаляется в сумерках, что-то ещё говорит. А я не пойму: то ли всхлипнула она, то ли это показалось мне?..

Она пропадает из виду. Мне же в тот момент и жизнь этих людей, живущих где-то рядом, представляется сумерками…

Не очень давно была у них шумная свадьба. Высыпав весёлой гурьбой на улицу, фотографировались. Симпатичными, наверное, выглядели жених и невеста. Окружающие желали им счастья… Оно, пожалуй, и было. До первых серьёзных трудностей, без которых в жизни как-то не обходится…

Разве можно предугадать, как всё сложится впереди?

«Он тебя не пожалеет, не простит, – распевает «Божья коровка», – Твоё сердце разобьётся о гранит…»

И всё же теплится надежда: а может, это «полоса» такая чёрная, у тех молодых людей? И что-то может измениться к лучшему? Ведь и такое бывает, тоже где-то рядом с нами…

Про знахарку

…Мужчина крупных габаритов, бывалый охотник – Валерий Викторович – мой давний знакомый. Как-то странно было видеть однажды: плетётся по Лихославлю, слегка скособочившись и придерживаясь рукой за поясницу. Пояснил, что к Анне Васильевне идёт. Известно было, что удаётся ей помогать людям. Не зря знахаркой называли…

– Захрял я, тёть Нюр! Посмотрела бы, что со мной…

– А в поликлинике был? – строго спрашивает она Валерочку, которого с детства знает.

– Вот и лекарства закупил, – показывает он пакет. – Врач уколы прописал и всё прочее…

– Тогда ладно, – говорит эта милая женщина. – Пошли в дом…

Велела лечь на пол, на полосатые половички. Валерий осторожно опустился на колени, а потом с шумными вздохами растянулся на полу во весь свой почти двухметровый рост.

– Ой, рубаху-то не снял!..

– А и не надо, – успокоила Анна Васильевна.

Лежит. Расслабляется. Глаза прикрыл… Чувствует, как водит она ладонью вдоль позвоночника, даже не прикасаясь к рубахе. И явно какое-то тепло исходит от её ладони… А потом и лёгкое, приятное покалывание ощутил в разных местах «хребтинки».

– У тебя, – говорит Васильевна, – три позвонка соскочили…

– Как это соскочили? – удивился он. – На рентгене…

– А на рентгене этого не видно!..

– И что теперь, тёть Нюр?

– Попробую, – бормочет она. – Не обещаю, конечно…

Легонько, сквозь рубаху, начинает прищипывать кожу вдоль позвоночника: справа и слева. То оттягивая её, то надавливая, совсем легонечко. Приятно было и ничуть не больно…

Валерий вскоре и подрёмывать начал. Да вдруг какой-то хруст его встревожил. Что-то там, под чуткими пальчиками знахарки отозвалось… А потом ещё раз. Не по себе бедолаге сделалось от хруста этого, хотя, как и прежде, никакой особой боли не почувствовал. Так, чуть-чуть где-то…

А вот дышать, хоть и лежал в неудобной позе, стало как-то свободнее, легче. Даже пошевелить руками захотелось…

– Полежи-ка пока, – говорит Анна Васильевна. – В огород схожу. Поколдую малость…

«Ни фига себе! – подумал Валерий. – Ну и шуточки!.. Курей, небось, покормить. Разорались!..»

Что остаётся? Лежит. Рука занемела: неудобно всё ж на пузе разлёживаться. А шевельнуться побаивается: вдруг опять «стрельнёт» куда-нибудь, как уже бывало…

…Вернувшись, Анна Васильевна снова прошлась пальчиками по его позвонкам. Словно убеждалась в чём-то. А потом и говорит:

– Теперь давай, вставай потихоньку…

Он рукой пошевелил – не отдаёт болью ниоткуда. На карачки кое-как поднялся, отдышался. А уж потом и на лавку взгромоздился: хорошо, что низенькая. Лоб вспотел от страха. А Васильевна улыбнулась и говорит:

– Тебя баба с Севера сглазила.

Услышав это, Валерий на время и дар речи потерял. Не раз, рассказывая мне эту историю во всех подробностях, он изумлялся:

– Я был в шоке!.. Да что и откуда она знает?! Я ж ей ни слова про деревню да про ту Лидочку…

А дело было так.

…Дня четыре назад позвонили Валерию из деревни Овинное. Это не очень далеко от Лихославля. По городскому звонили, мобильников тогда ещё не было…

Просят приехать. Надо бы «овечку нарушить» – гостья к ним из Карелии пожаловала, хотят баранинкой попотчевать… Люди-то свои звонили, дальние родственники. Не откажешь ведь…

Ну и доехал как-то, в свой выходной день в деревню. На своей

легковушке. С гостьей всего лишь поздоровался. Некогда было и знакомиться, и разговоры говорить. Занялся своим мясницким делом. Во дворе…

Краем глаза видел: подходила та женщина и, прислонившись к косяку, немного понаблюдала, как он ловко управляется. Валерий и внимания особого на неё не обратил. Смотрит – да и ладно! Не мешает же…

…Вот и верёвку на блоке он поправил. Поднял тушку повыше – руки вверху – тут и хрустнуло в позвоночнике!..

Женщины за спиной уже не было, отошла в дом.

А когда снимал тушку – ещё раз, и с хрустом, болью отозвалось в позвоночнике и за грудиной. Дыхание перехватило… Очень обидно было: он ведь уже знал, что в подобных ситуациях врачи диагностируют то люмбалгию, то грыжи дисков, то и какое-то «ущемление»…

Кое-как, через боль дело-то своё он доделал и уехал домой, сам за рулём…

Жизнь с того дня сразу осложнилась. Пришлось идти в поликлинику… А потом и в аптеку, закупить всё по рецепту врача.

…Возвращаясь домой, подумал: а почему бы не зайти к Анне Васильевне? На соседнюю улицу… Слышал хорошие отзывы о ней. Интересно было хотя бы посоветоваться. Ну а что было дальше – вы уже знаете…

Повезло Валерию Викторовичу. Удалось избавиться от грыжи трёх дисков! Да и восстановился без уколов и лекарств. Сегодня трудно поверить в такое: в аптеке приняли назад весь пакет с лекарствами, и деньги вернули, благо он чеки сохранил.

Рецидива недуга не наблюдалось. А ещё примечательным оказался его разговор с врачом, выписавшим рецепт. Доктору всё было понятно, и не было у него претензий к поведению пациента. Помогла знахарка – и слава Богу! Посоветовал только проявлять осторожность и укреплять упражнениями «мышечный корсет» позвоночника. А вот на вопрос о непонятном «ясновидении и телепатии» пожал плечами и посмеялся:

– А это не по моей части!..

…Обсуждая не раз ту историю, мы с Валерием соглашались, что Анна Васильевна – опытная мануальщица. Как говорится, «от бога». Избавить человека от страданий, казалось бы вот так, запросто. Разве это не чудо?.. А вот про некий сглаз и про «бабу с Севера» – тут было выше нашего понимания. Сошлись мы во

мнении, что это пример какого-то «ясновидения». Или, может, телепатии? Неужели мысли его она «считала», или представила картину произошедшего в деревне?.. Да возможно ли такое?.. Мы и сейчас не можем объяснить такое «яснознание»… Вы, друзья, что хотите, то и думайте. А факт остаётся фактом.

***

Хотелось вспомнить и ещё об одной истории, связанной со знахаркой Анной… Имелся у неё огородик за городом. Ездила туда на велосипеде. Прислонит свой «драндулет» к сараю – и копошится в грядах… И вот, однажды обнаружила, что исчез её велосипедик!.. Новость эта разошлась среди знакомых Анны Васильевны. Сочувствовали, возмущались. К слову сказать, в те годы и по городу воровали велосипеды во множестве. Знакомый мне следователь РОВД говорил, что у них накопилось более полусотни заявлений об угонах велосипедов…

Печалилась Анна Васильевна, собиралась покупать другой, подержанный, потому как с деньжатами было всегда туго. За помощь-то людям денег она не требовала, «тарифов» никаких не устанавливала. Если кто-то сам захочет отблагодарить чем-то – не отказывалась. И всего-то!..

Вполне возможно, что огласка и сработала… Как-то вечерком занимается прополкой в грядах – пешочком на огород пришла – и не заметила, как велосипедик её обнаружился там, откуда его и угнали. Вернули, стало быть!

И эта новость получила огласку по городу. Теперь знавшие Анну Васильевну радовались за неё и удивлялись: не припомнят ничего подобного…

***

Непросто сложилось всё по жизни у этой женщины. Даже трагично. Но это совсем другая история, не могу рассказывать её по этическим соображениям. Потому, что рядом с нами живут её потомки… лучше уж на этом и закончить сей рассказ. Кто-то в городе ещё помнит знахарку Анну, её фамилию. Помнит, что несла она людям только добро, и ещё многое могла бы сделать, если бы не ушла из жизни преждевременно.

Загадки Шпиль-Горы

Больше года назад мы задумали вылазку на эту, можно сказать, сакральную точку на карте нашего района. Отметка 258 метров над уровнем моря дразнила воображение. Местный народ окрестил её

Шпиль-Горой за необычный профиль и крутые склоны. А мы дали название – «Маку́шка района»…

Хотелось отыскать не столько реперную точку, над которой когда-то стояла деревянная вышка, сколько легендарный Крест-камень возле неё. Старожилы окрестных деревень с незапамятных времён хранили о нём устные предания. Мы желали убедиться, что этот «раритет» существует. Увидеть бы его, потрогать. А уж потом и думать, как быть дальше.

Вдохновителем и организатором увлекательного приключения был знаток здешних мест Константин Шлыгин. Деревенька Капустино, откуда мы и начали свой путь на Шпиль-гору, – малая родина его предков. А сейчас здесь, будучи на пенсии, проживает его отец – Геннадий Иванович. Он с той горы когда-то и на лыжах катался! Кстати, рассказал и о том, что из Ленинграда приезжал сюда учёёный человек, из военно-исторического музея, Всеволод Васильевич Егоров. Вместе с женой, Зоей Сергеевной, они жили в Капустине несколько дней, беседовали с жителями. Нашли и обследовали Крест-камень. У них сложилось мнение, что этот знаковый объект установлен ещё до Смутного времени, то есть во времена татаро-монгольского нашествия. Задолго до переселения карел. А наличие поблизости от центрального монолита ещё четырех камней, сориентированных по сторонам света, указывает на ритуальное назначение этой «площадки».

От разных людей я записал схожие свидетельства: выпуклый барельеф на плоскости камня изображал христианский крест. По краю монолита была нанесена простенькая насечка, напоминая орнамент. Главной загадкой было всегда это: если здесь не захоронение, то что означает этот знак? Может быть, место каких-то обрядов, сборов, праздников?.. Или границу Новгородского княжества?.. Загадки – одна за другой.

Несколько десятилетий назад Крест-камень стоял, накренившись назад. Похоже, это от просадки грунта, ведь «чёрные копатели» водились и в старину. Чего искали здесь? Да, возможно, богатое захоронение…

И вот, в жаркий день, 21 августа, мы вооружились лопатой, топором и стальным стержнем-щупом. Наша «экспедиция» началась…

Когда-то от Капустина на эти холмы вели тропинки, теперь же всё заросло высоченными травами и кустарником. Труднопроходимый бурелом преграждал наше продвижение. А

ведь с нами отважились идти двое подростков, которые в этот день проявили отменную выдержку и выносливость, – Паша и Артём…

Вскоре лес напоминал таёжные дебри. Даже не верилось, что всё это – всего в двенадцати километрах от Лихославля!.. Начались и встречи с чудесами. Так, порадовали нас два белых гриба. Оказались не червивыми. Взяли с собой!.. Потом привёл в восхищение муравейник чуть ли не в два метра высотой!.. То и дело мы любовались вековыми елями и берёзами в полтора-два обхвата у основания… И уж в полный восторг, в изумление привело нас зрелище разбитой молнией ели. Мы долго рассматривали её. Хвоя была ещё зелена, значит, в это лето сильный разряд пронзил огромное дерево, расщепив его от вершины до основания. Щепки разлетелись во все стороны: и мелкие, и даже двухметровые! Ребята взяли с собой на память по щепочке, и Артём решил увезти этот сувенир в Питер…

…Крутые склоны к вершине горы мы преодолели зигзагами, обходя бурелом. И вот уже место, где стояла геодезическая вышка. Деревенские ребятишки раньше лазали на неё по узкой внутренней лесенке. Геннадий Иванович вспоминал, что вышка торчала над лесом, и видно было очень далеко, даже зарево света над городом Калинином…

Недалеко от реперной точки Константин вёл поиск. Стальной щуп легко протыкал лесную подстилку и уходил глубоко в грунт, задевая то корень, то камешек… Нужно было набраться терпения. Костя помнил это место, но… И вдруг щуп обнаружил что-то объёмное, по звуку – каменное. Командир обрадовал:

– Это он! Копаем здесь!..

По несколько потов сошло с нас в тот жаркий день. Обнажали и зачищали мягкой щепкой гранитную плоскость с выпуклостями барельефа. Старались ничего не повредить, ибо даже гранит со временем крошится…

Монолит уходил вниз, наклонно, словно утонул в удивительно чистом, рассыпчатом, золотистом песочке.

Вскоре солнце заглянуло в глубокий шурф. Мы пытались заснять камень, таивший столько загадок. И решили на этом остановиться. Сделано было главное: нашли, откопали!.. Теперь есть подходы. Можно увидеть, потрогать…

И что же в «сухом остатке»? Константин Шлыгин хорошо продумал возможное развитие событий. Во-первых, он считает, что надо бы как-то поднять Крест-камень. Не увозить его никуда, а

установить именно здесь, – ровно, красиво.

А во-вторых, хоть и позарастали сюда стёжки-дорожки, а совсем нетрудно окультурить туристическую тропу от деревни Капустино до вершины Шпиль-горы.

Многое можно сделать даже вручную, с помощью рычага да лебёдки, зацепиться которой можно за огромные деревья. Волонтёры, где вы?!

Если уж мы испытали столько положительных эмоций, насколько интересном может стать такая прогулка для детей и всех, кому интересна история родного края.

И не только в это сакральное место могла бы привести туристическая тропа. Забавные истории связаны и с соседней Бухай-горой. Татьяна Ивановна Мурина вспоминала, что на тамошние земляничные поляны с первого раза зайти порой и не получалось: «Слово бес тебя водит!» То слева гора оказывается, то справа…

Гряда моренных холмов здесь тянется по линии таяния ледника. Надо бы сохранить их, считает Геннадий Иванович, как памятники природы. А то ведь один холм, Данильцевский, дорожники вывезли целиком, и даже углубились, теперь здесь пейзаж напоминает «лунный» глубокими кратерами…

А чуть дальше за Капустино, к Воронихе, есть местечко, где была усадьба героя войны 1812 года, генерала Измайлова. В народе её называют «цыганской дачей».

Есть недалеко от Капустина и литовско-польское захоронение.

Немало полузабытого и загадочного хранит наш край. Любителям истории и старины есть о чём поразмышлять…

Наши бобры – бодры и добры

Забавная скороговорка, вынесенная в заголовок, вполне точно характеризует это симпатичное зверьё. Уже несколько лет мы, огородники и дачники, наблюдаем следы деятельности тихих и незаметных неутомимых работяг. В заболоченной пойме речки Лиховидовки стали появляться «хатки», сложенные из сучьев и комьев земли. На протоках возникли плоти́нки. Притормаживая текущую воду, бобры подняли уровень грунтовых вод, поэтому в перелесках за нашими огородами появились болотные мхи и даже новые виды растений…

По шоссе на Кузовино громыхает тяжелая техника, земля содрогается, а всего в двадцати метрах от асфальта с прошлой осени

выросли еще несколько плоти́нок во рву, проложенном когда-то мелиораторами ПМК-16. Образовались широкие заводи, в которых бурно пошли в рост тростники, камыш и жёлтая кубышка. Корешки этих болотных растений – настоящее лакомство для бобров, особенно для их молодняка.

Летом на дачах чаще стали бывать дети. Вот уж у кого масса вопросов о бобрах! Да и многим взрослым интересно, зачем эти звери строят плотины, как зимуют? Детей обычно волнует, кусаются ли бобры? А взрослых больше заботит, не вредят ли они огородам?

Трудно выследить и хорошенько рассмотреть бобра за работой. Да мы и не ставим себе такой задачи. Просто рассмотрим рисунок художника-анималиста. Вот он во всей красе. Взрослый зверь! Шуба у него богатая, и вести он солидно – до тридцати килограммов.

В архиве фотохудожника и кинооператора Владимира Коробова есть снимки, которые напоминают нам обоим об одном приключении, связанном с бобрами. Однажды в морозное мартовское утро по крепкому насту, образовавшемуся после оттепелей, мы обошли самые интересные места в пойме Лиховидовки. В другое время года они практически не доступны. Тогда мы испытали удивительное окрыляющее чувство свободы: смело, не боясь провалиться в снегу, идёшь куда хочешь! Всюду отмечали приметы весны. Вот ольховые серёжки висят. Вот льдинка в протоке привлекла диковинным узором. А вот бобровая хатка, с которой и началось расселение бобров в этих местах. Издали она выглядела белым заснеженным куполом. Когда подошли вплотную, прислушались. Было тихо, хотя вокруг – много следов на снегу, погрызов на стволах деревьев, торчали остроконечные березовые пни…

В одном месте мы спугнули бобра. Он чуть-чуть не догрыз деревце. Заслышав нас издалека, спрятался где-то, оставив свою работу на потом. Нет, не зря мы ждали такого дня с крепким настом. С трудом, но удалось перелезть через наваленные внахлест деревья и ступить на… Ведьмин остров. Такое название мои знакомые охотники дали двугорбому холму, который возвышается среди трясины. Когда-то с их помощью я впервые побывал тут, пробравшись по жердинкам, опираясь на длинный шест. На одном «горбу» нашел роскошный куст калины, а на другом – верховой родничок с сочившейся холодной и чистой водой… Вот здесь-то и

оказалась главная «лесопилка» бобров! Тут они валили крупные осины, резали их на чушки и скатывали под уклон к протоке, а по высокой весенней воде сплавляли к своим плоти́нкам. Вполне разумная деятельность!

Наука причисляет бобров к полуводным животным. Они прекрасно ныряют и плавают, проворны и на суше. Могут устроить себе нору под берегом, если он крут, а на равнинных речках строят «хатки» прямо на воде. Важная особенность этого жилища – вход в него всегда под водой, снаружи его не увидишь. Вот почему летом, когда наши водоемы мелеют, бобры заняты ремонтом старых и возведением новых плотин. В этом искусстве им нет равных!

А уж как сообразительны эти животные! Вот что я сам лично наблюдал. Валили бобры огромную осину, прицеливаясь уронить её в просвет между соседними деревьями. Уже накренившись, она зацепилась раскидистой кроной за две берёзы и… опасно зависла. Попробовал я раскачать её за мощный комель – куда там! Не шелохнулась. Интересно было, что же теперь предпримут бобры? И через пару дней любопытство снова привело сюда. И что же я увидел? Осина лежала поперёк протоки, очень удобно для разделки. Оказалось, бобры подгрызли одну из берёз, причем только наполовину, осина своим весом доломала её и обрушилась именно туда, куда и было «запланировано» лохматым «прорабом».

Всё главное в жизни бобров подчинено сезонным ритмам. Летом, как уже было сказано, – ремонт плотин и удержание воды. Осень – пора заготовки корма на зиму, ветки складируют поблизости от входа, чтобы и зимой можно было легко до них добраться. В зимнюю пору, когда пойма укрыта снегами и трещат морозы, кромешная тьма во глубине хатки согрета нежной близостью этих существ. В пору глухозимья здесь берёт начало новая жизнь. Весной же, когда схлынет половодье, рождаются три или четыре детёныша. Тут они в полной безопасности, им спокойно, тепло и сытно… Близится день, когда заботливые родители выведут их сначала в воду, а потом они вынырнут в просторный мир, который поначалу ослепит их неведомым сиянием. Повинуясь мощным врожденным инстинктам, бобрята быстро обретают уверенность среди этих трясин, зарослей и нагромождений сучьев. Они учатся добывать себе пропитание: раскапывают вкусные корешки, познают бодрящую горечь осиновой коры и находят сладость камбия под берёзовой берёстой. Программа выживания в суровой среде реализуется как бы сама

собой. До двух лет молодняк держится возле родителей. А потом повзрослевшие звери уходят, заводят свои семьи и строят свои жилища.

Рассуждая о бобрах, неизбежно касаешься интереснейшей темы о «сверхспособностях» животных. В информационном поле накоплен огромный материал об особо одарённых собачках, обезьянах, лошадях, кошках, медведях, слонах и т.д. Разумеется, и бобры могут стоять в этом ряду благодаря своим уникальным возможностям.

Известно о бобрах, казалось бы, всё. Однако в их поведении наблюдается и нечто загадочное, необъяснимое бытовой логикой. Изумляет не только умение строить плотины, а экономия времени и сил в их постройке (одним подгрызенным деревом повалить и два соседних!) Очевидцы уверяют, что при неожиданной и близкой встрече со взрослым зверем попадаешь как бы под гипноз. Бобёр будто способен угадывать намерения встретившегося человека и поступает соответственно: или сразу удирает, или вальяжно плюхается в воду и уплывает неторопливо.

Охотники и егеря с каким-то суеверным беспокойством рассказывают о проявлениях некоего «разумного начала», чуть ли не о телепатии. Эмоционально чувствительного человека столкновение с бобром может довести до обморочного состояния из-за апноэ – так в медицине называется непроизвольная задержка дыхания. Наличие у бобра сильного биополя – очевидно! Это хоть и бесконфликтный, неагрессивный зверь, но бесстрашный, способный постоять не только за себя. Защищая семью, он готов на самопожертвование. А это уже из области «высших эмоций». Бытовое выживание отметает подобные тонкости. А наука? Та может объяснить все что угодно. Но будет ли это истиной? Вопрос остается открытым, ибо любое объяснение загадочного – есть упрощение и уход от истины…

Недавно довелось прочитать новую книгу Даниила Гранина «Человек не отсюда» (Лениздат, 2014). Автор, которому далеко за девяносто, долгое время общался с выдающимися учёными – биологами, генетиками, физиологами. Все они утверждают, что в мире живой природы – в нас и вокруг нас – много неразгаданных явлений, перед которыми (далее – цитирую Гранина) «наука смущённо отступает». Есть и особые «знаки», которые природа подаёт человеку. Хочу напомнить о сильнейшем цунами в Юго-Восточной Азии несколько лет назад. Тогда на побережьях

некоторых стран погибли более четверти миллиона человек и… ни одного крупного животного! Когда на дне Индийского океана произошёл разлом земной коры, и землетрясение породило чудовищной силы стихию, намного опередив волну-убийцу, летели волны инфразвука. Слоны первыми почувствовали это, забеспокоились и ушли в горы, змеи уползли на возвышенности. А люди не воспринимают инфразвук и к «знакам» живой природы отнеслись в большинстве своем равнодушно и беспечно. Спасательные службы на побережьях трагедия застала врасплох. Кто-то, кончено, среагировал, но… Слишком стремительно волна высотою в пятнадцать метров (размер пятиэтажки) накрыла беззащитные курортные зоны. Это пример «сверхспособностей животных». В специальной литературе, в интернете желающие могут найти много чего интересного, но вернемся к бобрам…

Не любят они непрошеных гостей в своей вотчине, вот и отгораживаются лесными завалами. Мы, когда пробирались с Владимиром Николаевичем на Ведьмин остров, придумывали новые словечки: не бурелом, а «бобролом», не ветровал, а «бобровал»… Но сколько не отгораживайся от посторонних, то любопытный лось сюда заглянет и станет всё тут обнюхивать, то забегут бродячие собаки и с истошным лаем начнут прыгать, бегать и беспокоить почтенное бобровое семейство. Назойливых гостей хозяин «хатки» отгоняет очень просто: подпустит поближе и, шлёпая по воде плоским мощным хвостом, окатит раз-другой… А когда это надоест – нырнёт и уплывёт прочь. Не достать его никому!

Правда, есть враг пострашнее лося и собак. Настоящий враг… Как-то наши соседи по даче нашли на берегу, в кустах, тушку бобра. Определили: застрелен крупной дробью. Но зачем? Зверь-то безобиден для человека! И карасей в прудах не истребляет, и огороды не разоряет. По дурости, что ли, кто-то пальнул? Или с испуга? Дачники негодовали, посчитав это бессмысленным убийством, которому нет оправдания.

Давно общаюсь с охотниками. Большинство из них уважает закон и соблюдает этические нормы, находясь на природе с оружием. Надо бы и браконьеру подумать, прежде чем нажимать на курок. Убивая бобра, он больно и неизлечимо ранит целую семью этих красивых, умных животных. Не мешайте им жить так, как они хотят и умеют.

У самовара

Дядька Витя с супругой Лидочкой и сыном гостит у тёщи. Ради развлечения попросил её нагреть самовар на угольках. Просят – сделано!

– Как чай пить будете? – спрашивает тёща.

– Я – внакладку, – Витя загребает ложечкой сахарный песочек. – У вас, вижу, и вареньице есть…

– Ну а как же, – воркует тёща.

– А я – с конфеткой. Вприкуску. – пискляво объявляет Лидочка.

– Хорошо вам, – встревает в разговор соседка Клавдия, зашедшая «на огонёк», на гостей поглядеть. – А мне с моим диабетом – только «вприглядку».

Пятиклассник Паша хмурится на тётку Клаву и сердито спрашивает:

– А как это? Разве есть такое слово?..

– Есть-есть, Пашуня! – откликается на это Витина тёща, бабушка мальца. – Это в голодные времена так бывало. Сядем в кружок. Посреди стола – кусок сахарку, в блюдце. Желтоватый такой… свекольный. Поглядишь на него, представишь сладенькое на языке – и отхлёбываешь свой чаёк. Вот так, Пашуня! Вприглядку – без всего, значит.

– Да-а, трудно вам было, – говорит внук, выбирая в вазоне шоколадную конфетину покрупнее, – я так не смог бы… Я вот вприкуску. Мне и чая не надо!

Ночные охотники

Что-то тревожащее и непонятное творилось в нашем лесу по ночам. В то лето я впервые стал иногда ночевать на даче, и меня напрягали разные звуки и шорохи. Один раз под утро, ещё в потемках, раздался вдруг резкий шум короткой схватки, а после недолгой возни и шуршания наступила тишина… Только в ушах звенело от стучавшей в голове крови. Лес вплотную подступил к нашим огородам… А в другую ночь – будто сердце пронзило от жалобного, похожего на детский плач, вскрика, и снова слышались с опушки звуки отчаянной, но скоротечной борьбы. И вновь обрушивалась звонкая тишина, уже немного пугающая…

Вскоре всё выяснилось. По лесочку, где я стал обкашивать прогалки между деревьями, попадались разорванные колючие шкурки ежей, серые клочья зайцев-русаков и перья крупных птиц – ворон, соек, сорок. Это означало только одно: к нам пожаловал

сам «царь» хищных птиц средней полосы – филин! И теперь от этого вездесущего бесшумного охотника уже не будет спасения разной лесной «твари». Кончилась вольготная жизнь ёжиков и зайчишек.

В те годы мы только осваивали огородные участки на бывших болотах среди перелесков у поймы Лиховидовки и постоянно удивлялись: насколько много всякой живности тут! Встречались лоси, кабаны ходили по низинке вдоль речки, много было беленьких горностаев с чёрной меткой на кончике хвоста, ласок… Однажды зимой, прогуливаясь на лыжах, спугнул стайку редких ныне куропаток. И уж самое диво дивное – наблюдал один раз бесшумный пролёт между заснеженных елей белой полярной совы!

Особо надо сказать про ежей и зайцев. Сейчас даже не верится, что ежи забегали к нам в сараи, в строящиеся домики. Мой сосед Виктор Ч. молочком их подкармливал, наливая в плошку у порога своей дачи. Мы приходили посмотреть на это. Смеялись.

Зайцы-русаки донимали нас с весны, обкусывая листочки на высаженной капустной рассаде. Я даже палкой отгонял однажды здоровенного русака, внаглую сидевшего на тропинке у гряды с капустой. Каждую веточку срубленных осин зайцы обгрызали дочиста, натаптывая зимой возле них настоящие тропинки…

Такой заячий и ежовый «беспредел», разумеется, не мог твориться бесконечно. Вот и прикочевал к нам тот, кого мать-природа назначила как бы регулятором некоего баланса в лесной фауне. Изредка охотники вычисляли его местонахождение среди высоких деревьев, которые куртинками возвышались над заболоченной поймой. Разбойничая по ночам, филин выслеживал ежей, легко отлавливал их и разрывал мощными когтистыми лапами. А зайцев, бесшумно пикируя на них в густых потемках, в считанные секунды забивал острым клювом. Вот так на нашей территории филин установил «ночную диктатуру».

Почему мы так редко встречаем филина? Во-первых, это малочисленная в своей популяции птица. А во-вторых, очень осторожная. Филин умело прячется днём в кроне деревьев, а иногда просто сидит на высоком пне и будто сливается с ним… Именно с таким я однажды и встретился чуть ли не вплотную… Между деревнями Капустино и Ворониха есть местечко, называют которое «цыганской дачей»… Усадьбы здесь давно уже нет, лишь высокие ели по периметру участка напоминают о ней. Как-то высматривая грибы в траве, краем глаза заметил высокий пень, похожий на

сломанное ветром дерево. «Странный какой-то, – подумал, – высокий слишком, деревья обычно так не ломаются». Несколько шагов оставалось до него. Взглянул вверх, и… словно током пронзило с головы до пят! Пень вдруг шевельнулся, вперил в меня яростные оранжевые глазищи! Грозно торчали на крупной голове острые перья, похожие на «уши». «Да неужели филин?! – изумился я, трусливо отступая шаг за шагом. – Дорога ведь рядом, машины…» Выходит, я смог потревожить это пернатое чудище с мохнатыми лапами?

Филин медленно распустил в стороны и вниз широченные крылья. Взмахнул ими раз-другой, и грузное тело птицы оторвалось от пня. Изумила меня абсолютная, невероятная бесшумность его плавного полёта к высоким елям. Там где-то в гуще ветвей он и притаился, и снова стал невидим и неслышим. Мне показалось: уж не наваждение ли это? Да нет. Руки била нервная дрожь, и сразу пропал интерес к грибам.

Когда возвращался домой, память отбросила на целую жизнь назад, в детство… Как-то нас с братом разбудили родители среди ночи: мол, гляньте, ребята, а то потом никогда такого не увидите. На полу в прихожей, на полосатом половичке, сидел и таращился на тусклый свет «голой» электролампочки … ушастый филин! Спокойно сидел, нахохлившись, как-то кособоко, приспустив одно крыло. Оказалось, сбили его автомашиной в глубокой снежной колее. Там филин терзал пойманного зайца и не успел увернуться от железного бампера. Похоже, что крыло повредили, потому и взяли живьем, надев брезентовые рукавицы. Всего несколько минут любовались мы фантастической птицей, а пережитый тогда восторг помнится и сегодня. Того филина отдали на чью-то усадьбу, а потом, говорили, увезли в специальный вольер в Москву…

***

Когда-то давно наш горсад представлял собой запущенный парк, а в дальних своих углах – островок леса. Я часто ходил через него и помню, как иногда над какой-нибудь точкой этой заросшей территории настоящую «истерику» устраивали вороны: кружились, каркали, словно возмущаясь чем-то. К ним присоединялись сороки, галки и разная пернатая мелюзга. Я полагал, что птицы не поделили что-то съедобное, но об истинной причине переполоха даже не подозревал.

Ясность внес давний мой знакомый – охотник, знаток многих

явлений нашей природы и замечательный рассказчик – Валерий Викторович Тимофеев. Оказалось, в наш горсад периодически залетал филин из окрестных лесов. Хоть и прятался среди ветвей высоких деревьев, все же любопытные воро́ны обнаруживали грозного хищника и поднимали такой шум и гам, что жители улицы Разъезжей, части Советской и Аптекарского переулка уже знали: опять филин «лютует», значит, в хозяйстве у кого-то из горожан не досчитаются неосторожной курочки или самонадеянного петуха.

От Валерия Викторовича услышал любопытную информацию. В тех местах, где сельскому хозяйству, и особенно садоводству, большой урон наносят вороны, практикуют их отстрел. А чтобы приманить птиц поближе, выставляют манекен или чучело филина. Голос его имитируют специальным манком или же… И тут мой собеседник поднес сложенные ладони ко рту и мастерски воспроизвел «гуканье» филина. Тот, оказывается, может еще и «мурлыкать», и даже подтявкивать, напоминая рассерженную собачку… Честно скажу: впечатляет!

***

Поводом для написания этих заметок послужили не только воспоминания, но и то, что иногда путают двух «ушастиков» – филина и болотную сову. Хотелось бы напомнить о различиях.

Сова обычно невелика, ростиком сантиметров тридцать. Перья на голове, напоминающие «ушки», загнуты в стороны, что придает ей немного смешной и трогательный вид. Глаза жёлтого цвета. Сова чаще встречается нам, ведь её популяция гораздо больше, да и не слишком она осторожничает. При охоте на крыс и мышей она залетает даже на фермы, конюшни… Есть еще и «круглоголовая» сова – неясыть, так та, бывает, целыми семьями рассаживается вдоль дорожных канав – лягушек ловят. Попадая ночью в свет автомобильных фар, не очень-то пугаются. В нашем районе такое видели многие…

А вот филин вдвое крупнее, размах крыльев превышает полтора метра! Перья на голове – торчком, и вид у него довольно грозный. Глаза отпугивают зловещим оранжевым светом.

Если совы охотятся на мелких грызунов и птичек, то филин предпочитает живность покрупнее: вороны, сороки, белки, ежи, зайцы, дикие утки и даже домашняя птица. А если голоден, не побрезгует и змеёй. Умеет выхватить плавающую у поверхности воды рыбину. Валерий Тимофеев рассказывал, что в наших лесах наблюдал схватки филина с такой мощной и трудносокрушимой

даже для свинцовой дроби птицей, как глухарь…

Легендарный журналист Василий Песков поведал как-то о филине, который прямо с водоёма захватил когтями гусыню. Гусак бросился отбивать её, но не смог. «Разбойник», хоть и с трудом, но унёс жертву с пруда.

Специалисты считают: и хорошо, что филинов немного, иначе слишком велик был бы урон, наносимый ими природе. Наверное, и в этом случае мать-природа распорядилась разумно: сколько и какой твари достаточно среди птиц и зверей.

***

Все, кто хоть раз видели филина, обязательно припоминают, когда и где была эта встреча. Странно, многое в жизни забывается начисто, а вот это почему-то нет… Подростком я любовался филином в Ленинградском зоопарке. Помню и сейчас место его вольера, недалеко от входа с правой стороны. Кого только не было в этом зверинце! Но меня так и тянуло к этому «ушастому» чудищу. Я снова и снова подбегал к его клетке и зачарованно всматривался в его оранжевые глазищи. Иногда он смаргивал и закрывал веки, будто дремал. А потом вдруг распахивал их, реагируя на чьи-то громкие голоса, и мне чудилось во взгляде этого пернатого гиганта – давнее, неизбывное презрение к людям, которые даже днём, когда ему так хочется спать, не дают покоя! Втайне я жалел этого пленника, мне даже казалось, что я знаю про все его желания и мысли: «Как вы все мне надоели! Да уж потерплю до вечера. В вот стемнеет, – тогда «погукаю», попугаю глупых вертлявых обезьян и мерзких трусишек – зайчишек, да заодно и сторожей, чтобы не спали…»

***

Не сразу, а только по прошествии ряда лет, стала очевидна неслучайность изменений, происходящих в окружающей нас природе, в тех местах, где наши сады-огороды. Пока много было ежей, горностаев, ласок, нас особо не донимали грызуны – полёвки, землеройки. Свеклу и морковь мы убирали неповреждёнными. А когда филин поубавил, причем очень значительно, поголовье мелких зверушек, грызуны вновь невероятно расплодились. Филин откочевал в другие леса, а у нас на следующий год объявились совы. Говорят, за сезон каждая из них истребляет до тысячи мышей…

Время шло. Мышей заметно поубавилось. Мы этому радовались. А совы – нет. И они откочевали куда-то в другое место.

И вот снова расплодились грызуны, снова портят корнеплоды. И опять огородники, возмущаясь «мышиным беспределом», готовы сложить ладони трубочкой и кричать сове: «Ау-у, прилетай скорее!»

***

Издавна считалось, что разных птиц на Руси аж сорок-сороков, но совушка всегда вызывала особое внимание. О загадочном явлении ещё 45 лет назад написал хранитель Пушкинского заповедника Семён Гейченко в книге «У лукоморья». Когда деревенский дом поэта обветшал и опустел, над камином в бывшем кабинете поселилась сова. Дом потом построили новый. И далее цитирую: «Сто и ещё много лет прошло после смерти Пушкина, но и теперь сова навещает место, где он жил. Каждый год осенью, когда усадьба и рощи Михайловского пустеют, она лунными ночами прилетает к дому поэта, садится между двух белёных труб, на коньке высокой кровли, и громко плачет. Именно плачет… В старину русские люди называли сову «сирин-птица вещая». А древние греки и римляне считали ее символом вечности».

***

Филин сам себя прокормит и убережёт. А вот совушек надо всячески оберегать, очень уж они полезны для сельского хозяйства. Даже только за истребление крыс, мышей и вредоносных насекомых все они – от «ушастой» болотной и неясыти до крохотных домовых сычиков – заслуживают охраны и доброго слова.

Ореховый Спас 2018-го

Из лирического дневника

...Среда, 29-е августа. Уже накануне было предчувствие: этот день в череде других выделится чем-то особенным…

Приехав на огород, обнаружили, что огурцов наросло ведра полтора. Не ожидали! Решили рискнуть: по советам дачных соседей засолить их на сырой родниковой воде… Вот и отправился я с двумя пятилитровыми флягами к роднику на берегу пруда. Многим известно это местечко.

Тоненькая струйка воды стекает с обреза асбоцементной трубы, взблёскивая и чуть слышно побулькивая… Примостившись рядом, набираю водицу в кружку, а потом переливаю во флягу. Дело-то оказалось долгим, а я и радуюсь: можно не торопиться. Созерцаю окружающее…

После обеда распогодилось. Тишина и покой завораживают, вызывают ощущение невыразимой словами благодати. Вот уж, действительно, Божественной, когда замираешь и следишь, как в мире вершится солнечное предвечерье…

Отвлекла от созерцания сорока. Со стрёкотом перелетела над прудом и засела в кустах неподалёку. А потом вдруг появилась рядом со мной стрекоза. За всё лето не видел такой крупной!.. Кружит над родничком, зависает «вертолётиком» над флягами. Любуюсь на её пируэты… Крылышки трепещут, слюдяным блеском своим гипнотизируют, и я как-то легко и весело затеваю с ней мысленный разговор.

– Ты чего тут? Попить захотела?

Порхая над флягами, она мысленно же отвечает мне:

– Да нет, что ты! Не нужны мне твои фляги! Воды кругом – хоть залейся!..

– А чего тогда? – пристал я.

– Какой ты недогадливый! – упрекает она. – Я же от сороки спасаюсь! Стрекотала: слышал?

– Слышал, – говорю. – Ну, тогда и полетай тут. Здесь сорока тебя не достанет…

– Полетаю-полетаю! Некуда сейчас деваться! Вон она, в кустах. В засаде на меня!..

– Можешь посидеть, отдохнуть, – предложил я.

– Нет уж, нет уж! Летать – веселей!.. Это ты засиделся тут. Хозяйка воду ждёт, огурцы солить надо, а ты тут с насекомыми…

– Ну ты и зануда! – возмутился я. – Откуда знаешь про огурцы?!

– Да знаю! Это мой пруд! Повидала я вас тут! Я вообще много чего знаю!..

– Да? – заинтересовался я. – А скажи-ка тогда, какая осень у нас будет?

– Какая-какая. Тёплая будет! – заверила она. – И долгая!..

– Спасибо, обнадёжила! Ты не только красивая, а ещё и …

– Не надо, – сердито перебила она, – хвалить! А то я заплачу!..

– Ты и плакать умеешь? – удивился я.

– Да как же не уметь?! Жить так страшно!..

– Ну-у, ты прямо как Рената Литвинова…

– Кто такая? Не встречала здесь…

– Да это артистка известная. У неё любимая поговорка «Как страшно жить! Как страшно жить!..»

– Ой, как я её понимаю! – Покачала стрекоза крылышками. – Я ведь живу одним днём! Вчера возле бобров спасалась, сорока к ним не подлетает. Сегодня, вот, ты выручаешь. А что завтра будет – и не знаю…

– Да-а, – посочувствовал я. – У тебя не жизнь, а борьба за выживание. Так ведь?

– Так-так!.. А ты что, уходить собрался?.. Тогда и прощай. Теперь не увидимся…

– А будущим летом? Спросил я.

– О-о, – печально отвечала она, – это буду уже не я…

Только поднял наполненные фляги, как в кустах опять зашуршало.

– Слышишь?! – забеспокоилась стрекоза. – Это она! Караулит меня…

– А что, если шугануть её? – предложил я. – Палкой или камнем.

– Шугани-шугани! – взмолилась она. – Ой, как надоело прятаться! Так-кая настырная! Мало ей других насекомых! И чего только нашла во мне?

– Ну как же, – сказал я, поднимая с отмели камушек. – Ты такая красивая, крупная!..

– Ага, да-да! И слопать меня – крупное удовольствие?!

– Наверное, – согласился я и запустил камешек в куст, где притаилась «белобока».

Конечно, промахнулся! Но та страшно возмутилась! Улетая прочь, застрекотала так яростно, что стрекоза от страха спланировала ко мне за спину. А потом снова запорхала над флягами.

– Спасибо тебе! Спасибо! Сегодня она сюда не прилетит…

– А завтра? – задал я глупый вопрос.

– До завтра дожить надо!.. Собрался – и уходи теперь. Уноси свою воду. Огурцы ваши будут вкусными!..

– Жаль расставаться с тобой, – признался я.

– И мне жаль! С тобой – не страшно.

– Так, может, полетишь со мной? – предложил я.

– Да нет уж! Как же я брошу свой пруд? Я выросла здесь… А в городе меня ещё быстрее прихлопнут!

– Это верно, – согласился я, и от души сказал ей на прощание: – Ты красавица! И умница!.. И пруд у тебя замечательный! Я, пожалуй, почаще буду приходить сюда…

– Приходи, приходи! – отвечала она, делая красивые пируэты. – А теперь уноси, давай, свою воду! Я полечу на тот берег и поплачу там…

На том и расстались.

Возвращаясь домой, размышлял про Ореховый спас и удивлялся: вот ведь как могут сбываться предчувствия чего-то необычного! Что ни думайте, а душевно пообщаться с красивой и умной стрекозой – это большая редкость и удача…

А со временем и предсказания того дня начали сбываться. Так, огурцы на сырой родниковой воде оказались вкусными!.. А уж как порадовала всех нас осень! И не только обычным, «простым», так ещё и «старым бабьим» летом! И когда? Да в октябре, что бывает так же редко, как и встреча с говорящей стрекозой…

Так вот, друзья! Можно не доверять разным предчувствиям и предсказаниям. Можно и сомневаться… Но уж совсем отмахиваться от них будет слишком легкомысленно!..

Родственные души

Знакомые наши обживали выстроенный ими двухэтажный особнячок. Когда соображали, чем украсить пока пустующие подоконники наверху, возникли споры. Чтоб всё сделать «по науке», пригласили женщину, которая славилась познаниями в цветоводстве…

Энергичная, общительная дама обошла комнатки, окна которых выходили по разные стороны света. Рассуждала при этом вслух:

– Так-так. Здесь у нас юг. Верно?.. сюда просится кактус. Ему нужны прямые солнечные лучи. Маловато их у нас… Найдёте кактусёнка?

– Найдём-найдём! – заверили хозяева.

В смежной комнате цветоводка пробормотала:

– Север, север! Тенёчек, сумрак… Аспидистру надо бы сюда.

– Как?! Аспи… дистру?

– Да-да. В народе называют «дружной семейкой». Слышали?

– А-а, знаем! – обрадовалась та. – Найдём, конечно!

– Прекрасно! – кивнула дама и прошла в другую комнатку. – А тут, как я понимаю, запад?.. Советую выставить здесь бегонию.

– А почему, позвольте спросить? – полюбопытствовал хозяин дома. – Почему именно её?

Цветоводка улыбнулась и пояснила:

– У неё особинка имеется… Бегония любит смотреть на закат.

Теперь и хозяева заулыбались.

– Вы, наверное, поэт?

– Да нет. В молодости баловалась немного… А так – общение с цветами приносит столько радости! Не надо и стихов…

Когда уже спускались вниз, она, взглянув на окно, выходящее на юг, и присоветовала:

– А всё же… если только кактус – как-то обыденно, банально даже. Поставьте-ка, пожалуй, рядышком с ним адениум!..

– А что это, дорогая вы наша? – чуть не взмолилась хозяйка.

– Адениум – это… так называют аравийскую, или пустынную розу.

– Как красиво! – восхитился хозяин.

– Да где ж её взять-то, милая? – озаботилась хозяйка.

– Закажите! Привезут… В наше время что угодно достанут. Только платите!

…Меня в этом эпизоде позабавило выражение «Бегония любит смотреть на закат». Дело в том, что я и сам-то всегда обожал наблюдать закаты. Именно их, а не восходы, как советуют, например, йоги и даже некоторые психотерапевты…

А теперь вот и подумалось: неужели у нас с бегонией родственные души? Да и возможно ли такое?.. Надо, решил я, пожалуй, повнимательнее приглядеться к ней. Поговорить ласково, погладить, согретой водичкой побаловать…

Человек и растение: древняя и загадочная связь. Она ведь существует. Может быть, и вам знакомо что-либо подобное? Поделитесь, расскажите…

III. Тверские мотивы

На берегах Тьмы

В самую знаменитую точку Пушкинского кольца Верхневолжья, село Берново, мы с друзьями приехали по приглашению на необычный концерт в литературном музее А.С. Пушкина. Холодный мартовский день. Пронизывающий ветер. Обледенелые в заводях берега речки Тьмы. Время Великого поста… Всё навевает грусть, но лишь до тех пор, пока мы не переступили порог старинного храма Успения Божией Матери. В лицо пахну́ло теплом, умиляющими ароматами ладана, елея, горящих восковых свечей. Негромкое женское пение отрешало от

будничной суеты, завораживало. Шла воскресная служба. Прихожане – сельские жители, были и дети среди них. Молитвослов читал человек, в гости к которому мы и приехали – настоятель храма Андрей Гуров.

Концерт, запланированный на этот день, посвящался сразу двум знаменательным датам в жизни этого священника – дню рождения и десятилетию служения в сане иерея. Мы заранее узнали, что «карьеру» отец Андрей начинал в Осташкове, а в Берново был направлен два года назад по велению митрополита Тверского и Кашинского Виктора. Похоже, не случайно оказался он именно здесь, в пушкинских местах. Гуров – православный бард. Он сочиняет стихи и музыку, играет на гитаре и поёт. Известность ему принесли телепередачи православного канала «Союз».

Прихожане в этот день испекли для именинника и юбиляра торт в виде храма. На подносе мы увидели трогательное чудо кулинарного искусства: синий купол церкви, колоколенка со шпилем… После окончания службы парень и девушка преподнесли этот подарок удивлённому и растроганному священнику. А потом всех пригласили на концерт в музей Пушкина.

У нас было время до его начала, и мы отправились на прогулку вдоль берега Тьмы.

Недалеко отсюда, вверх по течению реки, наша малая родина – моя и супруги Антонины. Для нас всегда по-особому звучали пушкинские строки: «И ель сквозь иней зеленеет, / и речка подо льдом блестит». Это ведь про нашу Тьму, речку детства.

…Вспомнилось, как ровно полвека назад впервые побывал в Бернове. Меня, корреспондента Старицкой районной газеты, послали в колхоз имени А.С. Пушкина(!) написать о лучших механизаторах. В ту пору подробности пребывания поэта в здешних местах были известны лишь узкому кругу людей – учителям местной школы, краеведам в Старице да столичным туристам из литературной среды. А вот от сельчан можно было услышать лишь самые невероятные легенды об Александре Сергеевиче, смахивающие на деревенский фольклор.

Берново – поселение древнее. Уже в XIV веке здесь был пограничный рубеж между двумя княжествами – Тверским и Новгородским. Здесь же пролегал важный торговый путь, и со всех гостей взимали пошлину. Многолюдное село принадлежало боярам по фамилии Берновы. Со временем на горе был возведён усадебный

дом в стиле ампир на 30 комнат, разбит английский парк с обширным прудом. Пушкину в его приезды доставалась малая гостиная с балкончиком, окна выходили в сад. Поэту здесь хорошо работалось, рядом всегда были друзья, в том числе и хорошенькие барышни.

В советское время одним из активных исследователей пребывания Пушкина на тверской земле был Алексей Пьянов, редактор молодёжной газеты «Смена». Его книга «Мои осенние досуги» с дарственной надписью хранится у меня, из неё черпаю выверенные факты и даты. Алексей Степанович называл речку Тьму сестрой Сороти, которая протекает на Псковщине, также в пушкинских местах. Вместе с единомышленниками А.С. Пьянов убеждал областные власти в необходимости создания туристического маршрута «Пушкинское кольцо Верхневолжья». И в конце 60-х годов дело сдвинулось! Облисполком утвердил целую программу из 19 пунктов. На территории Калининского, Старицкого и Торжокского районов начали ремонтировать дороги, сооружать объекты культурно-бытового назначения. В Бернове провели масштабную реконструкцию старинного парка. В 1970 году в селе состоялись пушкинские чтения с участием поэтов, краеведов и журналистов области. На следующий год открылся музей А.С. Пушкина и прошел первый, пока довольно скромный праздник поэзии… В 1972 году из Лихославля в Берново выехало уже несколько автобусов (личных авто тогда еще было мало) с желающими посетить торжества. Из области, из соседних регионов, из обеих столиц на тот поэтический праздник собралось несколько тысяч гостей! Мне довелось тогда побывать там, познакомиться с поэтами Львом Ошаниным, Александром Гевелингом и другими литераторами. Народные гуляния в Бернове и в последующие годы впечатляли масштабностью, красочностью, изобилием мероприятий. Среди множества впечатлений – дощатые мостки, повисшие над речкой, крепко сбитые тропы в гору, особняк Вульфов и пруд с неправдоподобно крупными кувшинками…

Многие, кто приезжал когда-либо сюда, старались посетить и соседние деревеньки – Малинники, Павловское и Курово-Покровское, тоже связанные с творчеством Пушкина. Непременно поднимались на горку «Парнас» к огромной сосне, откуда любовались живописным видом на речную долину. Народная тропа вела к «Левитановскому» омуту, с которым связано предание о несчастной любви дочери мельника к барскому камердинеру.

Барин жестоко обошелся с влюблёнными: юношу отправил в солдаты (а служили рекруты 25 лет!), а девушку пытался насильно привлечь в свой крепостной гарем. Она не подчинилась барской воле и от отчаяния бросилась в омут. В 1891 году художник Исаак Левитан узнал, что Пушкин любил приходить к этому месту и подолгу сиживал здесь в раздумьях, и что это предание якобы породило сюжет его «Русалки». Художника всё это взволновало. Он целую неделю, приезжая из соседней деревни Затишье, писал здесь этюды. А впоследствии на их основе создал картину «У омута». Это знаменитое полотно и сейчас находится в Третьяковской галерее.

Над созданием экспозиции в Бернове поработали лучшие музейщики России. Вот почему здесь так легко проникаешься ощущением ушедшей эпохи. Оживает в воображении уклад жизни помещичьего дома. Ломберный стол, свечи, альбом уездных барышень, раскрытая французская книга. Портреты друзей Пушкина и его рукописи с рисунками… Интересно всё!

Но вернемся в музей 2015 года. Здесь мы увидели, можно сказать, еще одно чудо. Зал, рассчитанный на сто мест, не вместил всех желающих. И это – в глухую пору, когда ещё туристы – редкие гости здесь. Люди, подъехавшие с округи, стояли в проходах, коридоре. Открыла встречу заведующая музеем, член союза писателей России, поэтесса Валентина Громова. Поздравляя юбиляра, она сказала: «Бернову улыбнулась удача!..». Священник оживил не только приход, но и жизнь всего села. Он сразу стал помогать работникам музея в подготовке мероприятий к Пушкинским дням. Жизнь многих сельчан обогатилась духовным содержанием. Люди стали чаще посещать храм, видя там и вокруг него отрадные перемены.

Затем гостям показали документальный фильм лихославльского фотохудожника и кинооператора Владимира Коробова, бывшего фоторепортера нашей районной газеты. С виновником торжества его связывают давние дружеские отношения. Мелькают кадры хроники. Вот отец Андрей на служении в храме города Осташков. Вот праздник и крестный ход у истока Волги. А это красоты Селигера, яркая раскраска пасхальных куличей и тихая прелесть монастырских двориков… Одухотворенные лица людей… Всё это – в сопровождении прекрасной музыки. А потом с экрана зазвучала и песня в исполнении Андрея Гурова. В ней – размышления о смыслах

бытия. Среди простых слов будто сверкнула такая фраза: «… не знает любовь поражений».

Трудно объяснить словами то, что душою воспринимается мгновенно… Бог, в сущности, и есть Любовь. Если человек обрёл Веру, душа его будет спасена. «…Не знает любовь поражений». Если она возникла и расцвела – она неуничтожима. Сгубить можно её носителя, она же не исчезает бесследно.

Фильм закончился, и на сцену вышли самодеятельные артисты в костюмах, изготовленных собственными руками. Дети читали стихи Пушкина. Красавицы с венками, словно русалочки с Тьмы, кружились в танце. Изумительно пела Люба Богданова, заведующая сельским ДК. А вот отец Андрей вышел с гитарой. Тревожно звучал рефрен припева: «Ветер, ветер… Перемены!»…

Эта романтическая баллада настраивала слушателей любить жизнь, как чудо Божественного происхождения, это ведь так очевидно для верующей души: был Божественный замысел, была и Божественная искра.

«Ветер, ветер… Перемены!»… Песня словно утверждала Любовь как высшую задачу и ценность жизни. От грустного рефрена чуть сжималось сердце и чудилось пока невнятное откровение о са́мом-са́мом…

Приближался вечер, а надо ещё возвращаться в Лихославль. Нас пригласили на чаёк в трапезную возле храма. Здесь посмотрели стенд «Приходская жизнь», под фотографиями – шутливые подписи в рифму. Конечно же, он, Гуров, сочинил! В рамке под стеклом – грамота. Это дирекция музея благодарит священника за помощь в подготовке к Пушкинскому дню в 2014 году. Мы уверены, что и теперь этот праздник в Бернове отметят интересно.

Очень важно сказать: отец Андрей и матушка Ольга, незаменимая помощница во всех делах прихода, воспитали пятерых детей. Мы видели их в фильме – красивые лица, такие бывают у тех, кто живёт полно и радостно.

…Не унимался ледяной ветер. Хмурились небеса. А на душе было тихо, светло. Столько всего вместил один-единственный день! Какие интересные, талантливые люди встречаются в нашей тверской глубинке! Будь жив сейчас Александр Сергеевич, он бы с нами, в Бернове, не заскучал!

Здесь, на берегах Тьмы, сохраняют память о Поэте. Берегут и православную Веру. А пока всё так – будет жива и Любовь, которая не знает поражений. Потому, что она всегда и во всём права.

Любителям «ближних странствий» добавим немного информации о речке Тьме. Исток её – Денежновское озеро, где издавна вылавливали крупных щук, налимов и другую рыбу. От озера недалеко до еще одного «пушкинского» места – села Мологино. Там проживал друг поэта Алексей Раменский, один из основателей 200-летней династии сельских учителей. Пушкин ненадолго заезжал и в Мологино…

А вот от Бернова вниз по течению Тьмы – родина Сергея Яковлевича Лемешева, легендарного оперного певца. В деревне Князево, где прошло его детство, ежегодно проводятся музыкальные фестивали…

Перед устьем Тьмы раскинулся Дуденевский природный заказник, здесь места летних детских лагерей. А при впадении Тьмы в Волгу (недалеко от пристани Кокошки) возвышается над водой курган Николка, место древнейшего святилища славянских племен.

Есть на Тьме и охотничьи угодья, где организован егерский надзор и практикуется лицензионная спортивная охота на зверя и птицу.

Вот сколько всего есть на малом «клочке» нашего Верхневолжья! В то же время этот необъятный край, где не нужны ни доллары, ни евро, по-прежнему малоизвестен (в отличие от жарких южных стран). Не исключение и наш район. Здесь тоже есть много интересного, хотя бы и Лихославль, который готовится отметить 90-летие в статусе города. Ведь история поселений на этом месте насчитывает более четырехсот лет. Какие загадки, события хранит далёкое и не очень далёкое прошлое?.. Хотелось бы знать об этом больше и рассказать об этом читателю.

На родине Лемешева

2018-й, седьмое июля. В деревне Князево, что в Калининском районе, снова музыкальный фестиваль «Вижу чудное приволье». Многолюдно было по всему косогору, под которым с летней эстрады выступали артисты, тверские и столичные. Выстроилась очередь в музей Лемешева. Веселили народ затейники и хороводы. На ярмарке народных мастеров встретили супругов Барашковых из Лихославля. Они уже не впервой тут… Множество огоньков свечей мерцало за распахнутыми настежь дверями часовни. Здесь поминали земляка как получившего Божий дар петь и нести людям радость.

Биографы отмечали, что Лемешев вошёл в историю искусства как непревзойдённый лирический тенор, выделявшийся не только редчайшими вокальными данными, но и великолепной сценической внешностью. Он был подлинно народным артистом СССР (с 1950 г.)

В биографии Сергея Яковлевича много интересных фактов. Вот лишь один… В их деревне при взрослых детям петь не разрешалось, так он уходил в лес или в поле…

Нашлись, к счастью, в сельской глубинке люди, сумевшие оценить способности мальчика из крестьянской семьи. В самодеятельном драмкружке его учили пению, нотной грамоте и даже азам итальянского и французского языков. Трудновато нам сейчас представить, что на хуторе близ села Ивановского существовал самодеятельный театр, в котором выступал и Серёжа. Впоследствии это помогло ему поступить на вокальное отделение Московской консерватории, преодолев конкурс в двадцать человек на одно место.

Четверть века Лемешев являлся ведущим солистом Большого театра в Москве. А в его богатейшем репертуаре всегда важное место занимала и русская народная песня.

В тот, памятный для нас, день фестиваля, по-над речкой Тьмой, над лугами прибрежными разливался усиленный электроникой чарующий голос легендарного певца. Ветер клонил некошеные травы, а надо всем этим привольем разносилось задорное:

…Буйный ветер в лицо бьёт,
Частый дождичек сечёт…

Слушал – и дивился заповедным словечкам, которыми неиссякаемо богат наш язык:

…Ой, люшеньки, люли-люли,
Ретивое сердце мрёт…

Вот и эти словечки были давно известны, да как-то подзабылись. А тут – ощутились вдруг заново, свежо и радостно. Ведь и вправду «мрёт» сердчишко-то, если вдруг станет тебе сладко и томительно. Попробуй лучше сказать – не получится!..

«Частый дождичек сечёт, – звучало окрест. – Ой, люшеньки…» А ведь и дождичек в тот день сыпанул – тёплый и какой-то шальной, озорной. Ничуть, впрочем, не испортив праздника.

…Можно долго любоваться прогнувшимся над речкой Тьмой пешеходным мостом, по-старинке сбитым из длиннейших еловых хлыстов. Кое-где эти брёвна потрескались и лопнули, мост поэтому угрожающе покачивался на стальных тросах-вантах. Жители

окрестных деревень и туристы переходили по нему, ступая осторожно и не более чем по двое.

Порадовало нас, что нашлись спонсоры, готовые взяться за ремонт «Князевского моста» – важной достопримечательности здешних мест.

У многих людей есть в жизни какая-то своя река. Она течёт в их памяти… Лемешеву судьба подарила Тьму. С восьми лет он уже ловил здесь рыбу. И вовсе не для развлечения!.. Ночевал на берегу, когда доверяли ему сторожить лошадей в ночном. Тут и пел потихоньку. И мечтал, конечно… Даже будучи в солидном возрасте, Сергей Яковлевич любил приходить сюда: понаблюдать, послушать… Это, действительно, была речка его сердца.

…Когда мы собирались уезжать, не покидало почти мистическое ощущение живого присутствия здесь Лемешева. Повсюду на его малой родине.

Ещё долго звуки и картинки того дня согревали душу. Да и теперь помнится, что есть такое вот Князево, и, значит, снова состоится праздник на Тьме.

Осколки с Николки

Уже давно хранятся у меня дома, в Лихославле, эти «сувениры» с кургана Николка. Иногда показываю их друзьям и знакомым. Рассказываю про «ближнее путешествие» в соседний, Калининский район. Оно уместилось в один тёплый, долгий день июля…

***

С речного вокзала тогда ещё Калинина, а не Твери, мы с женой и дочкой отправились на прогулочном теплоходике вверх по Волге. Любовались с палубы зелёными берегами, синеватыми далями, слушали шорох воды за бортом.

Сошли на пристани Кокошки. Сняли обувь и пошлёпали босиком по ласковой отмели. Неподалеку отсюда в Волгу впадала речка моего детства – Тьма. И возвышался курган под названием Николка. По пути к нему нам встретились кое-какие чудеса. Так, видели мы, как у бережка купается истомившийся на жаре грач… Вскоре мы опять остановились и с изумлением рассматривали останки крупного леща, прибитые волной к берегу. Разглядев скелет рыбины, доченька убеждённо заключила:

– Такой – из моря приплыл!

Мы с женой переглянулись, согласились и пошли дальше.

…Мелкая, жёсткая травка выстилает пологие склоны кургана. Похоже, что когда-то здесь было славянское капище и, может быть, стоял языческий идол в честь бога солнца Ярилы… А сейчас было пусто. Едва заметные тропки сбегали с вершинки в стороны.

Мы присели на травку передохнуть и закусить «чем Бог послал». А мне и подумалось, что вовсе не обязательно штурмовать скалистые пики, чтобы испытать щемящее душу радостное волнение. Малые вершины хороши по-своему.

Отсюда далеко было видно по Волге и впадающей в неё Тьме. Речной простор и покой, отрешённый ропот ветра и волн завораживали, будили фантазии.

***

Ещё задолго до поездки я разузнал, что Тверские археологи обнаружили в этих местах следы неолитической стоянки. Находили тут наконечники стрел и копий, скребки и даже образец древнеславянского искусства – всадника, высеченного из кремня. Найдены были и старинные монеты – арабские дирхемы и серебро Саксонской династии. Археологи насчитали в окрестностях десятки курганов, которые свидетельствовали о сражениях с татаро-монголами. В связи с этим возникает предположение, что назван курган по имени воина. Может, и был такой Николка? Окружённый ордынцами, не сдался, обагрил своей кровью эту кремнистую землю? Подобные подвиги нередко остаются в легендах и названиях приметных мест.

***

В километре от Николки – деревенька Дуденево. И это название восходит к временам татаро-монгольского нашествия. Напоминает о здешнем наместнике, жестоком сборщике подати и налогов Щелкане Дудентьевиче. Тверские летописи сохранили до нас строки из песни-былины безвестного поэта:

У кого денег нет –
У того дитя возьмёт,
У кого дитяти нет –
У того жену возьмёт,
У кого и жены-то нет –
Того самого головой возьмёт…

Отвлекла от размышлений дочь, гулявшая внизу:

– Пап, смотри, какой камушек! Смешной: с дырочкой! …

– Тащи сюда!

Глянул и ахнул: да это же «куриный бог»!

– Почему это «куриный»? – сморщилась она недовольно.

Пришлось рассказать, что старые люди вешали «дырявые» камушки во дворах, где куры ночуют. Якобы будут нестись лучше. Обычай такой существовал не только в тверских краях. А в пору моего детства отыскать «куриного бога» считалось удачей редкой.

***

…На склоне к Волге край луговой дернины свешивался над отмелью и … как будто что-то таил. Мистика какая-то! Я пригляделся к излому дернины и заметил нечто остро торчащее и вызывавшее смутное беспокойство.

Мы знали, конечно, что после освобождения города Калинина, в конце сорок первого года, боевые действия прокатились и здесь. Памятуя об этом, я осторожно разгрёб землю и убедился, что это не взрывоопасный предмет. Извлёк на свет божий страшноватую, с рваными краями и в зазубринах железяку. Почему-то обрадовался и стал зачищать её песком, сдирая бугорки ржавчины. И вот кое-где тускло блеснула ясно-серая сталь. А на округлом конце находки обнаружилась резьба.

Понятно было, что это осколок. Только вот от чего?.. И чей? Я и не предполагал, что скоро получу разгадку.

***

…В этом уголке тверской земли природа щедро рассеяла и уберегла реликтовые растения. Вот почему в советское время в окрестностях Дуденева и устья Тьмы был установлен режим историко-природного заказника.

Побродить в этих местах для нас оказалось просто счастьем. Пойменные луга и Дуденевский склон полыхали цветущим разнотравьем, и было трудно удержаться, чтобы не сорвать «краснокнижный» цветок.

…Так уж получилось, что на последний теплоходик с пристани Кокошки мы опоздали. Что делать? Маяться до утра здесь, у костерка? Или идти в Дуденево, проситься к добрым людям на ночлег? С ребенком-то пустят, да и заплатим…

И вдруг со стороны Старицы показался теплоход на подводных крыльях «Заря». По высокой воде они иногда поднимались и до Ржева… Остановки здесь, судя по вывешенному расписанию, не было, но… Я снял свой красный свитер и, наудачу, стал размахивать им над головой. А рядом и дочка прыгала, махала ручками и пищала что-то. Мы вполне смахивали на беспечных «робинзонов», подающих сигналы бедствия.

А дальше произошло то, чему некоторые наши знакомые не

очень-то верят. А было – истинная правда! – именно так.

«Заря» вдруг повернула в нашу сторону, вобрала под себя подводные крылья и тихонько вползла на отмель неподалёку от пристани…

Ошарашенные от радости, мы шустро забрались на борт, и «Заря» тут же дала задний ход. Снявшись с отмели, развернулась по курсу и понеслась вниз по реке!..

Капитан судна – пожилой, в фуражке с «крабом» – высунулся из рубки в боковое оконце и с усмешкой спросил нас:

– С Николки?

– Оттуда, – отвечал я.

– Ну и как там? – в его голосе не было равнодушия, и мне показалось, что он и сам хотел побывать там.

Я вынул из сумки «железяку» и подал ему:

– Посмотрите: что это может быть?

Капитан повертел мою находку и передёрнул плечом. Глянул на нас рассеянно и пробормотал:

– Погоди-ка, сейчас выйду…

Передав управление судном помощнику, спустился в пассажирский салон. Вынул перочинный ножичек и поскоблил осколок. А потом весело сообщил:

– Во, мужики! Лезвие тупится. Да-а, хорошую сталь делали для нашего брата…

«Железяка» пошла по рукам. С особенным интересом тянулись к ней мужчины постарше. Нашлись среди них и бывшие фронтовики. Порешили, обсуждая вслух, что это осколок бомбы или мины. Причём немецкой!

Запомнилась мне минутка молчания, которая случилась тогда на теплоходе… А про билеты за проезд для нас никто и не вспоминал.

«Заря» неслась уже в границах города, а капитан поднялся в рубку принять управление на себя.

***

Забегая вперед, поясню: мой знакомый коллекционер, собиратель древностей, увидев нашего «куриного бога», уверял, что кремень похож на обломок наконечника копья или пики.

– Смотри, вот следы обточки. А сюда вставлялся конец древка…

Чтобы не огорчать приятеля, соглашался с ним: мало ли что имелось в арсенале древних славян! Разве узнаешь об этом точно?..

***

Если показываю кому-то эти находки вместе – на особый лад настраивается человек. Как будто растревожена память, которую не берет ни вода, ни ржа, ни даже всевластное время. Рассуждая о прошлом, мы говорим и о будущем. О чем-то задушевном вспоминаем. А вот о родине – молчим, хотя помним и думаем о ней. О Великом, бывает, – лучше всего без слов.

Поп и работник Вася

Клонился к закату нескончаемый день июня. Спадала жала, и предвечерним покоем умиротворяло, завораживало всё живое на буйно раззеленевшейся земле.

У свежепобеленной церковки, в зарослях бузины, возились воробьи. Чирикая, перепархивая, раскачиваясь на ветках, чистили перья и, казалось, ничуть не опасались человека под бузиной, который битых часа два скрёб кусок белого камня…

В приделе церкви стукнуло. Отворилась половинка ворот, когда-то зелёных, а сейчас усеянных лишаями ржавчины. На паперть, щурясь на солнце, вышел батюшка в черной шляпе. Он запер храм и подёргал замок. Огляделся в июньском мире.

В этот миг из бузины донёсся протяжный, чуть громче воробьиного, посвист. Батюшка оглянулся – и посвист повторился дважды. Зазывный, дразнящий… Воробьи возмутились бестактностью человека под бузиной и рассыпали перед владыкой ворох звонких извинений. Но тот всё ж нахмурился. Пожевал губами в пушистой бороде, наклонил голову вперёд и зашагал прямо на них – кряжистый, грозный. Воробьи не ожидали такого оборота и сорвались испуганной стайкой.

Ступив в кусты, батюшка нащупал взглядом сквозь листву белобрысого парня и узнал: тот был из стройбригады, которая уже с неделю вела ремонт фундамента храма. Парень ковырял, вроде как стамеской, округлый камень, зажатый между колен.

– Ты чего? – глухо спросил поп.

Тот поднял на него сощуренные голубые глазки и, ничуть не смутившись, объяснил:

– Посиди, Борис Александрович… Не спешите?

Тот нюхнул широкими ноздрями листвяного духу и малость осердился:

– Всю жизнь спешим! Только куда…

Поп снова пожевал губами, рассматривая парня, как диковину, и обошел кусток.

– Не помешаю трудам? – спросил добрее и трогая глыбу кирпичной кладки, оставшейся от давным-давно упавшего столба ограды.

– Садись-садись, батя! – Парень явно обрадовался, как видно, уже соскучившись.

Отец Борис повесил шляпу на засохший сучок, расстегнул длинный пиджак и сцепил на коленях крепкие, в набухших венах руки. Проговорил по привычке:

– Бог в помощь, а труд – на пользу.

– Спасибо! – весело ответствовал парень, сдувая с камня мучнистую пыль. – Польза будет…

Батюшка с недоумением разглядел теперь: в коленях у того была зажата массивная ваза, выточенная из плотного известняка. Узкой стамесочкой парень ловко вырезáл на вазе округлый барельеф. Обнажённые ручищи его, брюки и клетчатая рубаха были припудрены белой, с прожелтью, пылью. Ваза показалась батюшке неоправданно большой и неуклюжей, он поэтому не стал высматривать, что за картинку вырезáет парень, а просто так, чтобы разговор поддержать, сказал:

– Тьфу ты… какая!

– Какая? – не отрываясь от дела, спросил парень. Сдувая пыль, он слишком наклонился и у него засвербило в носу. Парень чихнул. А батюшка с укоризной ответил:

– Какая… Толстая слишком. И… как это ещё говорят? А, вот: кракалястая!

– Да и хрен-то с ней! – улыбнулся парень. Крепко потёр нос, но на этот раз чих не удался. – Все равно купят.

– Купят, говоришь? – удивился поп.

– Запросто! – уверил парень. Он отстранился от изображения и прищурился. – Мошком тут-здесь потру, чтоб въелось маленько, зеленоватенькое… И эге-е! Я, Борис Александрович, знаешь, сколько таких вазочек толкнул?

– Форменное мещанство, – досадуя на что-то, сказал поп.

– Ну и что? – посерьёзнел вдруг парень. – А ты по себе всех не суди…Ты вот понимаешь, а кто-то – ни бум-бум! Я на каждой церкве, где работаю, по несколько таких штук вырезаю. И нарасхват, батя! За милую душу… А ты – «мещанство».

– И кто ж это на них зарится? – недобро спросил поп и покачал головой укоризненно.

– Как кто? Туристы, – терпеливо и с некоторой гордостью пояснил парень. – Ха! Так-кие есть … у-у! Скажи только, что старинная, еле отскрёб, мол!.. Некоторым я и год вырезаю. Ну, там тыща шестьсот такой-то… А одна попалась – красивая такая дурища! – так та тринадцатый век запросила. Веришь? Я хоть и самый темный, а она … Брось, говорю, не поверят!..

– Интересно, – глаза у попа заблестели. – Ну и как?

– Четырнадцатый вырезал, – хохотнул парень. – За рубль.

– Надо ж, – отец Борис прикинулся удивлённым, но не улыбнулся, а смотрел на парня так, будто сейчас только и разглядел его. Потом конфузливо отвел глаза и спросил: – А ты что, специалист по церквам?

– Да не, какой там специалист? Каменщик я… Я, чтоб ты знал, угол пятиэтажного дома могу выложить.

– Ну так чего ж здесь тогда, а не на стройке?

– А-а… Это я для разнообразия.

– Призвание ищешь? – ехидно спросил поп. Но, не дожидаясь ответа, спросил еще: – А тебя как звать-то?

– Ва-ася, – смущенно осклабился парень.

– Будем, стало быть, знакомыми… И откуда ты будешь, Вася?

– Из Торжка я. Слыхал такой город?

– Ну как же, как же! Я в Торжке бывал. Правда, давно уже. Занятный городок. Тверца протекает, соборы…

– Двенадцать разов горел! – похвастал парень про свой город и языком прищёлкнул. Поставил полупудовую вазу на колено, шлепнул заскорузлой ладонью по барельефу, который изображал трехъярусную церковь с луковкой, и сказал: – Вот он, Торжок-то! Достопримечательность. С семнадцатого века стоит и… не падает.

– Ну-ка, ну-ка, – поинтересовался отец Борис. – С семнадцатого, говоришь?.. Деревянная, что ли?

– Точно! Ей в брёвна какого-то раствору напитали, шприцами, чтоб не сгнила. Теперь даже и не сгорит!

– Хм… – уважительно произнес поп. – А что на другом-то боку? Ну-кось…

Парень вертанул вазу на колене и сдунул пыль со второго барельефа.

– А это – твоя вот… Подчистить осталось. Церква Рождества? Так ведь называется?

– Ты смотри-к! похожа. А?

– Конечно, похожа, – снисходительно усмехнулся Вася.

– Только её малость перекосил, мне кажется…

– Да не-е, батя! Это ж перспектива такая! Ну, стиль такой, под древность, что ли?

– Да? – отец Борис огладил бороду, снова сцепил руки на колене и пробормотал: – А ты всё ж молодец, Вася. Учился где?

– Да не, я самоучка. Я как урод в семье: ни батя, никто по камню не резал. А мне вот понравилось, от соседа научился… Да потом и деньга, верно ведь?

– Понятно. Ты вроде как призвание нашёл, так?.. Ясненько. А что самоучка – это брат, не беда. Мы все, считай, самоучки… Так ты что же, по любому камню можешь? Резать-то…

– Нет, только по белому. Туф, мрамор, известняк вот… Что подвернётся. А больше, конечно, по известняку, – обстоятельно пояснил Вася, принимаясь подчищать второй барельеф.

– И по мрамору можешь? – удивился отец Борис.

– А что? И могу!.. Труднее, конечно. Но и по мрамору!

– Хм… Камень-то у тебя какой интересный. Право слово: белый, а не какой-то там серый…

– Чего ж удивительного? На ваши церкви самый наилучший шел. Во известнячок-то! – Вася любовно шлёпнул по вазе. – Ни камушка, ни ракушки. Как литой!

– И скруглить как-то умудрился, – продолжал удивляться поп. – Неужели вручную?

– Зачем! На токарном станке. В вашей мастерской совхозной.

– Смотри-ж ты! И резец берёт?

– Как по маслу, ба-тя!

– Да, – задумчиво проговорил отец Борис. – Интересно. У нас таких камней сроду не бывало вроде…

– Конечно, – подтвердил парень. – Что у вас? Лес да болото… Это с Волги камешек. Слыхал про Старицкие каменоломни?

Тут парень машинально кивнул на колонны бокового портала, а потом с неожиданным испугом проследил за взглядом отца Бориса. Одна из колонн – как поп раньше-то не заметил! – не имела доброго аршина у основания и была подпёрта стопкой кирпичей.

– К-как это?! – изумился отец Борис. – Никак ты отсобачил? Во… нахалюга-то, а?!

– А ты что, пожалел? Я ж отбитый кусок взял!

– Надо было примазать его, кусок-то, – строго сказал поп. – На цемент посадить – и держался бы!

– Да я другой камень вмажу, батя! И не отличишь, ей-богу! Вот расстроился…

– А на кой мне другой-то? – завелся поп. – Разве можно так-то, нахально?.. А еще деньги получишь!

– Эх, Борис Александрович! Камня пожалел… Тут, можно сказать, произведение искусства. – Вася для убедительности шлепнул по вазе и обвел пальцем церкву Рождества.

– Произведе-ение… Так и всё-то растащить можно, на ваши произведения!

Крыть было нечем. Вася колупнул ногтем готовый барельеф и посмотрел в небо. Прощальным золотом горели в вышине перистые облака. Ни один листок на бузине не вздрагивал. Прожужжала между ветвей иссиня-золотая, похожая на драгоценность, муха. Вася вдруг зевнул и подумал, что пора бы, пожалуй, и на ужин. Но вот товарищ его неожиданный, кажется, не спешил.

– Так сколько же ты за неё возьмёшь? – кивнул отец Борис на вазу, которую Вася снял с колена и прислонил к корню бузины.

– Смотря кому предлагать, – лениво ответил он. – Я как погляжу на человека – так и цену назначу… А вообще-то двадцатку запрошу.

– Хм. Даёшь!

– Даёшь – не даёшь, а три вечера я сидел, – рассудил Вася с некоторой обидой. – Кому не нужно – тому и дорого. А людям, вон, интерьер обставлять надо… Сейчас и книжки хватают, и что попало… Если уж лапти на стенку вешают, то… моя-то не хуже лаптей будет!

– Лучше пошёл бы куда-нибудь, чем сидеть-то тут, – тоскливо сказал поп. – Твоё дело молодое. Чего коптеть тут, в кустах?

– Куда у вас пойдёшь, в совхозе-то?.. Да и не хочется.

– Не хо-очется, – слегка передразнил отец Борис. – Значит, не колется! … Вон у меня тоже иногда бывает: ну ничего не хочется! Никакого интересу ни до чего… Так у меня же года! А ты? Тебе ещё пахать и пахать, а мой лемех стёрся.

Вася с удивлением глянул на него и тихонько засмеялся.

– Чего ржёшь? – опять тоскливо сказал поп. – И ты, погоди, уездишься!

– Что-то мысли у вас… невесёлые, Борис Александрович, – вежливо сказал Вася.

– Не с чего, брат, веселиться…

Помолчали. Отец Борис поднял голову и сквозь бузинные

ветки поглядел на ещё не отгоревшие облака. Вася проследил за его взглядом и сказал мечтательно:

– Самое лучшее время, под вечер-то.

– Благодать! – сурово ответил поп и вперил взгляд в землю. – А мне вишь, проблема…

– Чего такое? – ворохнулся Вася.

Отец Борис наклонился к нему поближе и тихонько проговорил:

– Ты, Василий, случаем, не знаешь, где сапожки лаковые достать? Может, у вас в Торжке продают сейчас?

– Женские? – живо откликнулся тот. – У-у, батя! Это ж дефицит. Бывают, конечно, но… хрен достанешь! Это лучше в Москву ехать… Там всякий импорт бывает.

– Во-во! Мне бы импортные. Ду… моей!

Вася помычал и рассудил:

– Да-а. Проблема!

– И не говори! – махнул отец Борис рукой. – Придётся, наверное, ехать… Только вот поедешь, а достанешь ли? Прокатаешься зря…

– Ну а не съездишь – так и не достанешь! – Вася украдкой поглядывал на его опущенную голову, на высокие залысины в слегка вьющихся волосах, почти сплошь седых, и с сочувствием думал: «Конечно, не сладко. Та, небось, женихается… А религии – крах…» Опять помолчали. Васе хотелось сказать попу что-то значительное и от души. Но ничего такого у него не нашлось, и он решился сказать о другом.

– Вы, Борис Александрович, извините, конечно… Маленько-то если, употребляете? – Вася кашлянул и осторожно щелкнул себя по горлу.

– Хм, – отец Борис испытующе глянул ему в глаза. – Да маленько-то можно бы… Да гастрит у меня, понимаешь?

– Гастри-ит, – уважительно протянул Вася. – Жаль… А то у меня есть с собой, в заначке. Может, в виде исключения, а?.. Я трепаться не буду, вы не беспокойтесь!

– Есть? – насторожился отец Борис, но потом отрицательно помотал бородой. – Нет уж, не искушай, брат. Буду потом мучиться всю ночь…

– Да? Ну тогда, конечно, худо, – Вася брякнул так, и совестно вдруг стало за своё ничем не омраченное состояние духа, за молодость и здоровье.

А поп вздохнул печально и нашарил в кармане пиджака часики. Глянул на них и удивился:

– Однако ж, пора? Как говорят-то: не дожидайся, пока гнать станут, так?

Вася пожал плечами:

– Смотря как вам…

– Как мне, – проворчал батюшка. – А мне ежели – то никак! Так всё надоест, бывает, глаза бы ни на что не глядели…

– Устал ты батя, – посочувствовал Вася. – Может, у тебя стресс какой-нибудь.

– Наверное, – веселее сказал поп. – Ну что ж, потопаю домой.

– Борис Александрович, – тихо позвал вдруг Вася. – Нравится вам?.. Ну хоть немного, конечно.

Он кивнул на вазу и затаился словно.

– Эта-то? – Поп глянул на нее сверху и искоса, как петух на зернышко. – Да как тебе сказать?.. Ну, церковки-то вроде и ничего. Современные… Аккуратные церковки, с … перспективой!

– Может, возьмёте, а? – Вася просительно посмотрел на него, но тут же испугался, что тот неправильно его поймёт, и пояснил: – В подарок! Не за деньги же!.. От души, Борис Александрович…

– Да на кой она мне? – фыркнул поп.

– Может, пригодится, а? В храм поставить или ещё куда, – В голове парня звучала мольба. Он поднялся, прижимая вазу к животу.

– В храм? – Отец Борис грустно улыбнулся и отступил на шаг. – Ну, скажешь, брат! В храм не годится…

Он нахмурил лоб, как бы соображая о чём-то и улыбаясь, а потом проговорил:

– Впрочем, погоди-ка… Пожалуй, пригодится! – Отец Борис прошёлся перед Васей взад-вперед, потер крепко руки и понизил голос: – Пригодится! Домой снесу… Давай! Беру.

Тут он полез в карман и вынул кошелёк. Вася же – изумился и зашипел:

– Да ты што, ба-тя! Я ж от души, понял?.. Да я лучше кокну её сейчас об кирпичи. С кого б другого – содрал бы и не зажмурился, а… Ты ж – человек!

– Хм… Ну ладно, тихо-тихо, – смутился отец Борис. Пошелестел бумажками и спрятал кошелёк. – Чего распетушился-то?.. Ну тогда дай хоть обниму тебя, ч-черта! За подарок!

Он крепко тиснул Васю за плечи, и тот от неожиданности чуть не выронил вазу себе и попу на ноги.

– И возблагодарю ближне-га-а! – прогудел поп ему прямо в ухо, щекоча бородой. Принял вазу и отпрянул.

Вася ж покраснел слегка и сказал:

– Да чего там… От души.

– Ну, бывай здоров, Василий! – бодро сказал поп. Махнул ему шляпой и понёс вазу под мышкой, пачкая пиджак белым.

«Эх, в газету бы завернуть!» – сокрушённо подумал Вася, глядя ему вслед, как родному. Но окликнуть не решился. Ему представилось, как отец Борис грохнет вазу на стол и, ласково оглаживая ее, скажет: «Для тебя, матушка! Старинная… Вася три дня отскабливал». Он чуть не засмеялся, но тут же с досадой вспомнил: «Эх, надо было год вырезать! Вдруг не поверит?..»

Вздохнул. И услышал, как со сладкой тяжестью колотится сердце. Полез за портсигаром… И тут – лицо его вытянулось. Рука нащупала хрустящую бумажку. Вася выдернул руку, точно уколовшись, поднял перед собой и не поверил глазам: красная была бумажка. Десять рублей.

– Вот зар-раза-то, а?!

Теперь-то стало ясно, зачем это поп вдруг полез обниматься и что его «Возблагодарю» имело тайный смысл… Вася с маху припечатал бумажку на кирпичи, где сидел отец Борис, и сморщился от боли. Выругался и, против обыкновения, стал небрежно бросать свой инструмент в потёртый чемоданчик. Защёлкнув запор, выпрямился. Глянул мельком на червонец, упруго изогнувшийся на кирпичах, и печально вздохнул: всё ж такие деньги на дороге не валяются…

Недвижимо стояли в тёплом небе золотистые перья облаков. По низинным перелескам, куда легли уже тень и прохлада, разгорался, предвещая ночное неистовое пиршество, соловьиный бой. Жизнь сулила радость и удачу. Вася снова предоставил неведомую попадью и улыбнулся.

– Опиум для нар-рода! – скрипнув зубами, он решительно забрал червонец, смял его в кармане, и направил стопы к общежитию, где разместилась их бригада по ремонту и реставрации памятников архитектуры.

Злая любовь

У речного вокзала в толпе провожающих выделялись полная женщина с пустой авоськой и высокая девушка в светлом брючном костюме. Тревожно вглядываясь в отчаливший теплоход, девушка гибко вытянулась и помахала рукой. Женщина же, похлопывая по бедру авоськой, бегло оглядывала публику и, казалось, нисколько не интересовалась торжественным отбытием белоснежного красавца…

– Теперь пошли! – девушка порывисто потянула спутницу за руку и опустила голову. Потом достала их крохотной сумочки платок и поднесла к глазам. – До последней минуты ждала: вдруг позовёт? … Я впрыгнула бы. Пусть, что без билета. Всё равно б!..

– Бухнулась бы в воду, – покосилась на нее женщина. – Потом не отстираться!

– Чего? – не поняла та.

– Не отстираться, говорю, потом бы. Вон нефти-то сколько плавает: так и переливается!

Девушка остановилась, с изумлением вглядываясь в лицо женщины.

– Ну чего уставилась? – проворчала та. – Я вот и знала, что не позовёт.

– Знала?! Я что-то не пойму: издеваешься ты или…

– Ну во-от, делать мне больше нечего. «Издеваешься»!.. Если хочешь знать, то … ему и надо было ехать одному.

– Ты что-то скрываешь. Что-то такое знаешь и… Неужели… Ведь я, как-никак, дочь тебе!

– Скрывать-то нечего. Всё и так на виду.

Дочь остановила её. На требовательный взгляд мать усмехнулась и проговорила ободряюще:

– Прямо сказать? Испугать боюсь… А пугаться – нечего. Просто ему и надо побыть одному. Без тебя чтоб. Ясно?

– Как это? – Дочь растерянно оглянулась по сторонам. – Он же говорил недавно… А когда мы поженились…

– Ну и что?

– Да как же «что»?! Может быть, он там, на турбазе… – резко проговорила она, но не закончила. Глаза ее сухо заблестели.

– Вот чудо гороховое! – женщина тихонько рассмеялась. – Да лю-убит он тебя. Лю-убит! Разве ж не видно?

– Вот так любо-овь, если он … без меня! Думаешь, мне не хотелось в Лисицкий Бор?.. А он даже и не пригласил, – печально закончила она.

– Да-а, – недобро усмехнулась на это мать. – Выходит, если одному прокатиться, то и нельзя? В истерику?.. Злая любовь, значит.

– Злая?! – на глазах у дочери заблестели слёзы.

Мать, будто не замечая этого, сердито продолжала:

– Я-то, выходит, лучше его знаю… Только, слышь-ка, боюсь за него. Из-за тебя боюсь. Приласкает какая-нибудь – и сбежит… Самое лучшее сейчас – скрыться бы тебе надо куда-нибудь… Шагу не даёшь ступить мужчине. Всё под ручку да под ручку. А как же люди в командировки ездят?.. Да, надо тебя, пожалуй, спрятать.

– О-о, – простонала дочь. – Давай присядем.

– Пошли-пошли, – заторопила мать. – До обувного теперь.

– У меня… такое! А ты – про обувной!

– А чего там «такое» у тебя? – насмешливо спросила мать и силой подвела её к витрине, на которой были выставлены босоножки. – Смотри-ка: вон те, серенькие. А?..

Дочь повернулась к витрине спиной и зловеще прошептала:

– Для тебя босоножки – дороже человека!

– Дурёха ты, – спокойно сказала та. – Отлепись ты от него! Хоть на пару денёчков… Как же, говорю, люди в командировки ездят?

– Большая разница! Там работа, а тут… турбаза! У меня тоже два выходных. Можно было бы вместе?..

– Разлюбит, – угрожающе проговорила мать, но в глазах у неё таилась улыбка.

– Не пугай. Мне сегодня многое стало ясно…

– Тоже мне, ясновидящая… Значит, так и сделаем: приедет – а тебя и нету. Поскучает-поскучает, а тут – наскучается когда – и ты заявишься. Здрасьте, мол! Вот и я…

– Уйду я от вас, вот что! Переживём как-нибудь… На комсомольско-молодежных стройках общежитие дают. Теперь в палатках не живут…

– Ну-у, поехала! Аж на самый БАМ. «Переживём». Живали вы такие!.. Чуть что – в ЗАГС, разводиться. Всё им, вишь, сразу подавай: и любовь и счастье на блюдечке… А за что оно, счастье-то?.. Ну что у вас, к примеру, было-то? Общего… Танцы да вечеринки?

– Как же? Мы с девятого класса…

– Гладко у вас все было. Так гладко, что теперь-то и боязно иногда. Вот пождала б, как…

Тут мать умолкла, а потом буднично добавила о другом:

– Он когда назад-то? Та-ак. Тогда завтра вечером и поедешь к сестре моей. Она ведь недалеко тут. Сейчас в гастроном зайдём, купим ей кой-чего.

– Ты что, серьёзно это? Какая-то ужасная комедия! Прятаться к тётке от мужа! Да что я…

– Ну и съезди, съезди к сестрице моей. Чего тебе стоит? Не прятаться, а … навестить. Считай, что в командировку посылаю. И она, небось, соскучилась. Посидите там, поговорите по душам. То ли дело! А то нехорошо как-то: живем неподалеку, а видимся редко…

– Да зачем это всё? Никуда я не поеду! Не уговаривай!

– Эк тебя несёт! – удивилась мать. – Я тебя и не уговариваю. Я тебе приказываю. С поручением посылаю! И пока не позвоню – чтоб ноги твоей дома не было… А на работе научишь девчат, чтоб ему, если названивать станет, сказали: услали в командировку или ещё куда.

– Да не посылают у нас в командировки! – взмолилась дочь.

– Фи-и! А на что тебе голова дадена? Причёски носить?.. Придумай чего-нибудь… Отработала – и марш на электричку. Поживи у тётки, проветрись. А я об нём лучше тебя позабочусь. Утром с батькой вместе накормлю – и валяйте на работу.

– Феодализм какой-то! Не поеду.

– Колбаса ж испортится. Купим сейчас вот – куда её? – улыбнулась мать, приводя последний довод. – А у них там нет такой.

– Не знала я, что ты такая вредная!

– Стой. Давай-ка сюда зайдём… А ему я скажу, что поехала куда-то. Какие-то, мол, дела нашлись.

– Так он и поверит! – возмутилась дочь. – Какие у меня могут быть дела? Искать побежит или … подумает ещё что-нибудь такое…

– Поверит! Мне – поверит. Тёща, небось!.. И не побежит никуда. Скажу: сиди, жди свою принцессу.

– Дикость какая-то! И это – любовь?

– А что? И любовь, – проговорила мать, подводя её под руку к витрине мясного отдела. От того, что слова её, наверное, слышали в очереди, дочь смутилась и сжала ей руку: тише, мол! Но мать словно не поняла намёка и добавила:

– Разная она бывает, любовь-то.

Потом они отошли к кассе. Уже в очереди, наклонившись к

матери, дочь спросила тихонько:

– А у вас с папой было так, а?

– Всяко было, доченька. Всяко было, – громко, отсчитывая при этом мелочь, проговорила та, а дочь испуганно оглянулась и зарделась.

– А что потом? – не утерпев, снова шепотом спросила она.

– Потом-то? – мать ласково притянула её к себе и, тоже шепотом, сказала: – Много будешь знать – скоро состаришься.

Охота на лося

Истрию эту рассказывал родственник. Как выслеживали сохатого, как вставали на «номера». Как целились в выбежавшего на опушку рогатого быка. Целились, но – по приказу егеря – не стреляли. Это право было предоставлено гостившему на заимке высокому начальнику из силового ведомства…

Он-то в подходящий момент и сделал выстрел. Всего один. Вдогонку… Кстати сказать, из карабина, а патроны были винтовочные.

Лось после выстрела бежал, оставляя на снегу пятнышки крови. Вскоре он явно замедлил шаг. Вломился в густой осинник и замер, перебирая передними ногами, словно в предсмертном жутком танце. Слегка накренился и завис в плотных зарослях…

При разделке туши охотники обнаружили, что выстрел был на редкость точен. Пулька прошила сердце зверя насквозь. Её потом нашли и передали гостю на память.

Изумлялись, что с такой раной лось смог пробежать метров двести. Словно засыпая на ходу.

Восхищались природной силищей сохатого. Радовались добыче, но и… как-то жалели его.

Вот ведь какая «диалектика» проявляется иной раз на охоте…

Лечебный фактор

В больничной палате нас шестеро. Кто-то готов к выписке. Кто-то не очухался от наркоза. У меня – висок болит после операции…

Утречком, когда просыпаться ещё и не хочется, приходит медсестра. Всегда так. На подносе у неё – лекарства, шприцы и прочее. Время утренних процедур.

Сестра – женщина яркая, в расцвете лет, энергичная, языкастая.

– Так, мужики, просыпаемся! – командует. – Готовим мягкие места!

Сосед мой слева, молодой ещё, потягиваясь, мечтательно произносит:

– И-эх-ма, проснуться бы здоровым!

– Да ты больше притворяешься! – с шутливой строгостью говорит сестра. С него начинает и священнодействие со шприцем.

А сосед справа, щуплый старичок, выглядывает из-под одеяла, продирает глаза в состоянии ещё посленаркозного «отходняка», сердито вставляет:

– Молодым бы проснуться!..

– А ты ещё не старый. А ну, поворачивайся, – командует она.

Из дальнего угла наш палатный философ на всё это откликается:

– Ишь, чего захотели! Молодым, здоровым!.. Радуйтесь, что имеете!.. Ой!..

– Чего разойкался? Уже сделано, – говорит сестра, убирая шприц.

– Да это я так, от восторга, – оправдывается наш философ. – Хороший укол! Как комарик кусил!..

– Сам ты комарик, – посмеивается сестра, забирая поднос.

Она отходит к двери и снова восхищает нас изумительными формами под халатиком почти на голое тело.

– Да-а, такие женщины, как вы, – говорит ей «философ», – создают позитивный настрой.

– А это, – встрепенулся старичок, – тоже лечебный фактор!..

Сестра оборачивается к нам уже от двери и говорит:

– Все вы тут почти здоровые и молодые ещё!

– С чего вы взяли? – удивляется философ.

– Да по глазам вижу! – смеётся сестра и притворяет дверь за собой.

Рысиная шкурка

В квартире тверского друга моего, Николая Михайловича, на спинку одного из кресел накинута пятнистая шкура рыси. Добыл он зверя в лесах Старицкого района. А было всё так…

Он уходил от неё по тракторной колее в снегу. То и дело оглядываясь… Рысь перепрыгивала с дерева на дерево, и вовсе не пряталась от охотника.

Михалыч знал: вообще-то рысь на человека «просто так» не должна нападать. В справочнике охотника читал об этом. А тут, по жизни-то, всяко ведь может случиться!.. Ружьё держал наготове, со

взведёнными курками. Навык стрельбы имелся даже влёт, не промахнулся бы, но всё равно нервы были в напряге…

Уже недалеко оставалось до заснеженного поля. На опушке зверь спрыгнул на кусты, а потом и в колею. «Неужели не остановится?» – изумлялся Михалыч. Вот и верь тут справочнику охотника!..

Рысь прыжками, даже грациозно, будто игру затеяла, приближалась к нему… Ружьё вскинулось почти машинально, прицелился впрямую… Крупная дробь остановила зверя. Рысь ткнулась мордочкой в снег совсем неподалёку.

Михалыч вспоминал, что подходил с опаской. Руки-то тряслись… Невелика «кошка», а полоснуть зубами по шее могла бы запросто…

Впоследствии шкурку зверя, всё же экзотического для наших мест, обработал опытный специалист. С тех пор она и красовалась на спинке кресла.

Старшая доченька друга, Катя, когда была ещё маленькой, на мои расспросы как-то сказала:

– Вот киска какая! Чуть папу не съела…

Катя сейчас уже взрослая. А с кресла по-прежнему топорщатся грозные усы и кисточки на кончиках ушей…

Анюта и Дуняша

Ждали автобуса из сельской глубинки на Тверь. Разговорился с давней знакомой – Анютой, работавшей в областном центре медсестрой. Среди разных деревенских новостей она и сообщила, что с полгода назад схоронили её прабабушку, Евдокию Ивановну. Та была известной по округе травницей, и даже как знахарка помогала людям. Под её влиянием Анюта и поступила учиться в медицинское училище, что на Дорошихе. Эта маленькая история – про них.

***

Как-то по весне, в слякотную пору, занедужила Евдокия Ивановна. Слегла… Правнучка чаще стала навещать её. Радуясь этому, бабуля уговорила называть себя так, как в детстве её кликали, – Дуняшей. Поначалу смешно было Анюте, но вскоре привыкла, и уже с порога весело восклицала:

– Привет, Дуняша!..

А та прижмёт её к себе, гладит рукой по русой головке и приговаривает:

– Ах ты, птюшечка золотая! И волоски-то у тебя как ленок.

– Я не птюшечка! –морщится Анюта.

– А кто же ? Не воробей же!

Та смеется и ногой дрыгает. Прижмётся щекой к мягкому халату бабули, пожалеть её хочет.

Ну а старая рассуждает о чём-нибудь, что на ум придёт. Однажды и говорит:

– Тихо-то как у нас, Анютка. Слышишь?

– Слышу, – соглашается та и удивляется, что тишину можно слышать.

– Покойно. Как в раю…

– А как в раю? – встрепенулась девчушка. – Ты знаешь?

– Там тепло. Лето всегда…

– Лето?! – восклицает Анюта. – Комары, значит? Слепни?

– Ну-у, не слепни же, – ворчит старая. – Так, пчёлки если. Пожужжат – и то ладно…

– Пчёлки? – озадачилась Анюта. – А зачем они там?

– Так а как же! – Дуняша заулыбалась даже от своих фантазий. – По цветочкам. Жужжат себе!.. Цветочков-то в раю, небось, видимо-невидимо…

Чуть призадумалась Анюта, а потом серьёзно так, строгим голоском спрашивает:

– Ба, а что ты делать там будешь?! Всё лежать да лежать? Скучно!.. Ты уж не… не… – Тут она запнулась, не решаясь произнести страшное слово, а другого слова в тот миг не нашлось, и она словно выдохнула жалобно:

– Мне без тебя плохо будет!..

Бабуля пожевала синюшными губами, усмехнулась печально.

– Плохо, говоришь?.. А я, Анюточка, и не стану тогда торопиться. Обожду, пока ты подрастёшь, женишка сыщешь…

– А я тоже, – пискнула та, – не буду торопиться! Мне, ба, хорошо маленькой!

Тут они обнялись. Крепенько. И засмеялись. Но тихонько, чтобы не спугнуть нахлынувшее на обеих счастье…

Оршинские истории

Трагическая судьба этой красивой и ещё молодой женщины потрясла её поклонников и просто неравнодушных людей по всей России. В стихийном порыве были собраны десятки миллионов рублей, чтобы она смогла победить грозную болезнь. Да, я говорю о Жанне Фриске…

За её выздоровление молилась и Мария Геннадьевна. Ей тоже несколько лет назад поставили страшный диагноз – «злокачественная опухоль головного мозга». Для женщины это было ударом, потрясением мистической силы. И всё последующее она переживала, как в тяжком сне…

В онкоцентре сделали операцию. К сожалению, повредили глазной нерв, и офтальмолог предупредил, что слепота на один глаз неизбежна. В зоне оперативного вмешательства развилось воспаление. Врачи решили так: если пациентка выживет и к зиме сможет набраться сил, оперировать повторно. С таким прогнозом больную выписали.

Дома Мария Геннадьевна еле передвигалась, опираясь на костыль. Но в душе у неё теплилась робкая надежда. В клинике она слышала рассказы о «святой воде» из женского Оршина монастыря, что неподалёку от Твери (при впадении реки Орши в Волгу). Одному состоятельному пациенту воду оттуда привозили регулярно флягами, наливали в ванну для купаний. Он и пил её постоянно в сыром виде… Помогла якобы та водица восстановиться больному после похожей операции и осложнений. Онкологи тоже считали, что такое вполне возможно. Их опыт совпадал с утверждением: «Всякое бывает!». А ещё говорили они, если человек не пассивен, а борется за жизнь, то и шансы на окончательное исцеление неизмеримо возрастают.

С помощью близких людей Мария Геннадьевна добралась до монастыря. Здесь участливо отнеслись к измученной болезнью женщине. Приютили, разрешив пожить с паломницами. Сестры помогли и первую свечку поставить в Вознесенском Соборе, и подвели к тем иконам, перед которыми следует молиться, а желательно и поплакать. Пребывание здесь стало для больной временем осмысления своего прошлого и переоценки прежних устремлений и поступков, временем признания своих ошибок (а их оказалось достаточно!) и … покаяния, причем покаяния истового, на коленях перед иконами, и со слезами, которые словно смывали с души липкую черноту…

Превозмогая боль и слабость, Мария Геннадьевна стала ходить и к часовенке Николая Чудотворца, что возле Речной пристани. Умывалась из речки, молилась, босиком ходила по воде… А со временем, когда немного полегчало, и купаться стала, благо погода стояла теплая. В монастыре купания не одобряют, поэтому делала это тайком от сестер.

Совестливая по натуре, Мария Геннадьевна не желала быть в тягость монастырской общине и обременять лишними заботами. Она напросилась помогать по хозяйству, ведь тут – огороды и сад, ферма, пасека, цветники… Но вскоре, видя, что помощница ещё слабенькая, отозвали её с хозработ и поручили, как историку по образованию, знакомить посетителей и паломниц с монастырём, предоставив документы, книги с необходимой информацией.

На долю этой обители, основанной преподобным Савватием в конце XIV века, выпало немало трагических испытаний. В смутное время Тверскую землю почти семь лет (1603–1610 гг.) разоряли и грабили поляки, литовцы и толпы «разбойных людишек». Не мог Оршин монастырь, стоящий на виду, у Волги, уцелеть… Большими трудами самих схимников восстанавливали порушенное. И всё же в конце XIX века обитель пришла в упадок. Спасением для монастыря стало преобразование его в 1903 году в женский. Но в 20–30-е годы последовали притеснения со стороны местных властей, а в начале Великой Отечественной войны обитель снова была разрушена…

Главной святыней здесь была и остаётся по сей день Феодоровская икона Божией Матери. Именно к ней влечёт паломниц и страждущих помощи… Мария Геннадьевна нередко выслушивала откровения людей, и теперь много чего знает об исцелениях, в том числе и неверующих. Только называют здесь эти явления другими словами: «события чудесной помощи Пресвятой Богородицы по молитвам перед Её чудотворным ликом».

Возрождение самой Марии Геннадьевны проходило постепенно. На спад шло воспаление, а при плановом обследовании врачи сообщили, что надобность в повторной операции отпала! Офтальмологи были удивлены: глазной нерв частично восстановился, угроза слепоты стала маловероятна…

Как-то в трапезной Мария Геннадьевна оказалась за столом рядом со студенткой-паломницей из Твери. Увидев у девушки под платком заплетённую косичку, улыбнулась и сказала: «У меня тоже была коса! До операции… А потом наголо побрили…» Так вот и познакомились, а потом подружились. Мария Геннадьевна и моя внучка Алёна. Они частенько прогуливались до пристани, где Мария Геннадьевна купалась. Ходила она ещё неуверенно, головокружения бывали, а вот плавала она, на удивление, хорошо. Однажды пошутила: «вы только не рассказывайте никому, что я плаваю, а то с меня инвалидность снимут!».

Трудный путь исцеления Марии Геннадьевны ещё продолжается. Но теперь-то, осмеливаясь даже подшучивать над собой, она думает о Жизни и радуется каждому её дню. Вот уже несколько лет женщина регулярно приезжает из шумного города в спасительную «глухомань». Словно прикипела душа её к намоленным этим местам. За Волгой, всего в нескольких километрах от монастыря бесконечно гудят автомагистраль М-10 и железная дорога между двух столиц. А здесь – тихо, словно в другом мире, где ход самого времени иной, мысли и чувства иные…

Кого-то сюда, в Оршин монастырь, приводит понятное туристическое любопытство, а кого-то стремление поискать ответы на непростые вопросы бытия. Мария Геннадьевна тоже пыталась понять, что же спровоцировало её болезнь? В клинике слышала: есть причины кармического характера, когда настигает «расплата» за прегрешения предков… Но есть и реальная всё возрастающая агрессивность окружающей среды: воздух, вода, пища, бытовая химия и даже лекарства могут таить угрозу. А постоянные стрессы? В какой-то момент иммунитет уже не может держать в «узде» войско онкоклеток и даёт сбой. Поди, разберись, что тут к чему? А разбираться – надо! Чтобы не опоздать. Ведь что в истории с Жанной Фриске потрясло более всего? Да то, что не помогли ни деньги, ни лечение в современных клиниках США, Израиля и Германии. Врачи делали всё возможное, но … слишком поздно, как оказалось!

А в истории с Марией Геннадьевной, разумеется, не только «святая вода» оказала целительное воздействие. В монастыре – натуральная пища из своего подсобного хозяйства: «живое» молоко и творог, хлеб и овощи, ягоды и травы, мёд… Упорядоченный образ жизни формирует оптимистическое мышление и стрессоустойчивость. Посты и молитвы – своеобразная психотерапия. Да и «эффект плацебо» никто не отменял…

Паломницы, в том числе и моя внучка, отмечали: в первую неделю жизни в обители от тела исходит неприятный запах, бельё пропитывается противным липким потом. Это можно объяснить тем, что идет активное очищение организма от шлаков. И в последующие недели «ароматы» тела меняются в лучшую сторону (кстати, йоги тоже отмечают нечто подобное в своей практике). А это всё – признак оздоровления организма и повышения его защитных сил.

Всяческие изменения в здоровье сестер и паломниц отмечаются в монастырской «летописи». Сестры рассказывают: не раз привозили умирающих женщин в безнадёжном состоянии, но

они каким-то чудом выкарабкивались и жили потом по многу лет. Трудно объяснить эти реальные факты, но если они есть, их надо признать как данность…

В 1998 году монастырь взял на себя заботу о девочках с трудной судьбой. Разные пути приводят их в обитель, иные тут – с самого рождения. И каждая находит здесь свой дом. Они учатся, поют в хоре, рукодельничают, в общем, получают духовное и трудовое воспитание. Бывает, что и замуж выходят за священников. Согласитесь, не каждая девушка захочет (да и сможет ли?) стать «матушкой при батюшке». А монастырское воспитание позволяет сразу без проблем включиться в семейную жизнь на приходе при храме. Такие семьи, как правило, обрастают детьми, иногда даже приёмными. Православие только приветствует это.

Паломниц сюда направляет Свято-Екатерининский монастырь, что в Затверечье (напротив Речного вокзала). Внучка Алёна неделями жила тут, работала и рассказала много нового, интересного. Вот пример. На огородах в окрестностях обители часто встречались змеи. Мать Сергия брала в руки маленьких гадючек, гладила, дышала на них, просила не кусать людей и… отпускала.

И сестер и внучку я спрашивал: не чувствуют ли они себя «оторванными» от цивилизации, обделёнными вниманием общества, находясь здесь? Надо мной лишь посмеивались: какие глупости говорит! Да разве можно в обители скучать или тосковать? Действительно, их существование здесь наполнено и высоким смыслом, и радостями простой жизни. Они не рабыни, не вынужденные затворницы, а свободные люди, и вправе распоряжаться собственной жизнью.

В подарок за работу в монастыре Алена получила роскошно изданную книгу «Вознесенский Оршин монастырь. Страницы истории». Среди множества интересных материалов – редчайшие фотографии, полученные не так давно из фонда библиотеки Конгресса США по запросу Православной церкви. Их сделал в 1910 году царский фотограф Сергей Прокудин-Горский – основатель цветной фотографии в России.

…Когда то в Оршин монастырь от большака вёл разбитый проселок, семь верст по лесным ухабам. Сегодня же среди корабельных сосен водоохранной зоны извивается асфальтовое шоссе. Душа наполняется благодатью, если даже немного походишь тут пешком, к другим Оршинским святыням, где ждут новые, незабываемые встречи.

***

Преподобный Савватий на тверской земле был одним из самых почитаемых старцев. Основав обитель в устье Орши и наладив здесь жизнь монашеской братии, он отправился в паломничество на Святую землю… Сегодня нас изумляет, каково это было на рубеже XIV и XV веков в прямом смысле сходить пешком в «заветные палестины»?

А вернувшись, отошёл на пустынножительство. В шести верстах выше по течению Орши, в лесной чаще, приглядел местечко у родника и стал сооружать «пещерку». Весь инструмент отшельника – топор да лопата, а само «жильё» – землянка с навесом, утеплённым дерниной… И снова удивительно: что это за сверхъестественные резервы у «железных» старцев, чтобы долгими годами выживать по уединённым скитам и землянкам?

На месте бывшей «пещерки» воздвигнут большой молитвенный крест. Рядом с ним – икона с изображением этого самого места. Разумеется – копия, а оригинал, выполненный в XV веке иконописцами Оршина монастыря, находится сегодня в музее имени Андрея Рублева в Москве.

Здесь, у источника освящённой воды, есть колодец, купель. Можно и воды испить, и посидеть в тишине, сколько душа пожелает. Посетителей немного, но они всегда есть. И как-то легко здесь знакомятся, заводят разговоры…

Что в этом месте удивляет в первую очередь? Икона. Она увешана благодарственными крестиками. Мы не знаем, кто оставил их здесь, кто эти люди и что с ними происходит, но можем предположить: они сумели притормозить в жизненной гонке, вовремя спохватились и не опоздали к животворящему источнику.

Здесь снова нужно обратиться к истории. Подвижничество старца Савватия породило последователей «жизни строгой и возвышенной». По их просьбам он основал неподалёку, опять же на берегу Орши, ещё одну обитель. Со временем она разрослась и превратилась в Сретенский монастырь. К сожалению, он был разрушен, до нас дошли лишь фотографии конца XIX века. Но сегодня на этом месте из руин реставрирован небольшой, удивительной красоты, храм в честь иконы Божией Матери «Знамение». Здесь служит отец Андрей. О нём и об этих местах интересно рассказано в №7 «Вестника ЗОЖ» за этот год. Не поленитесь прочитать, найти нетрудно…

Возрождение здешних святынь священник считает делом своей

жизни. Впечатляют истории исцеления людей, которые пользовались водой из местных источников. Известен уникальный случай, когда по советам отца Андрея прихожанин, бывший бизнесмен, излечился от опухоли головного мозга.

Ему, по свидетельству священника, пришлось полностью изменить образ жизни и даже мышления. На такое способен редкий, только очень сильный духом человек.

Один удачливый бизнесмен, человек с двумя высшими образованиями, как-то сказал: «Бизнес, вообще-то, порабощает!» Почему? Трудно даже притормозить, и уже совсем немыслимо бывает остановиться в завлекательной и опасной гонке зарабатывания денег. Их почему-то никогда не бывает достаточно…

Набравшись наглости, я выпытывал: а о какой работе он мог бы только мечтать?

– О синекуре какой-нибудь! Чтоб ничего не давило на тебя ни сверху, ни сбоку, ни снизу. Безмятежная такая деятельность: работай себе, работай и в ус не дуй…

Кажется, я все понял. Бизнес – дело жестокое. У тех, кто живёт в постоянном напряге, в режиме нервно-психических перегрузок, возникает проблема выбора: или очередной миллион и «полный раздрай», или … совсем другая песня. Самым главным остаётся работа человека над собой. Трудно бывает понять, что в тебе не так? Какими грехами навлёк на себя болезнь? Покаяться надо искренне. Труднейшая задача – заставить себя измениться, укротить свои страсти, убрать дурные привычки, пересмотреть своё отношение к окружающим. И молиться, молиться…

Православие определяет сущность человека, как триединство тела, души и Духа. Если удается поддерживать эти составляющие в гармоничном соотношении, то и здоров человек. Церковные обряды, таинства, посты и молитвы направлены на поддержание этого «баланса». Очень важно – творить добро. Ведь сам Господь – прежде всего Творец… Удивительно красив и глубок по смыслу такой постулат: «Творить Добро – делом, словом и мыслью!»

«Бог любит троицу» – говорит народ. Мы с вами говорим. И на ум приходит еще одна триада: Вера, Надежда, Любовь… Это ведь не только женские имена. Это ещё и основные жизненные ориентиры: любить, надеяться, верить. Ну как без всего этого жить?! Закономерен вопрос: неужели случайно совпадение всех упомянутых триад по сакральным смыслам? Вряд ли. Слишком

очевидно дополняют они друг друга в постижении загадок Жизни. Недаром академик Раушенбах, один из разработчиков ещё советской ракетной техники, однажды провел компьютерное исследование самого феномена православной Троицы. Лучшие программисты в полном смысле «поверили алгеброй гармонию». И в результате компьютер выдал математически безупречное уравнение, в котором символически соединились высшее научное знание и гениальные интуитивные догадки православных мыслителей. «Разгадка жизни» (выражение Бориса Пастернака) вновь оказалась недосягаемой, но от этого не потеряла для пытливого ума своей манящей прелести.

Священники всегда советуют чаще употреблять «святую воду», считая её одним из универсальных средств оздоровления. Вынужден сделать пояснение для мрачных скептиков и веселых циников. В наших рассуждениях о воде – никакой мистики! Наука убеждена: энергия молитвы, её «вибрации» способны менять хаотичную структуру воды на молекулярном уровне. Священник и верующий человек в молитвенном трансе гармонизируют её, при этом повышается биологическая активность воды. Например, увеличивается проникающая способность через клеточные мембраны. Проще говоря, такая вода лучше смачивает и насыщает, лучше растворяет токсины и очищает внутреннюю среду организма. «Святая вода» в сыром виде и есть живая вода. Её мощная энергетика срабатывает и при омовениях, обливаниях. Она освежает и взбадривает, закаляет не только организм, но и характер, в конечном итоге укрепляет наш иммунитет.

Существуют отработанные практикой методики употребления активированной воды: кому, сколько и когда. Это гораздо важнее, чем наличие ионов серебра, которые придают воде совсем незначительную бактерицидную активность.

О чрезвычайной важности дробного, «по глоточку», употребления структурированной (наподобие талой) воды вроде бы широко известно от врачей, ведущих программы на ТВ, священников, йогов и просто от наших мудрых бабушек. Однако сплошь и рядом граждане предпочитают при разных недомоганиях – горсть таблеток. И лишь усугубляют такие процессы, как обезвоживание организма, «сгущение крови», нарушение электролитного баланса из-за потери магния и калия… Врачи констатируют: многих катастроф со здоровьем можно было бы избежать, особенно среди сравнительно молодых людей. Случаи

сердечной недостаточности, тромбозы, гипертонические кризы нередко происходят из-за дремучего невежества, лени и упрямства. Именно скептики и циники грешат этим больше всего! Быть деятельно любопытным гораздо дешевле и выгоднее с точки зрения сохранения здоровья, чем бегать по аптекам. Конечно – пользоваться только слухами – этого мало. Спасает точное знание. Вникать желательно, ибо кто стремится понять – тому и откроется. А под лежачий камень даже святая вода не потечёт.

Люди и ситуации бывают разные, потому и действует вода по-разному. Еще не все её тайны раскрыты, и не всё так очевидно, как кажется. А уж резервные возможности человека – и подавно! Но это тема для другого разговора.

В жизни как происходит? Чему-то научит священник, что-то посоветует врач. И нет никакого резона противопоставлять воззрения религии и медицины. У них ведь разные пути познания человека, и разные методы воздействия на него. Познавая свою часть истины, они способны дополнять друг друга на пути постижения загадок жизни, здоровья и исцеления.

Непонятные науке случаи продолжают будоражить умы и воображение людей. Вот что рассказывает Даниил Гранин в своей книге «Человек не отсюда» (Лениздат, 2014 г.). Когда питерские врачи в очередной раз вытащили его с того света, он решил отблагодарить их. Пригласил в ресторан. Душевно поговорили. А когда Гранин отошел к друзьям-литераторам, светила медицины выразили непонимание: как он выжил, если выжить было никак нельзя? Они знали, что писатель воевал на передовой, блокаду пережил, чудом избежал репрессий по «Ленинградскому делу», на старости лет катастрофы со здоровьем были не раз… Главврач знаменитой клиники эту дискуссию подытожил так: «Я могу это объяснить только одним – у него есть ангел-хранитель...» И никто из коллег ему не возразил. Хотя и странно было слышать такое от врачей, Гранин резюмирует: «А почему бы и нет? Что мы знаем о том, чего мы не знаем?»

***

Вот так знакомство с Оршинскими святынями побудило к интересным размышлениям и догадкам, подарив незабываемые впечатления.

Феномен Конюхова

Осенью 2016 года в Тверском госуниверситете по приглашению тогдашнего ректора Андрея Белоцерковского

состоялась встреча студентов и преподавателей с известным путешественником Фёдором Конюховым. Актовый зал заполнился битком…

Молодёжь не церемонилась. Легендарному экстремалу вопросы сыпались предельно острые.

– Ваши рекорды – они ради славы?

– Да какая слава! – возмущался Фёдор Филиппович. – Слава – это гордыня! А в православии она считается одним из тяжких грехов…

Надо здесь пояснить: в молодости Конюхов окончил мореходное училище, и после этого увлёкся путешествиями. А затем отучился в духовной семинарии, ему присвоен сан протоиерея Русской Православной церкви.

Студентов интересовало: почему он стал и профессиональным путешественником, и духовником одновременно? Ответ Фёдора Филипповича будет интересен многим из нас, особенно для молодых людей.

– Господь даёт человеку судьбу… Надо прислушиваться к себе, чтобы осознать своё предназначение. У меня сложилось вот так. Это – моя судьба…

Можно не соглашаться с этим. Не все же верят в существование «судьбы», как некоей константы, или предопределения…

– Почему Вы обычно один? – спрашивали девушки-студентки.

– Если не один, то больше всего боюсь подвергнуть опасности напарника. Это отвлекает от работы, от размышлений… Это мешает мне…

Тут надо пояснить, что Фёдор Филиппович ведёт дневники, а в удобное время пишет картины.

– Вам бывает страшно? – был и такой наивный вопросец.

– Конечно!.. Страхи приходится превозмогать. Я молюсь… А можно и уменьшить страхи за счёт тщательной подготовки… И всё же никогда не знаешь, где тебя ждёт по-настоящему смертельная опасность. Вот я чуть не погиб в Монголии, от укуса клеща, а не в океане на вёсельной лодке…

– А смерти Вы боитесь? – не унимались студенты.

– Вы – молодой, – улыбнулся Фёдор Филиппович, – вот вы и боитесь «того мира». А я чувствую его всегда, как православный человек…

О рекордах Конюхова написано в книгах, в интернете. С научных позиций, не всё понятно в его рискованных экспериментах

над собой. Сам-то он уверяет, что исследует предельные возможности человеческого организма. Вот лишь один пример…

Он пересёк Тихий океан на вёсельной лодке за 160 суток. Это почти 18 тысяч километров. В сутки он делал 24 тысячи гребков вёслами… Как при этом спал? Говорит, что периодически отключался на несколько секунд…

Что-то непостижимое! научного объяснения пока нет. Феномен Конюхова, разумеется, исследуется заинтересованными специалистами, но… о своих догадках они как-то скромно умалчивают.

…Спрашивали гостя университета и о его кругосветном полёте на воздушном шаре, как и чем он питался в те 11 суток?.. Оказалось, что почти никак! Шар с огромной скоростью летел на большой высоте, пилот находился в кислородной маске, снять которую было возможно лишь ненадолго… Поголодать пришлось, конечно. Но в таких «делах» у Фёдора Филипповича большой опыт.

Был в том знаменитом полете один жуткий эпизод: посреди океана вдруг изменилось направление традиционных ветров, на которых и был основан штурманский расчёт. Шар стало уносить в меридиональном направлении, то есть, в сторону Антарктиды. Пустынные ледяные пространства. Верная гибель!.. Конюхов молился. Истово! Надеялся на чудо… И вскоре ветра переменили направление, шар вынесло на прежний курс…

Конюхов не утверждает, что была в этом некая Божья помощь. А вот молитва помогла ему выстоять…

…На той встрече высказался Конюхов и о городе Твери. «Это колыбель наших первых путешественников. В первую очередь, Афанасия Никитина. Я знал о нём с детства… Тверь – красивый православный город, здесь много добрых, хороших людей…»

Будет кстати сказать, что с территории нашей области планировался рекордный подъём на воздушном шаре в стратосферу. Целая команда, в которой и сын его, Оскар, работала над подготовкой. Шар строился в Англии… Но, похоже, из-за различных санкций к России, дело затормозилось…

Вместо этого Конюхов снова отправился в одиночное плавание через океан на какой-то суперлодочке-непотопляйке, оснащённой современнейшими средствами навигации и выживания. Понятно, что были и есть богатые спонсоры, кровно заинтересованные в подобных, извините, авантюрах. Но, … экстремалу все же 70! Он с 1951 года рождения.

При всем уважении к этому человеку, восхищаясь его достижениями, я все же не одобряю его слишком уж рискованные предприятия. Лучше уж – пусть он пишет картины и книги. Пусть почаще встречается с молодёжью. Да разве ж кто остановит его? Сам же сказал про себя: это моя судьба.

В 2018 году в Кремле президент Путин вручил Конюхову орден Почёта. Экзотический был кадр по телевидению: бородатый экстремал, награждение, аплодисменты…

А в заключение этих заметок хочу привести такое высказывание Фёдора Филипповича:

«Я не видел на земле некрасивых мест… Любить надо не только свою Родину, Россию, а и всю Землю-матушку…»

Поклон Балхашу

Вспоминаю Казахстан. Теперь это другая страна, не в Союзе, как раньше, а сама по себе.

Мы служили в местах как будто позабытых Богом, но оказавшихся подходящими для наших военных. Если глянуть на карту – это восточнее знаменитого Байконура, но и западнее засекреченного в ту пору полигона Сары-Шаган.

Нас, несколько солдатиков срочной службы, завезли в эту глухомань после радиотехнической школы под Ленинградом. Зачислили в БАО – батальон аэродромного обслуживания. Про таких служивых, как мы, ещё и поговорки ходили: «лётно-подпрыгивающий состав», «самолётам хвосты заворачивают»...

В первый же день здесь, у казармы, нас ожидало такое зрелище… Из ГАЗика командира батальона извлекли змею, заползшую во время стоянки под сиденье начальства. Её бросили посреди плаца, облили круг бензином и подожгли… Змея металась в огненном кольце, но недолго. Нам объяснили: тут не будут разбираться, опасна она или нет. Заползла куда нельзя…

Переодели нас, вновь прибывших в другую форму. Тут её называли «тропической». Гимнастёрки с короткими рукавами и шляпы с неширокими полями и непременными красными звёздочками. Ну а привычные кирзачи посоветовали после побудки протряхивать: нет ли, случаем, фаланги, а то и скорпиончика.

Климат здесь оказался резко континентальным. Пока не акклиматизировались, жара изнуряла тело и душу. То и дело сновали мы к бочкам с горячим кипятком. Такова была рекомендация: пить понемножку, но почаще.

Повсюду в части пахло карболкой и хлоркой. Остерегались грозных азиатских инфекций.

Вскоре «питерские слюнтяи», как поначалу называли нас здешние «деды», обнаруживали, что сами по себе исчезали привезённые с севера хронические ангины и насморки, а трёхкилометровая утренняя пробежка в сапожищах уже не вызывала одышки…

Первое время страх наводили ночные полёты «сушек» с соседнего аэродрома. Невдалеке от казарм они с рёвом и грохотом шли на взлёт. Воздух, казалось, стекленел и дробился…

А в дневное время, шагая строем в столовую, мы иногда наблюдали, как в нескольких километрах от нас истребители делают боевой разворот и выпускают из-под крыльев ракетки по игрушечным домикам-мишеням. За каждой ракетой оставался красивый шлейф, тающий на ветру. Мудрый старшина разрешал всем приостановиться ненадолго. Он и сам-то любовался зрелищем учебных стрельб... Мы в те годы ещё не знали, что здесь испытывали новейшие ракетные системы, а также опытные образцы пучкового и лазерного оружия. Над полигоном Сары-Шаган витали будоражущие воображение мифы и легенды.

Изумление и жалость вызывали у нас чахлые деревца на территории части. Их ежедневно поливали дефицитной водой, привозимой автоцистернами аж с озера Балхаш. Мечталось побывать там…

И вот, видимо, в целях, «психологической разгрузки» нас наградили возможностью искупаться и позагорать. Как праздника ждали мы того воскресенья.

Запрыгивали в кузова армейских грузовиков со снятыми тентами. Ехали стоя, держась за прочные стойки… Мощные трёхосные вездеходы с пугающей скоростью неслись куда-то по известному водителю азимуту. Никаких дорог и ориентиров тут и в помине не было. Только твёрдая красноватая уже не степь, но ещё и не пустыня…

Знойный, иссушающий ветер – его здесь «афганцем» называли – обдувал наши лица, выжигая слезу. Тянулись вокруг то мелкокаменистые россыпи, то прокалённые солнцем зыбучие пески. Встречались куртинки тускло-зелёной верблюжьей колючки и растрескавшиеся «блюдца» солончаков. …

Наконец, среди пустынных просторов как-то вдруг и открывался он, батюшка Балхаш. Неоглядным и неожиданно-

зелёным морем!.. Восторг и оцепенение вызывало поначалу его величавое зрелище… А потом приводили в изумление золотой песочек, ласковый под босыми ногами, согретая солнцем прозрачнейшая вода. Что-то сказочное было во всей этой простоте природы вокруг…

Офицеры и прапорщики собирались в свой кружок, со своей «скатертью-самобранкой». Эти места для них были обжитыми. А нас, солдатиков-срочников, оставляли под присмотром сержантов, напротив таблички с номером нашей части. Дикие пляжи на этой планете были чётко поделены, так что всем служивым, периодически приезжавшим сюда с огромной округи, досталось своё местечко возле изумрудной воды…

Незабываемы часы благостной «расслабухи» в такие воскресенья. У наших командиров не было секретов, и мне доводилось слышать их разговоры. Вспоминали они свои города, посёлочки и даже деревни. А служили здесь в основном выходцы из центральной и северной России. Рассказывали про обычные, по сути, вещи – рыбалка и охота, грибы-ягоды, покосные дела, забавные обычаи и происшествия…

Трогала меня некая тоскливость в их беседах на золотом песочке. Понятно было: им, людям ещё молодым, несладко здесь приходится. Так ведь места службы не выбирали, а, как говорилось тогда, «куда родина пошлёт»…

Только с годами осозналось, что это и была ностальгия. Да-да, та самая, российская, в существовании которой кто-то ещё сомневается… Те же, кто помыкался на чужбине или в каких «неласковых местах», знают, каковым бывает притяжение родных мест. Когда душа-то не просто тоскует. Она болит… И вовсе не придумана та боль, а вполне реальная, подобная фантомной у потерявшего руку или ногу. И не просто бывает, заглушить её даже водкой. Выговаривать её надо…

…Пишу эти заметки – и мысленный поклон шлю на зелёный Балхаш. В благодарность за миражи дорогих для меня тверских мест, которые чудились в его загадочных просторах. В благодарность за светлую ностальгию, пережитую на его древнем азиатском берегу…

Человеку, пожалуй, нужно это: на всё, знакомое с детства, вглядеться со стороны. Желательно – издалека. Как мы когда-то. Из страны, которая теперь сама по себе. Вроде бы и чужая, да, выходит, что и не совсем…

Предзимье в Бернове

...И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые
И берег, милый для меня.
А.С. Пушкин

Уже давно пролетела над выгоревшими полями осенняя грусть-паутинка. Будто на юг улетела, догонять ушедшее лето. А к нам уже стучится зима.

Заморозки прихватили на «корню» листву, не дав ей налиться чистыми, яркими красками. Осыпался лист с наших ветлин и берёз. Только на яблонях – почерневший и высохший – мотается на ветру.

Ни дождя, ни снега, ни солнца. Застойные, сумеречные текут дни. Грустное, ничем неколебимое равновесие. Предзимье… Мир притих перед бурным событием: перед первым настоящим снегом. А пока – скудная, недельной давности пороша выбелила тропы и просёлки по берегам Тьмы. Пороши не видно в засохшей стерне и в перепаханных с осени полях, и потому кажется, что снег-предвестник лёг лишь по дорогам и стёжкам…

Робкий ледок стоит в заводях Тьмы, в Левитановском омуте. А на перекатах – ещё волнуется сизая рябь да приглушенно, словно обессилев за лето, бурлит тусклая вода.

Не успевшие утонуть, вмёрзли в ледок листья ольхи и рябины. И как латунный пятак среди железок – берёзовый лист, залетевший в речку с яра напротив. Так хорош этот листок во льду, что хочется выломать его вместе с кусочком льда и принести домой. В детстве мы так и делали, на что моя бабушка обычно ворчала: «Только холоду в избу носите!..» Наверное, всегда будет интересно, как диковинку, рассматривать листок во льду – в бурых и чёрных, в красных и зелёных крапинках. Неживой, а всё продолжающий радовать.

Проходит несколько дней, и лёд на речке набирает крепость. И вот настаёт день, когда деревенские ребятишки остаются без обеда. Какой там обед, если по льду можно ходить, бегать и кататься «на сапогах»!.. Лёд хоть и встрескивает жутко, и прогибается под ногами, и сходиться вместе на нём нельзя, ребятня смело лезет на лёд и не уходит до тех пор, пока кто-нибудь не провалится в жгучую воду, достав ногами неглубокое каменистое дно. Тогда уже по всему плёсу пойдут трещины, вода выступит на лёд, и расходиться по домам придётся.

Наступают самые чудесные дни предзимья. Снега ещё нет, а на Тьме – крепкий лёд. Можно катиться на коньках хоть вниз по реке – к Волге, хоть вверх – до самого Денежновского озера. А можно плута́ть по изгибам узких ручьёв-притоков… Здесь, на льду, хорошо встретить поздний вечер: скользя потихоньку по ледяной дороге, светящейся между тёмными берегами, любоваться опрокинутым ковшом Большой Медведицы, из которого льётся в глаза колючий холод звёзд. Видеть жёлтые огоньки деревень… а днём можно выслеживать рыбёшку. Иногда удаётся увидеть, как из-под твоих ног, оставляя за собой фонтанчик мути со дна, срывается с места щука, и тогда сердце сжимается от отчаяния и неутолённого азарта…

Неспешно уходят лучшие дни предзимья. А потом – неожиданно, хотя все и ждут его, – выпадает настоящий снег. От ослепительной белизны ломит в висках. Снег присыпает жёсткую траву, одинокую и спящую. Чёрные зеркала прорубей на Тьме – в белых крапинах, которые видны лишь миг. Вода жадно съедает радостный цвет и свежесть снежинок и сама начинает пахнуть снегом.

Снег присыпает и лёд, и листья во льду. Гаснет под тусклым небом предзимья самый удивительный на свете каток.

IV. Заветные сюжеты

Воронин и Лиза

Золотая осень в Ленинграде. Мы – студенты «политехники».

…А девушка, действительно, была хороша! Почти такой мы её и представляли, когда ехали на Московский вокзал с тем дурацким плакатом, свёрнутым в трубочку. Он гласил: «Лиза из Коктебе́ля! Вас ждут здесь!»

Когда симферопольский поезд подплыл к платформе и толпа приехавших повалила к вокзалу, мы подняли плакатик над головами. Не заметить его было невозможно…

Высокая блондинка в беретике и светлом плаще, перетянутом по талии пояском, с сумочкой через плечо, медленно приближалась, с улыбкой разглядывая наше произведение и каждого из нас, словно бы оценивая: а стоит ли связываться с этими ребятами? Телеграмму-то о своём приезде она подавала Воронину. Нужно было внести ясность в ситуацию, но, пока мы чуть замешкались – конечно же, перед её красотой – девушка

остановилась поблизости и, указав рукою в рыжей перчаточке на плакат, спросила:

– Ну, и что это значит? Вы кто?..

– Здравствуйте, Лиза! – Слегка поклонился ей Алмаз, наш незаменимый говорун и заводила. – Мы здесь по поручению Володи Воронина. Он просил…

– Что с ним?! – Строгим тоном перебила она, хмуро рассматривая нас троих по очереди. – Где он?..

– С ним всё нормально! – Воскликнул Алмаз. – Не волнуйтесь!

При своём-то ростике он обожал высоких девушек и дам, но и слегка робел перед таковыми.

–…Он улетел на Урал! Понадобилось срочно заменить…

– Что-о? – Изумилась она, поправила беретик и золотой локон на плече. – Какой еще Урал?! Я посылала телеграмму…

– Мы получили её, – включился в разговор Бурков, парень самый солидный из нас – с бородкой и неизменным фотоаппаратом «Зенит» на груди. – Володя вынужден был уехать. Подменить музыканта, у того жена должна рожать…

– Кошмар какой-то! – фыркнула Лиза. – Музыканты. Жена…А вы-то причём здесь?

– Мы живём в одной комнате в общежитии, – пояснил тут и я, – Мы друзья с Ворониным!

Получилось это у меня с таким чувством, что она смягчилась и даже улыбнулась. Задумчиво проговорила:

– И что же теперь?.. Хотя можно и без него. Ознакомиться с городом я и сама сумею!

– Лиза, Воронин просил встретить вас и проводить в наш студенческий городок. Это на Лесном проспекте, – растабличил Алмаз.

– Ещё чего! – возмутилась она. – Я – в гостиницу! И это не обсуждается.

– Лизонька, вы не волнуйтесь! – взмолился Бурков. – Пожалуйста! У нас уже всё обговорено. Для вас забито местечко у девушек. Они с финансово-экономического факультета. Это в соседнем корпусе.

– Нет-нет! Я – в гостиницу!..

– А там, может, и мест нет, – заныл Алмаз. – Да и дорого!.. А тут – хорошие девчонки! Они из Белоруссии, они так рады будут…

И тут вдруг Лиза рассмеялась:

– Ну, раз из Белоруссии? Это – аргумент!

– Да-да, с Полесья, – встрял я. – Поживёте у них, а город мы вам покажем. Воронин приедет…

– Лиза, мы будет охранять вас, – довольно мрачно заявил Бурков. – И вообще… Помогать, если что…

– Ну, что ж, – улыбалась она уже приветливо: шалопаи же! – Поехали к вам. На месте разберёмся.

Мы взяли такси у вокзала и рванули на Лесной.

***

Как свидетель и соучастник этих студенческих «безобразий», я буду делать отступления и ремарки по ходу сюжета.

Началась эта история с неделю назад. Когда мы после занятий в «политехе» вернулись в общагу, Воронин, потряхивая телеграммой, полученной у вахтёрши, озадачил нас:

– Приезжает Лизон!.. Выручайте, стариканы! Встретить её надо вам.

– Это та роковая блондинка из Крыма? – поинтересовался Алмаз.

Воронин поморщился: и чего спрашивать, если и так всё известно? Но не обиделся. Пояснил:

– Срочно еду на Урал.

– Встретить-то не проблема, могём! – рассудил наш предусмотрительный татарчонок Алмаз. – Только как ей-то узнать нас?

– Возьмите, вон, на шкафу ватман, – посоветовал Воронин. – Мои старые чертежи. Напишите на обороте, покрупнее, гуашью!..

Он и текст этот, сакраментальный, продиктовал, на который приехавшие с югов посматривали и даже посмеивались. Мы красиво написали, чертёжным шрифтом: «Лиза из Коктебеля! Вас ждут здесь!»

– Что случилось-то, Володя? – спрашивал Бурков.

Воронин доходчиво объяснил: второй состав их диксиленда «сшибает деньгу» по городам Урала. Дело святое… А у парня одного, трубача, жена беременная тут, в Ленинграде. Подменить бы надо его, надолго не задержится…

Тут всё понятно. Но далее надо сказать и о предыстории этих событий.

***

…В августе диксиленд, в составе которого играл и наш «старшой» (на три года), разъезжал с концертами по городкам Черноморского побережья. Пятикурсник Воронин опоздал к

началу учебного года. Вернулся с деньжатами, но какой-то смурый. На вопросы наши, вполне безобидные, мол, каково там было, на югах-то, он, тронув струны своего банджо, дурашливо напел:

Во далёком во Крыму

Шибко нравится ему!..

Вот и поговори с таким! Но вскоре его раскусил наш зажигательный и проницательный Алмазик:

– Вай-вай!.. Да вы, сударь, влюбились!.. Верно? Так ведь?

Воронин, занятый книжкой по истории джаза, и ухом не повел.

– С чего ты взял, Алмазище? – Усомнился Бурков, теребя каштановую шкиперскую бородку.

– Симптомы налицо, – вещал тот. – И самое печальное – всё это похоже на безнадёгу… Я угадал, Володя?

– Ты прав, малыш! – Пришлось тому сознаться. – Шансов у меня никаких. Поэтому замнём это дело!

– Так уж и никаких! Это у тебя-то? – с жаром воскликнул Алмаз. – Музыканты на дороге не валяются!

– Только на диванах, – мрачно вставил Бурков.

А Воронин, полулёжа поперек койки и привалившись с подушкой к стене, отложил свою книжку. Взял лежавшее рядом, на постели, банджо. Тронул струны. Прозвучало несколько томительных аккордов кантри.

– Она другому отдана, – перефразировал он Пушкина, – и будет век ему верна…

– Рассказал бы о ней, – попросил Бурков.

Тут и мы с Алмазом ушки навострили. Чувствуя, что от расспросов не отвертеться, Воронин признался:

– Зовут?.. Лизон. Она – красавица.

Мы ждали продолжения, но Воронин молчал.

– И это всё?! – возмутился Бурков.

Тот вздохнул и рассекретил, как на допросе:

– Натуральная блондинка. Рост – сто восемьдесят.

– Скоко-скоко? – с печальным изумлением произнес Алмаз. – Сто восемьдесят?.. Так у тебя-то и побольше.

– Баскетболистка? – спросил Бурков.

– Волейболом занималась, – уже охотнее отвечал наш «партизан». – Рука крепкая! Может и в ухо съездить, если что…

– Это прекрасно! – одобрил Бурков. – Спортсменка значит…

– Наверное, и комсомолка, – дерзнул предположить и я, рискуя вызвать недовольство старшого. Но тот невозмутимо подтвердил:

– Разумеется! Лизон – секретарь комсомольской организации на факе.

– Филологиня? Историчка? – пристали мы.

– Языки! – ответствовал Воронин кратко и внушительно.

– Ну-у, ребята, – заныл Алмаз, – это же супердевушка. Сокровище! Везёт же некоторым!..

– Везёт-везёт, – пробурчал Воронин. – Именно «некоторым»…

Прозвучало это загадочно, с каким-то намёком на что-то, но тогда мы не обратили на это особого внимания. А ещё, в августе-то, мы и предположить не могли, что через месяц с небольшим познакомимся с Лизон наяву. Более того, почти сразу, все трое влюбимся в неё!.. Искренне и… безнадёжно, ибо будем сознавать: самой Судьбой эта девушка более всего подходит для нашего старшего друга, с которым нам посчастливилось проживать в одной комнате общежития. Мы-то были ещё салаги, а он-то, пятикурсник, нештатный музыкант известного в Питере диксиленда, кандидат в основной состав после окончания «Политеха». Идти в инженеры Воронин никогда и не помышлял. Закончить «серьёзный» вуз его заставлял строгий отец-полковник, служивший в охране атомной станции в Сосновом Бору. Тот не считал возможным для своего сына делать профессией увлечение «легчайшей», как он выражался, музыкой. Но сынок-то «тихой сапой» шёл к своей цели, и уже частенько подменял штатных музыкантов в популярном диксиленде Вадима Корженевского. И уж с превеликим удовольствием уезжал с этим коллективом в летние гастроли по разным регионам России. Прекрасное было время, чтобы и подзаработать, и набраться новых впечатлений. А во время минувших гастролей по городкам Черноморского побережья Воронин и познакомился с Лизой…

***

Август, славный городок Феодосия. Городской сад… В антракте первого здесь концерта к открытой эстраде подошла с цветочками яркая высокая блондинка, излучавшая нежность юной богини, упругую силу гимнастки и еще нечто, завораживающее мужчин просто «наотмашь». Про таких созданий говорят: «Глаз не отвести!..»

Руководитель оркестра Вадим Сергеевич Корженевский – румяный очкарик в роли контрабасиста – по привычке зорко посматривал за реакцией публики, и уж сразу приметил направлявшуюся к сцене девушку. Как-то естественно, вместе со

своим громоздким инструментом, он оказался у края помоста и принял от белокурой богини букетик алых крымских цикламенов. И не только! Не зря он имел веселое прозвище Коржик-Невский, ибо не терялся в любой обстановке. Он и тут изловчился с чувством расцеловать красавице аж обе ручки. Потом что-то забубнил ей тихонько, и она засмеялась.

Воронин, стоя рядом с ними, только что закончил выводить соло по мотивам Бенни Гудмана, и поправлял мундштук кларнета. Переглянулся с девушкой, и дурашливо пропищал ей музыкальную фразу из репертуара «Битлов». А та вдруг… подпела! По-английски! С явным знанием этого шлягера. Коржик-Невский среагировал мгновенно:

– Спойте с нами!.. Давайте-давайте! – он подхватил девушку под руку и вывел на приземистую сцену, приговаривая: – Вижу-вижу, у вас есть опыт выступлений!..

И Воронин закивал ей подбодряюще.

– Как зовут-то вас, милая? – спрашивал шеф.

– Лиза, – сообщила она, немного ошарашенная таким натиском.

Они снова встретились с Ворониным взглядами, и тут – как оно и бывает, и не только в Крыму, а и вообще-то на планете Земля – некая «искра» пробила пространство между молодым людьми… Вполне возможно, что в этот момент что-то и возникло у них там, в лабиринтах чувств – труднообъяснимое, но реально ощутимое…

Вадим Сергеевич быстренько переговорил с нею, потом с ребятами. Привычно сготовились, настроились, и… грянул битловский хит. Публика, наблюдавшая за всем этим «безобразием», зааплодировала, засвистела…

Лиза – нечаянная находка и радость музбанды – вполне уверенно с явным знанием английского вывела и довела до конца задушевную песенку.

В славном приморском городке умели ценить своих героев. Аплодисменты и шум были такими, что Лиза, торопливо откланявшись, спряталась за кулисами… Она отдыхала в служебной каморке и обмахивалась газеткой с диковинным названием «Курортные новости». Было жарковато…

Обнаружив её здесь, Воронин раздухарился и дерзнул обратиться напрямик: пан или пропал!..

– Мадмуазель Елизавета! Вы позволите?..

– Что вам, сударь, угодно? – подыграла она его шутливому тону.

– Я давно мечтаю посмотреть памятник Айвазовскому…

– Так в чём же дело? – она пристально взглянула на него.

– Да всё никак!.. К тому же я боюсь заблудиться в переулках Феодосии. Не могли бы вы стать путеводительницей?..

– Как бы вашей Одигитрией? – сыронизировала она.

– Хотя бы и так! Я был бы просто счастлив! – Тут Воронин приложил руку к сердцу и слегка поклонился.

Лиза выслушала всё внимательно, слегка склонив головку набок. Снова помахала газеткой, как веером, и проговорила как-то рассеянно, думая о чём-то своём.

– Я, пожалуй, соглашусь, если вы будете вести себя прилично…

Они и не заметили, как в дверном проёме возник Коржик-Невский. Он, оказалось, слышал их последние фразы, и весело воскликнул:

– Лизонька! Я могу поручиться за этого… Он вполне благовоспитанный мальчик! Не мерзавец, не злодей!..

– Благодарю вас, шеф! Весьма польщён! – Поклонился ему Воронин.

– К тому же это наш «многостаночник», – приплёл Корженевский ни к селу, ни к городу. – Владеет тремя инструментами…

Но девушка неожиданно заинтересовалась:

– Какими же?

- Какими? О-о! – шеф воздел руки. – Труба-альт, кларнет! А уж банджо – это его конёк…

Лиза, глядя на них, посмеивалась.

– Я буду петь вам серенады! – торжественно заявил Воронин.

– Не надо серенад! – игриво махнула она ручкой. – Я согласна на простенький романс… На стихи, к примеру, нашего поэта Волошина.

Вадим Сергеевич нахмурился, припоминая что-то:

– Волошина? Мы мало знаем о нем. А слышать – слышали…

– Он долго был под запретом, – пояснила Лиза. – Его и сейчас-то не очень жалуют…

– Почему это? – заинтересовался Воронин. – И кто же?

– Издатели. Идеологи… Правда жизни в его стихах, особенно о Гражданской войне, революции – она как кинжал…

– Очень интересно, Лизонька! – встрепенулся Вадим Сергеевич. – Поясните вашу гиперболу…

– Да всё просто: режет в обе стороны.

– Кажется, я понимаю, – изрёк он. – И всё же странно, странно. Вроде бы гласность у нас. Демократия…

Но дискуссия на этом и увяла. Не до неё было в тот благостный вечер у моря Чёрного…

…После концерта Воронин и Лиза уже гуляли по кромке прибоя. У дома-музея Ивана Айвазовского остановились. В прозрачных сумерках, с высокого постамента бронзовый художник, слегка откинувшись в кресле, словно любовался морем – главным героем своих знаменитых картин. И как бы тоже прислушивался к разговорам гуляющих курортников и к тому, как музыкант из Ленинграда под бренчание на банджо напевает своей спутнице какую-то романтическую дребедень:

В тихом и далёком океане,
Где-то возле Огненной Земли
Плавают в сиреневом тумане
Синие большие корабли…

Воронин опустил было инструмент, но вокруг послышались аплодисменты и возгласы:

– Ещё! Спойте ещё!..

Ну, он и добавил куплетик:

Водят их слепые капитаны,
Где-то утонувшие давно.
Тихие большие караваны
Утром опускаются на дно…

Лиза в тот вечер рассказывала о здешней жизни, довольно взбалмошной, которая к зиме замирает. А еще и поделилась:

– Я никогда не была в Ленинграде. У меня там абсолютно никого!.. А мне хочется и в Эрмитаж, и на Исаакий слазить…

– Да приезжайте, Лиза. Мы с друзьями составим компанию вам. Покажем город, время сэкономите…

Узнал Воронин от неё, что неподалёку отсюда, на вершине горы Кучук-Янышар находится могила Максимилиана Волошина. Как-то вдруг они с Лизой и порешили завтра же, днём, сходить туда. Договорились встретиться в посёлке Коктебель, где она жила с родителями. Было уже поздно, Воронин усадил её в такси, и Лиза уехала домой.

***

Проживали музыканты в гостинице, в центре Феодосии. Наутро Корженевский озабоченно сообщил Воронину, что директор горсада наговорил ему «всякого разного». Лизу-то здесь,

оказывается, считают «почти невестой» местного авторитета. Тот ухаживал за девушкой, дружил с её родителями, и даже иногда обеспечивал Лизе от себя негласную охрану. Здесь, на побережье, мужчина имел строительный бизнес – возводил гостиницы, автокемпинги и другие объекты. Он был женат, имел ребёнка. Говорили, что ради Лизы он готов развестись… Узнав об этом, Воронин спросил у Вадима Сергеевича:

– Что значит «почти невеста»?..

– Не знаю, старичок! – развел тот руками. – Мне так растабличили…

– Вот-те раз! А мы собирались на гору сходить, к могиле Волошина. Лиза много интересного рассказывала…

– Так и сходите! – одобрил шеф. – До вечера далеко. Ты только поосторожнее с Лизой, лишнего не позволяй. Понятно? Она – сам видишь, богиня у нас!..

– Да-да, богиня, – согласился Воронин. – А точнее – принцесса! Вы знаете, эти места – восточный Крым – назывались Киммерией. Здесь то ли ханство было, то ли царство небольшое. Предки Лизы оттуда, из древности…

– Забавно!.. А что?! – засмеялся шеф. – Давай и наречём её принцессой Киммерии! Звучит?.. Сценический псевдоним, так сказать! Наша Лизонька – принцесса Киммерии!

– Пущай так!.. – Согласился Воронин.

***

…До вечернего концерта день был свободен. Воронин доехал на такси до дома-музея в Коктебеле. Культобъект был закрыт из-за аварии на водопроводе, о чём гласило объявление на воротах ограды.

Лиза, улыбаясь ещё издали, подошла мягкой, кошачьей походкой. Она была в шляпе с полями от солнца, в розовых очках-фарах. А её стройная фигура в слегка облегающем спортивном костюме вызвала у Воронина усиленное сердцебиение. Лиза, конечно, отметила произведённое на него впечатление, и ласково сказала:

– Приветик!..

Они спустились к полосе прибоя, чтобы поискать камешки попричудливее. Таков был здешний обычай: приносить их к могиле художника и при этом загадывать какое-нибудь желание… Воронин подобрал кварцевый полупрозрачный окатыш, и тут же, заранее решил: загадает, чтобы Лиза когда-нибудь приехала в Ленинград…

Потом они километра два шли в пологий подъем среди ковылей и жесткой травы, выгоревшей на солнце. Лиза рассказывала, что свой дом у моря Волошин выстроил в виде некоего корабля – с палубой и капитанским мостиком на крыше. Поэт и художник превратил его в бесплатную гостиницу для людей искусств. Многочисленные друзья отдыхали здесь и развлекались, называя себя «племенем обормотов». Чтобы выживать, Макс продавал свои акварели. Он стремился превратить жизнь здесь в непрекращающийся праздник.

– Он что, масоном был? – спросил Воронин.

Лиза удивилась:

– Не похоже. А почему ты масонов вспомнил?

– Так это у них такой принцип был: жизнь – нескончаемый праздник. При полном блаженстве души…

– Да? Интересно… Нет, здесь люди находили радость в общении. Знаешь, психологи назвали бы Волошина человеком сильного «социального интеллекта». Есть такой термин… С подобными людьми нам легко, весело, можно подурачиться…

– «Социальный интеллект», говоришь?

– Да-да. Они умеют ладить со всеми. Вот и Волошин: его ведь не расстреляли ни белые, ни красные… Хотя он укрывал и тех и других. Это совершенно поразительный факт!..

– Он был миротворец? «Над схваткой»?

– Пожалуй, так. У него даже есть такие строчки в стихах: «Я делал всё, чтоб братьям помешать Себя губить, друг друга истреблять…»

…На вершине горы Кучук-Янышар плашмя лежала красноватая полированная плита. Разноцветные камешки, принесенные паломниками и туристами, – и на плите, и россыпями вокруг неё…

Отсюда, сверху, далеко было видно вдоль побережья Коктебельского залива. Дома, зелень садов… Пейзаж завораживал и наводил на мысли о вечном.

– Володя, сыграй что-нибудь. Хочется погрустить немного…

– Погрустить? – удивился он, и передвинул банджо на широкой ленте из-за плеча на грудь.

Он тихонько перебирал струны. Несколько минут они, отойдя чуть в сторону, наблюдали, как туристы подходят к сакральному месту и оставляют камешки возле плиты.

– Что это за музыка? – спросила Лиза. – У меня даже сердце щемит…

– Это из негритянских напевов… Песни рабов с табачных плантаций на Кубе…

Тягучие, томительные звуки напоминали стенания отчаявшихся, неизбывную тоску потерявших всякую надежду…

– Странно: не могу понять, почему мне так нравится этот инструмент. Даже больше, чем гитара. Хотя и та хороша, по-своему…

– А я тоже, – признался Воронин, – влюбился в банджо неожиданно совсем! Начинал-то, в детстве, с клавишных, потом духовыми увлёкся. А теперь вот – это…

…На обратном пути вниз по склону Воронину показалось нечто странное в поведении двух парней в спортивных костюмчиках. Он и ранее видел их, но лишь мельком, даже внимания не обратил: мало ли тут гуляющих!.. А теперь вот снова приметил их, причём опять в отдалении, но в зоне видимости… Заметив его беспокойство, Лиза сказала:

– Да не обращай внимания! Пастухи!..

– Кто это?! Слежка, что ли?

– Ну, слежка не слежка, а…присмотр! Как бы чего не вышло! Как бы кто маленькую Лизу не обидел! Это мой ухажёр своих каратистов прислал…

– Ахмад, что ли? А как они узнали, что мы на гору пойдём?

Лиза на это усмехнулась недобро:

– Значит, стуканул кто-то! Я догадываюсь кто…Да ладно уж!

– Тебя не обижает такое?

– Ничуть! Привыкла. Даже спокойнее как-то…

…Воронин, то и дело посматривая сбоку на Лизу, ощущал, что она всё больше нравится ему. С ней, наверное, даже молчать было бы не в тягость. Оглянувшись на парней, которые отошли в сторону от тропы и присели на камни, вроде как бы покурить, Лиза сказала:

– Хорошо хоть, что не назойливы! А то я скандал бы учинила!..

– Кому? Ахмаду? А с чего он так беспокоится? Было чего «такое»?..

– Да он больше нафантазировал!..

…В Коктебеле они расстались. У Лизы были дела по дому и на усадьбе у родителей. А у Воронина предстояло вечернее выступление на танцплощадке в горсаду Феодосии. Только добрался туда – узнал новость: завтра всем коллективом они

уезжают в Ялту. Корженевскому удалось договориться с тамошним отделом культуры насчет нескольких концертов. Воронин опечалился. Не хотелось расставаться с Лизой. А присутствие где-то почти мифического Ахмад-джана его как-то и не заботило.

Но, как же теперь быть? Как сообщить Лизе о завтрашнем отъезде?.. Выручил парнишка, ученик местной музыкальной школы, который вертелся возле музыкантов. Он знал Лизу, и не сомневался, что сможет найти её в посёлке Коктебель. Воронин вручил ему записку и аванс на несколько порций мороженого. И гонец, вполне счастливый, улетел!..

Но успокоиться на этом Воронин так и не смог. Ворочался ночью, вздыхал, отчего даже коллеги спрашивали: «Ты чего? Заболел?..»

…Автобус, обыкновенный ПАЗик, подали к гостинице заранее. Музыканты не спеша грузили свои манатки.

Лиза – пришла. Строгая какая-то, даже не отреагировала на шутливые комплименты пробегавшего мимо Корженевского.

– Что это за цветы, Лиза? – спросил Воронин, указывая на сухоцветы за оградой. – Они похожи на серебряные монеты…

– Это лунáрия. Любимые цветы Волошина. Он даже венок сонетов назвал этим именем, по латыни…

Он спрашивал, что такое «венок», сколько там стихотворений. Она рассказывала монотонно, а он её не слышал. Он впал в прострацию и тоску. Когда же Лиза закончила объяснять, он механически отметил:

– Фантастика!..

Лиза искоса смотрела на него, а потом вдруг тихонько спросила:

– Воронин, ты не хочешь поцеловать меня?

У него перехватило дыхание, щёки обдало жаром.

– Хочу!.. А как же с этими? – кивнул он в сторону гостиницы, перед которой на лавочках сидели разные люди. – Я не понимаю…

– А я понимаю! Пошли за автобус, спрячемся!

Они отошли, и она сразу обняла его за шею. Руки были горячие! Он обнял её за талию, прижал к себе…Они целовались, прижмурившись и молча. Снова и снова… Потом она отстранилась и пробормотала:

– А я не боюсь их, если увидят! Пусть знают, что ты не приставал ко мне, это я сама!..

Музыканты тем временем уже погрузились, и от автобуса крикнули:

– Воронин, ты где? Через десять минут отъезжаем!..

– Слышу! – крикнул он в ответ. Снова обнял Лизу, прижал к себе и почти простонал: – Ли-иза!..

– Ну что? – жалостливо спросила она.

– За что мне такое наказание?

– Какое?

– Я, кажется, люблю тебя.

– Креститься надо, если кажется! – засмеялась она.

– Ты загадала что-нибудь на камешек? Там, наверху?..

– Загадала. А ты?

– Загадал!

– Давай не будем пока рассекречивать, – предложила она.

– Давай, – согласился он. – Чтоб не сглазить… Ты приедешь в Ленинград?

– Не знаю… Если получится взять отгулы за работу на виноградниках…

– Лиза, можно нескромный вопрос?

– Спрашивай, – недовольно пожала она плечиком.

– Ты собиралась замуж?..

– Уже насплетничали?!

– Разведка доложила!

– Догадываюсь, какая! Не знаю, что там будет! Один Бог знает…

– Воронин! – крикнули уже из автобуса. – Ты остаешься?..

Они с трудом разомкнули руки, и ему подумалось вдруг, что вот, может, счастье своё он сейчас теряет. Вдруг уже и не свидятся никогда?..

***

По приезде в Ялту музыканты разместились в гостинице, а вечером немного поиграли на летней сцене. Как бы для рекламы завтрашнего, уже платного, выступления.

А на другой день, с утра, Воронина разыскала в гостинице роскошная дама средних лет в строгом офисном костюме. Представилась заместителем генерального директора фирмы с мудрёным названием, в котором Воронин чётко усёк лишь это: «стройкомплект». Дама пояснила также, что занимается работой с персоналом и общественными связями…

Ему сделалось тревожно: «И чего вдруг?!» Уж не из-за Лизы ли всё это?

– Владимир, нам нужно поговорить. Вопрос деликатный.

Давайте присядем в холле… Итак, вы общаетесь с Лизой?

– Вы знаете её? – удивился он.

– Мы должны знать всё! Я работаю с Ахмадом Руслановичем. Вы не знакомы с ним?.. Но, наверное, слышали. Мне придётся быть предельно откровенной.

Воронин опустил голову и молчал. Его тревожные предчувствия сбывались.

–…Ахмад-джан с детства влюблён в эту девочку. Он дружит с её родителями, помогает им с жильём… Вы, Владимир, как разумный человек, должны уяснить ситуацию. Вы, видимо, сами того не желая, вторгаетесь в давно сложившиеся отношения. Более того, вы ставите под угрозу счастье Лизочки…

– Как это? – опешил он. – Я ничего плохого не совершал!..

– Не успели, – с нажимом произнесла дама. – Мы пока ни в чём вас не обвиняем! Не обижайтесь, пожалуйста. Мы хотим лишь предостеречь вас от необдуманных поступков, которые могут повлечь…

Тут она запнулась, но ему намёк был понятен. Он промямлил:

– Что же вы хотите?

– Мы просим вас, Владимир, хотя бы на время исчезнуть из поля её зрения. У неё, если и есть что-то к вам, – так это мимолетно! Вы и знакомы-то всего несколько дней. Верно?..

Он кивнул, соглашаясь.

– Очень хорошо! – вещала дама уже ласково, по-матерински почти. – У неё быстро всё перегорит… Не искушайте судьбу, Володя! Вы всё понимаете?

– Да-да, я понимаю…

Казалось, разговор заканчивается. Но… впереди его ждал самый сокрушительный вопрос.

– Будьте откровенны со мной! Я в матери вам гожусь. Вы обещаете быть честным? Я задам вам последний вопрос.

– Да-да, обещаю! Спрашивайте…

– У вас с Лизой были… интимные отношения? – Она впилась в него требовательным взглядом.

– Нет-нет! – чуть не вскричал он и даже привстал в кресле. – Что вы! Ничего не было!.. Честное слово.

– Что же, я поверю вам. Тем лучше, для вас обоих…

Ему показалось, что в последовавшей паузе может таиться угроза.

– Очень хорошо, – подытожила она.

– Теперь и у меня к вам вопрос, – встрепенулся Воронин, как после гипноза.

– Я слушаю вас, Владимир.

– Лиза хотела приехать в Ленинград. Просто на экскурсию. Что же теперь?..

– Пусть едет! Мы не можем ограничивать её свободу!.. Мы только вправе надеяться на ваш здравый смысл! После нашего разговора… Вы понимаете меня?

– Вполне!..

…На том и расстались. День прошёл как в лёгком тумане. Всё делал автоматически, хотелось спать. На душе было пусто, противненько. Корженевский, заметив его состояние, освободил от сольных партий. Кое-как Воронин отработал в концерте.

***

На следующий день, снова не выспавшись, Воронин направился в городскую библиотеку. Попросил томик стихов Волошина, пояснив:

– Я недавно из Коктебеля, наслышан о нём… Можно у вас тут посидеть с полчасика, почитаю?

– Да сколько угодно, молодой человек! Как вас записать, в карточку посетителя?

Принесли толстенький томик, с рисунками автора. Воронин стал просматривать вступительную статью, потом оглавление книги.

– Владимир, а вы ведь музыкант? Из Ленинграда… Мы вчера немного послушали вашу группу. Нам очень понравилось!..

Воронин рассеянно знакомился со стихами. А в душу вдруг проникло последнее в книге – «Владимирская Богоматерь». Поэт говорит:

Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом…

Обратил внимание: 25 марта 1929, Коктебель. Как-то отключился от реальности, вчитываясь в пышущие страстями и болью строки. И даже шептал, повторяя вот это:

Здесь в Успенском – в сердце стен кремлёвых,
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнилось светлою слезой!..

Он задумался, потирая виски. Посмотрел на библиотекаршу. Она встрепенулась:

– Вы что-то хотели спросить?

– Да, хотел. Нет ли у вас альбома о Третьяковской галерее?

– Конечно, есть! Принести?..

– Если можно…

В примечаниях к стихам он высмотрел, что «Владимирская Богоматерь» – это византийская икона XI века, с древних времён воспринималась как национальная святыня, хранится в Третьяковской галерее…

Принесли роскошный альбом. В нём, конечно, была цветная репродукция иконы…Воронин рассматривал печальный лик, и видел не только его, но и черты Лизы где-то рядом. Наваждение, совмещение двух лиц… Было непонятно и грустно…

– Заходите ещё, Владимир! – сказали ему на прощанье.

– Спасибо! Может быть, зайду…

***

В последнюю ялтинскую ночь, перед отъездом в Ленинград, ему приснился кошмар. Он закричал, разбудив соседей по номеру, и проснулся, с ужасом припоминая…

Снился автобус, тот самый ПАЗик, на котором они приехали из Феодосии. Пусто… А в проходе, на ковре, восседает в чалме, в позе «Лотоса», чернобородый амбал. Он грозен не только мощью оголённого торса. Это, конечно, Ахмад, и он держит в правой руке кобру: сжимает её за шею, змея шипит, извивается!.. Ахмад молчит и сверлит Воронина тёмным глазом. Он правитель ханства в Киммерии, и все называют его Ахмад-шахом. Он может отпустить кобру, и она бросится на Воронина… Тот в ужасе кричит:

– Не надо! Не надо!..

– Что с тобой? Попей воды!.. – говорят ему.

Успокоившись немного, он отворачивается к стенке и… вспоминает репродукцию иконы. Богоматерь смотрит ему в душу и что-то хочет сказать. Лик её туманится, и на его месте проступают черты Лизы. Он уже в полусне размышляет о поразивших его строчках:

«Сколько глаз жестоких и суровых» – это про Ахмад-шаха сказано.

«Умилясь на нежный облик Твой» – это про Лизу, про Лизоньку.

«Увлажнилось…слезою» – это про меня, про меня. – У меня и подушка мокрая, под щекою. Это, кажется, я пла́чу? Почему мокро на подушке?.. Как всё спуталось! Надо ехать в Ленинград. Уже пора ехать. Но надо поспать…

***

Воронин возвращается из Крыма в Ленинград. Его alma mater, Политехнический институт, – как мачеха. С трудом втягивается в учёбу. Крымские впечатления пока более тяготят, чем радуют. Он часто думает о Лизе. Даже сочиняет мысленно письмо ей. Но выходит нечто невнятное, путаное: о чём это он?! К тому же Ахмад-шах вспоминается, зловещий клоун какой-то со своей шипящей коброй!.. Дама ялтинская словно пальчиком пригрозить хочет, на котором остро взблескивает бриллиантик в перстеньке… Опять пусто и противненько делается на душе, и ни к какому письму руки уже не лежат…

Через несколько дней ему становится легче. Как-то равнодушнее ко всему, что было, что будет… «Пусть всё катится своим чередом!» - думает Воронин. И уже не ранят и приставания ребят: какая она да какая?.. Рассказал немного, чтоб отстали!.. А отвлечься помогла, неожиданно совсем, девушка из их группы. Как-то погуляли с ней вечером по городу. Никакие страсти не бушевали ни в нём, ни в ней. Просто встретились два одиночества… Спокойно, по-дружески общаясь, словно «зализывали» оба свои душевные раны… Пока по-дружески. Но молодость и неизбежный «бунт кровей» обещал им, как сказано у Бунина, «Солнечный удар». Он и случился! Он и повторился!.. И как-то спокойно и без взаимных претензий сошёл «на ноль» – без обид и сожалений. Такое бывает, если мы вспоминаем о «причудах любви».

Воронин изменился. Знакомые отмечали, что он стал тихим каким-то. Словно опустошённая душа его в те дни и недели взыскала к миру об утешении… И вот, когда, кажется, всё отгорело и зарубцевалось, и даже Богоматерь с проступающими в её лике чертами Лизы позабываться стала, пришла телеграмма из Крыма. От Лизы!.. Выезжает Симферопольским поездом. Вагон шестой…

Шоковое состояние развилось у него постепенно, как воспаление после гриппа. Нам-то он поначалу не сказал ничего. Ходил, молчал, обдумывал что-то. А когда принял окончательное решение, сразу успокоился, стал деловым и даже ироничным. Тогда-то он и обрушил на наши головы новости про Лизон и про свой срочный отъезд на Урал…

Ну а мы, как верные друзья-однополчане, должны были не только встретить белокурую красавицу, но и всячески помочь ей – обеспечить сносное существование в студгородке, увлечь культурной программой, охранять, водить в кафе и рестораны, а не только в столовую посреди наших общежитских корпусов.

-– И не жадничайте! – по сути приказал он, выложив на круглый наш стол приличную сумму денег.

…Вот тогда-то мы, с весёлыми шуточками, и рисовали тот замечательный плакат, на который приехавшие с юга улыбались и даже посмеивались:

«Лиза из Коктебеля! Вас ждут здесь!»

***

…Далее мне хотелось сделать небольшое отступление на тему «Вахтёры и время». Согласен, что словосочетание необычно, даже не слыханно! Однако, тут есть и своя логика, и свой резон…

В те советские времена, в чём-то и благословенные для нас, в студгородке на Лесном царили свобода и демократия. Так, в пятиэтажках общаг даже пропусков обычно не проверяли. Вахтёрами служили тётушки разных лет. В их обязанности входило «сидеть на телефоне», присматривать за почтой, приносимой курьерами. Они поливали цветочки на подоконнике, читали газеты и журналы. Очень популярным среди них было вязание, причём иногда они демонстрировали и нам потрясавшие воображение шедевры рукоделия… Частенько вахтёрши вели задушевные или воспитательные беседы с припозднившимися или поддатенькими жильцами. А могли и приструнить «безобразника»:

– А вот сейчас милицию вызову! Ишь, разошёлся тут!.. А ну, марш спать в свою каморку!..

Любезно относились они к гостям общежитий. Не придирались, справедливо считая: кто пригласил – тот пусть и порядок обеспечивает. Приличного человека они своим намётанным глазом определяли мгновенно…

***

…Пристраивать Лизу на житьё-бытьё в этих благословенных стенах отправился наш незаменимый в деликатных ситуациях товарищ – Алмаз. У него сразу сложились с ней дружеские и даже доверительные отношения. Лиза не могла проигнорировать его восторженные взгляды снизу на её величественные сто восемьдесят…

Девушки из Белоруссии, занимавшие три комнаты подряд на верхнем этаже, были рады принять у себя на несколько дней гостью из Крыма. И даже предложили на выбор несколько пустующих коек с комплектами чистого белья.

Выполнив «партийное» поручение, Алмаз вернулся чем-то озабоченным.

– Да-а, ребята! Поговорил я с ней… Так вот, отложила она своё замужество.

– Да ну! – удивился Бурков. – Значит, по боку того авторитета? Помните, Воронин говорил?.. Может, случилось что?

– Случилось! – согласился Алмаз. – Думаете, зачем она в Питер прикатила? По музеям шастать?.. Как бы не так! К Воронину она прикатила! Сечёте, ребята?.. Втрескалась девка!..

– Так и что? И прекрасно! – проворчал Бурков. – Что тут особенного?

Тут мы припомнили всё, сказанное Ворониным вскользь. Вернувшись из Крыма, он обронил как-то: «Шансов у меня никаких…» А ещё – «Она другому отдана…» Похоже было, что и он основательно втрескался в крымчанку… Но заморачиваться на своих догадках мы не стали. Наоборот, приезд Лизы воодушевил нас. Все последующие дни мы жили как в лёгком радостном угаре. Ну разве ж не закипит молодая кровь, не забурлят чувства при общении с такой красавицей, умницей… И вообще!..

Выполняя наказ «старшого», мы по очереди знакомили Лизоньку с Ленинградом.

***

Первым выполнять эту миссию, конечно же, взялся Алмаз, бесцеремонно «оттеснив» Буркова одной фразой:

– У тебя борода не прибрана!

– Как это? – опешил тот.

– Как-как! Клочковатая! В парикмахерскую надо бы! В салон красоты!..

– Мерзавец! – улыбнулся тот, поглаживая бородку, вполне приличную.

…Алмаз и Лиза поехали к Исаакиевскому собору. Отстояв очередь, вошли внутрь…Осматривая маятник Фуко, убедились: матушка-Земля, что бы ни говорили злые языки, всё же вертится вокруг своей оси… По винтовой каменной лестнице поднялись на смотровую площадку возле круговой колоннады. С высоты птичьего полёта обозрели крыши и осенние краски бывшей имперской столицы… Сходили и на Сенатскую площадь, к памятнику Петру Первому. Лизе оказалось интересным, что постамент под бронзовым императором имеет имя собственное – Гром-камень… Отойдя к гостинице «Астория», бывшей «Англитэр», где погиб Есенин, Лиза немного почитала его стихи. Алмаз поддержал её, а потом заявил:

– А хочешь, я тебе про Исаакий? Всего четыре строки. Но это уже не Есенин…

Они остановились, и он продекламировал, как заправский артист, даже прохожие приостановились, послушали:

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой…

– Алмазик! – изумилась она. – Откуда это у тебя?! Как прекрасно!..

– Это Фёдор Тютчев, 1844-й год!.. Я в школьные годы побеждал в конкурсах чтецов! Классику читал…

– А я это как-то упустила… «Во мгле морозного тумана, - повторяла она зачарованно, – Светился купол золотой». Боже! Как сказано! И без всякой архаики… Спасибо, ты – молодец!..

Алмаз снова поёжился, словно между лопаток у него ощутилось шевеление прорезавшихся крылышек… Окрылённый похвалой Лизы, он уговорил её зайти в знаменитое кафе «Нева», что возле Пассажа. Решил, что надо тратить деньги, оставленные Ворониным именно для этого. Угостились «Шампанским» с мороженым. Да и не только этим…

***

На следующий день выпало уже мне знакомить Лизу с историческим центром города. На 23-ем трамвае доехали до Невского, сошли на углу его и Литейного, и отправились пешочком в сторону Адмиралтейства… Свернули направо, под Арку Главного штаба и вышли на Дворцовую площадь… Вот и Зимний. Но посещение Эрмитажа было у нас запланировано на другой день и с Бурковым, который намеревался делать там серию фотоснимков…

Меня позабавило, что Лизу, как магнитом, тянуло на стрелку Васильевского острова, к тем огромным гранитным шарам, которые запечатлены в альбомах и на открытках. Посмеиваясь, она рассказала, что с детства мечтала потрогать эти шары и убедиться, что установлены они прочно, скатиться в Неву и утонуть никак не могут…

Ну, что ж? Дошли, потрогали, убедились!

Потом, извилистыми путями добрались в Петропавловскую крепость. Помолчали над усыпальницей российских царей… Окончательно уморившись, вернулись в общагу. Надо было хорошенько отдохнуть перед важным вечерним мероприятием.

Именно сегодня, по графику от дирекции кафе «Ровесник», должен был играть диксиленд Вадима Корженевского. Это заведение, известное в городе под прозвищем «Серая лошадь», располагалось в невзрачном блочном сооружении, в традициях тогдашнего общепита. Но популярность «Лошадки» среди молодёжи была огромная, именно из-за выступлений здесь по вечерам коллектива, в составе которого время от времени играл и наш отсутствующий друг…

Народу в тот вечер ожидалось битком, поэтому мы вчетвером пришли в кафе заранее и заняли столик в удобном месте. Сделав шикарный заказ, помогли официантке принести всё необходимое. Нас-то здесь давно знали как друзей Воронина, а вот Лизу видели впервые. И сразу засекли, что мы втроём оказываем ей особые знаки внимания и почтения.

– Алмазик, – спросила буфетчица в баре, – эта девушка с вами – она кто?

– О-о, - тихонько и значительно сообщил ей наш лукавый мудрец, – это наша гостья. Принцесса Киммерии.

– Да-а? А где это?

– Восточный Крым. Феодосия, Керчь…

– И что, она вправду принцесса? – встряла любопытная официантка.

Тут уже и Бурков, забирая у неё бутылку «Шампанского», солидно подтвердил:

– Потомственная! Её предки заправляли ханством в Киммерии.

…Как бы там ни было, а наши шуточки вскоре уже были восприняты всерьёз. В этом мы убедились, когда в кафе заявился в полном составе коллектив музыкантов во главе с самим Корженевским.

Посетителей набилось уже столько, что в дверях встали два охранника, чтобы никого больше не впускать. Вадим Сергеевич оглядел публику, кивая знакомым, и вдруг увидел нас да ещё с… Лизой! Он молча воздел руки вверх, опустил и пошёл к нам, сияя очками в золотой оправе, румяными щёчками и даже искорками на чёрном фраке.

– Здравствуйте, Лизонька! – пропел он сладчайшим тенорком, напомнив кота Матроскина из мультфильма. – Здравствуйте, милая!.. Какими судьбами?

– Добрый вечер! – Она привстала за столиком, подавая ему ручку для неизбежного поцелуя, и оказалась чуть выше его ростом.

– Как ваше драгоценное? – справился он о её самочувствии.

– Спасибо! Не дождутся! – шутливо намекнула она на некие вражьи силы.

– Рад! Очень рад видеть Вас здесь! Отдыхайте! Я потом подойду к вам…

Возвращаясь к приземистому помосту для музыкантов, он о чём-то перешепнулся с буфетчицей и официанткой. А музыкальную программу вечера открыл торжественным обращением к публике:

– Дорогие друзья!.. Сегодня у нас приятная неожиданность! Вместе с нами, в этом скромном зале замечательная гостья из солнечного Крыма…

В зале зашушукались, заоглядывались в нашу сторону. А Корженевский вещал далее:

– …Студентка!.. Спортсменка! Красавица!!! Потомственная принцесса Киммерии… – Тут он сделал паузу. – Елизавета! Поприветствуем Лизу!..

Грохнули аплодисменты, раздались восторженные возгласы. Наша спутница смутилась, покраснела и сердито наехала на нас:

– Вы что, спятили? Тут что, рекламное агентство?.. Шалопаи!

А Корженевский закончил свой спич так:

– Сегодня в её честь мы исполним импровизации по мелодиям неподражаемого, гениального Дюка Эллингтона!..

Аплодисменты стихли. Он ухватил свой громоздкий контрабас, крутанул его на острой ножке и, чередуя щипок со шлепком по струнам, начал «наколачивать» ритм. Закивал музыкантам, и те по очереди стали включаться в музыкальное действо, сразу завораживая нас яркой мелодией, энергичными синкопами…

Посетители кафе засуетились, выбираясь из-за столиков на свободный участок зала, чтобы потанцевать.

…В антракте Корженевский, как и обещал, снова подошёл к нам, прихватив со сцены крохотную табуреточку. Снова ласково пропел:

– Лизонька! Как там у вас, в Крыму?

– Терпимо, Вадим Сергеевич, – дипломатично отвечала она. – А обещают – будет лучше…

– Ой! Ну, это всегда так. Всё лучшее у нас – всегда впереди! – съязвил он. – А как вы-то, Лизонька? Замуж не вышли?

– Не берёт никто, Вадим Сергеевич!

– Ну-у, так уж и никто!..

Бурков, находясь под хмельком, сопел-сопел недовольно, слушая их болтовню, а потом ляпнул:

– Не вовремя вы его услали, на Урал!

– Кого? – не понял Корженевский.

– Воронина!

– Я?! Услал я?! Да вы что, други мои! Он сам напросился! Приспичило!.. Наговорил всего… Не было необходимости!..

Лиза замерла, слушая это. Словно померкла лицом. Она держала за ножку бокал с «Шампанским» на донышке, вращала его и не поднимала глаз. Это её молчание услышали вдруг все, и напряглись: что-то произошло! Сейчас вот!..

Тягостную паузу Лиза и разрядила, предложив тост:

– Давайте!.. За музыкантов!..

Корженевский ушёл играть, а мы примолкли, не зная, о чём говорить теперь. И тут Лиза снова выручила: сославшись на головную боль, она отпросилась у нас уйти одна, чтоб никто не провожал.

Мы же, догадываясь о её состоянии, не посмели возражать. Выпили ещё винца и дослушивали концерт.

***

…А что, спросите вы, в это время с Ворониным? Чем он был занят на Урале?

Да не работал он с оркестром! Так, прибился к ребятам, жил с ними по гостиницам, и вовсе не думал подменять кого-то из музыкантов.

А что это за жизнь была у него? Маята. Выпивал, конечно. Впадал то ли в меланхолию, то ли в депрессию. Словно ждал и ждал чего-то…

Руководил вторым составом диксиленда пианист и мудрый флегматик Саша Морозов. Он терпеливо наблюдал за поведением Воронина – его отлучками неизвестно куда и к кому, поздними возвращениями в нетрезвом виде. А потом решил поговорить по душам.

– Жениться бы надо тебе, Вольдемар!

– Это зачем ещё? – удивился тот.

– Зачем… Жена попридержала бы! А то, я смотрю, с катушек слетаешь! Но ещё хужее другое…

– Что именно? – встрепенулся Воронин.

– На ребят действует. Сбиваешь всех с панталыку… Им

работать надо, пока такая пруха идёт! От заказов – отбоя нет…

– Ты прав, завязывать надо… А жениться? Это мысль! Я подумаю… Посоветуюсь тут кое с кем…

Воодушевившись, Воронин опять куда-то исчез. А обнаружился в гостинице уже ночью. Точнее, привела его под руку деваха – боевая, весёлая.

– Мальчики, это ваш кадр?.. Заснул в холле. Оприходуйте! Расписки не надо…

Оприходовали. Наутро, отпоив Воронина чаем, Саша Морозов опять завел душеспасительную беседу.

–… Диплом у тебя скоро, Вовик!

– А я возьму и в «академку» сорвусь! На год на свободу…

– Так тебя и отпустят, жди!

– У меня блат в поликлинике. Достану справок – нуждаюсь в отдыхе и лечении…

– А что делать будешь? Год целый…

– Буду чего-нибудь, – тут Воронин вздохнул печально. – Не знаю, Саня! Тягомотина какая-то… Может, пройдёт?

– Ты это, знаешь, – осторожно начал тот, – мы тоже не ангелы, мы понимаем. Но и ты, Вовик…

– Да говори уж! Что мне делать?..

– Скажу. Уезжал бы ты в Питер. Не обижайся только, не прогоняем тебя.

– Понял! Я всё понимаю. Надо ехать… Только не сейчас. Очень спать хочу! Невмоготу…

Он на глазах расслабился, промычал ещё что-то, и уже сквозь дрёму дослушивал, как Морозов ласково вещал, усыпляя и душу ему утешая:

– Вразнос ты, Вовик, пошёл… Вразнос…

Снова виделась ему Лиза. Говорил ей что-то… Представлял, как мы водим её по Питеру, и злился: эх, надо бы ему это делать! Ему… Сколько же дней она в Ленинграде? Обещала на недельку вырваться, Не более того… А теперь-то, если ехать, хоть самым скорым поездом, наверное уже и не застанешь её?.. Представлял, как едет в поезде, как стучат колеса на стыках рельс, как мелькают огоньки за окнами вагона, и… чуть не задохнулся от волнения – так рванулась душа в Питер! И никаких страхов не ощутил: словно и не мерещился ему ранее Ахмад с коброй – клоун зловещий и смешной, и дамы ялтинской той никогда и не бывало…

«Сами разберёмся с Лизой!» – пришла шальная мысль. А вместе с нею – и неожиданное успокоение. «Решено! Еду в Питер!»

***

Внял совету Морозова: друг ведь, плохого не пожелает… Ночью, в поезде, «колотун» забирал – трясло, знобило. Проводница вагона сжалилась: таблетку аспирина удружила. Укрылся на верхней полке чем попало, сжался в «позе эмбриона», и рассматривал теперь видения из детства. Похожую боль испытал на пороге отрочества. По нелепой причине: в кино не пустили. Боевик про войну шёл, дружки попали на сеанс в клубе, а его – тормознули. За ерунду какую-то наказали дома, и обида та горючая не столько щёки прижгла, сколько душу, и запомнилась…

Стучали колёса поезда, стучало в висках, а заботило сейчас только одно: как же теперь разгрести «кашу», которую заварил сдуру?!»

***

После вечеринки в «Серой лошади» мы жалели Лизу, старательно скрывая это от неё. Понятно было, что Воронин просто сбежал от неё! Но почему, зачем?.. Он и нас обидел, наговорив всякого разного.

А Лиза в сложившейся ситуации вела себя достойно. Ничего от нас не скрывала. Наоборот, докладывала: сегодня, если кто свободен, может идти с ней в Кунсткамеру, потом она – в Пулково, купить билет на самолёт до Симферополя. А завтра – в музей флота и в квартиру-музей Пушкина на Мойке. Она не может уехать, не побывав там!.. А уже перед самым отъездом Лиза принесла к нам в комнату книгу по истории джаза, которую Воронин начал переводить с англо-русским словарём. Теперь в неё были вложены листки с переводом. Мы удивлялись: и когда только Лиза умудрилась сделать это?.. Положив книгу на подушку Воронина, сказала шутливо:

– Это в подарок ему!.. Теперь присядем, мальчики. На дорожку…

Притихшие и опечаленные, мы чувствовали виноватыми себя перед Лизой. Она достала из сумочки лист бумаги, развернула его и положила на наш круглый стол.

– Записка для него… Ну, вот и всё… Провожать меня не надо.

– Почему? – взмолился Алмаз. – Можно я?

– Не надо, – мягко сказала она. – Не хочу. Одной мне будет лучше.

Она позволила нам поцеловать ей ручку. Вздёрнула поудобнее сумочку на плече.

– Спасибо вам! – сказала она и бесшумно прикрыла дверь за собой.

Лиза не сделала секрета из своей записки, поэтому мы сразу бросились к ней. Крупно, красивым почерком было начертано:

«Воронин! Ждала тебя семь дней. Роковое число… Благодарна ребятам, я многое узнала о Ленинграде. Удаляюсь в свой Коктебель, а потом – на учёбу, в Симферополь.

Теперь ты помучайся. Садист!»

…Прочитав это, Алмаз присел на койку и обхватил голову руками. Вот уж кто любил её искренне и… абсолютно безнадёжно. Бывает и так…

– Садистом назвала! – сказал он, имея в виду Воронина. – Значит, не разлюбила…

– Пожалуй, так, – согласился наш бородатый зануда, тоже заметно погрустневший.

***

Воронин объявился ещё через два дня. Похудевший, невыспавшийся… Прочитав записку, старался делать вид, что ничего особенного не произошло. Похвалил нас: не дали Елизавете скучать. Удивился, что так мало денег истратили…

Мы вопросами его не донимали, а он и сам больше помалкивал. Изменился человек заметно!.. Учёбой был занят, подготовкой дипломного проекта. А на Октябрьские праздники вдруг засобирался в дорогу. Куда – мы догадались сразу, когда он спросил:

– Как думаете, Лиза простит меня?

Бесстрашный Алмаз съязвил:

– За то, что сбежал от неё?..

А Бурков проворчал:

– Спроси что-нибудь попроще!..

…Из Пулкова он улетел в Симферополь. Ремаркой поясню: хорошо было нам в те времена. По студенческому билету – за полцены – куда хочешь!..

…В тамошнем университете он без труда отыскал Елизавету. Увидев его в коридоре, она и не удивилась, и… не обрадовалась. Подвела за рукав к окну. Мимо ходили люди, но они никого не замечали.

Лиза печально рассматривала его, а потом сказала:

– Что же ты наделал, Володя.

Это не вопрос был, а утверждение.

– Ты о чём?

– Я выхожу замуж.

– За него?

– Да. За Ахмада, – твёрдо сказала она.

– У вас… всё хорошо у вас? – робко спросил он.

– Да. Хорошо! Он любит меня.

– А ты? – осмелился спросить он, и, не дождавшись ответа, добавил:

– Ты в обиде на меня?

– Нет, Володя. Теперь – не обижаюсь.

– А я, Лиза, – он набрал в грудь воздуха, – люблю тебя.

– Я знаю, – она смотрела теперь не на него, а в пол. – Но это уже ничего не изменит. Ни-че-го!..

– Понимаю…

– Зачем ты приехал? Сказать это?

– Да, сказать… Хотел увидеть тебя. У меня был сон… Прощения попросить хотел, Лиза!..

– Я уже простила тебя. Давай не будем ворошить… Живи спокойно. Останемся друзьями. Найди себе в Ленинграде хорошую девушку… Может быть, когда-нибудь, – тут она через силу улыбнулась, – в гости приедете…

– Когда всё перегорит – перемелется? – припомнил он наставления ялтинской дамы.

– Да-да, перемелется, – кивнула она и предложила: – Можешь поцеловать меня, только в щёчку. Если хочешь…

Он осторожно прикоснулся губами возле её ушка и золото завитка, боясь смотреть ей в глаза. Почудился на миг аромат ковыльной степи и сухих трав по угорьям Кучук-Янышара. Наверное и она вспомнила что-то, но сказала совсем о другом. Мягко и убеждающее сказала:

– …И уезжай теперь, Володя. Ладно?

– Ладно. Спасибо тебе. Мне легче стало… Камень будто сбросил, – признался он. – Может ещё и свидимся? Жизнь-то длинная…

– Дай Бог, Володя, чтоб она длинной была!.. Прощай. У меня нет больше времени, извини…

***

Вместо эпилога

А что же жизнь?.. Да у нас-то она продолжалась! Решил рассказать и о том, что было с нами дальше.

Итак, Воронин. Он всё же смог, превозмогая всегдашнее отвращение к «техническим» наукам, защитить дипломный проект, получить «корочки» инженера. Сдать госэкзамены ему помогли популярность джазмена и поддержка преподавателей-любителей диксиленда… А работать Воронин устроился в штат «Ленконцерта», где его тоже знали и ценили как музыканта-«многостаночника», хотя и самоучку.

Связей с нами Воронин не поддерживал. В его бурной жизни не было досуга именно для эпистолярного жанра.

Полагаю, что в те годы он ещё не созрел для жизни семейной – осёдлой, с ребятишками.

Живя уже в Лихославле, мы семьёй приезжали в Ленинград ежегодно, погостить у родственников. Гуляя однажды возле «Зимнего стадиона», увидели на круглой афишной тумбе плакат – «Ленинградский диксиленд». Это был рекламный коллективный портрет музыкантов с их инструментами. И вот радость-то для меня! Узнал среди них Воронина, с трубой-альтовкой в руках… Тот за минувшие годы заматерел, отрастил усики «щёточкой». А улыбка оставалась по-прежнему знакомой для меня: вальяжная, доброго барина, развлекающего народ… Состав группы был, похоже, основной. Но Корженевского я на плакате не обнаружил. «Что ж, – подумалось тогда с грустью, – время идёт, и всё меняется…»

Через кассу «Ленконцерта», а потом и «Горсправку» удалось разузнать домашний адрес Воронина. На другой же день не поленился съездить на проспект Космонавтов…Новая застройка, высокие этажи… На длинные звонки у металлической двери никто не отзывался. Но – приоткрылась дверь у соседей. Седенькая бабуся рассматривала меня из-за цепочки. Я представился и объяснил, зачем я здесь. И даже просунул ей удостоверение корреспондента Лихославльской газеты…

Нацепив очёчки, не спеша, она прочла документ. Вроде бы прониклась ко мне некоторым доверием, но цепочку при беседе не сняла. «И правильно! – мысленно одобрил я. – Мало ли тут шляется, в большом городе!»

Воронина бабуля знала. Сосед хороший, правда, в этой квартире бывает редко. У него где-то ещё жильё есть… А где он

сейчас? Да, может, на Севере, потому как приезжал то в унтах, то в мехах, когда на дворе совсем тепло было…Человек-то он не плохой, а с женой, вот, развёлся. И чего уж там не поделили?.. Обходительный. Даже если выпивши, никогда не скандалит, здоровается…

Пожелав бабуле здоровья, сказал, что рад был с ней познакомиться.

– И ты, сынок, не хворай. – Она перекрестила меня из-за цепочки, и дверь притворилась беззвучно.

В почтовом ящике я оставил Воронину записку со своим адресом в Лихославле. В гости звал… Но вестей от него не было.

…Любимец нашей компании, Алмаз, работал на КАМазе и был успешным инженером, делал карьеру. Об этом я узнал от Буркова, с которым мы перебрасывались открыточками к праздникам. Он служил, уже в звании майора, на оборонном предприятии в пригороде Ленинграда. По служебным делам, в составе контроль-экспертной группы периодически ездил в Севастополь. И однажды передал мне привет оттуда – от кого б вы думали?! – от Лизы! Да-да, той самой богини из Коктебеля… Только теперь-то она проживала в Севастополе, а работала экскурсоводом в знаменитом музее-панораме обороны города (в период одной из многочисленных русско-турецких войн). Дело имела с иностранцами, а за владение каждым из трёх языков, отмечал деляга Бурков, она получала десятипроцентную прибавку к зарплате.

А позднее, летом, при нашей встрече с Бурковым за бутылочкой винца, он посвятил меня и в другие подробности… Лиза замужем, и уже обзавелась двумя близняшками. Выглядит же по-прежнему принцессой! Стройная, сильная. Бурков даже припомнил Воронинскую шутку о «крепкой руке» бывшей волейболистки: «может, если что, и…» Сами понимаете, что.

Потрясающей для меня была новость, что Лиза замужем за Ахмадом, и у них – двое девочек-близняшек.

– Как же так вышло? – спрашивал я у Буркова. – Ведь тот «местный авторитет» женатиком был!..

– Развёлся!..

Сообщил он и такие подробности, по которым несложно было представить картину произошедшего…

Как-то по весне, перед окончанием университета Лизу разыскала молодая женщина – черноволосая, в мусульманском платочке. Представилась:

– Я – жена Ахмада Руслановича. Гюльнара…

Разговор был недолгим. Говорила она:

– Мы разводимся. Я уезжаю к родственникам, на Кавказ. Дочь – со мной… Ахмад очень хотел мальчика. А я теперь совсем не могу иметь детей. Врачи точно установили!..

– Зачем вы это говорите мне?! – воскликнула Лиза.

– Я не могу больше! Он просыпается – и называет меня вашим именем. Он бредит, Лиза!.. Мы расходимся тихо, по согласию… Выходите за него!

Лиза молчала, уткнувшись горячим лицом в ладони.

– Он вам противен? – спросила Гюльнара. – Скажите честно…

– Да нет. Он друг нашей семьи.

– Ну, вот и хорошо! Стерпится – слюбится! Так ведь у вас, у русских, говорят?

– Я не совсем русская. Столько намешано!..

– Мне жаль его, – сказала Гюля.

– Жаль? – не поняла Лиза. – Почему?

– Мы же не чужие люди… Но мы решили именно так. Мы всё спокойно обсудили. Вы – молодая, он любит вас. Может быть, вы подарите ему мальчика… Мне очень хочется, чтобы вы были счастливы! Прощайте…

***

Такая вот приключилась история. А что же было дальше?..

В замужестве Лиза не только полноценно состоялась как женщина. Решились и другие проблемы. Так, старый домик в Коктебеле по генплану шёл под снос, а муж купил хорошую квартиру в новостройке и переселил туда её родителей… Ахмад нашёл жене работу, где и требовалось знание основных европейских языков… В Севастополе они снимали удобную квартиру в элитном особняке с охраной. А когда у них появились две крошки-принцессы, в помощь Лизе были наняты опытные и проверенные в деле няня и домработница… Ахмад считал, что постоянно жить у моря – «слишком шумно». Обещал со временем подобрать «что-нибудь поинтереснее» в столице Крыма…

***

Перебирая в памяти историю Воронина и Лизы, невольно думаешь о так называемых «причудах любви». Невозможно просчитать их наперёд…

В студенческие годы нам было как-то жаль их обоих. Жаль, что «разбежались» они тогда, в Ленинграде. Но – прошли годы – и

проявился во всём этом некий «божий промысел». Слишком разные они были люди… Мне-то даже наивно представляется, будто сама Богородица в какой-то момент незримо встала между ними и развела их судьбы в стороны. Не утешила, нет! Но уберегла от возможных и даже неизбежных разочарований, страданий и потерь…

Заканчивая это затянувшееся повествование, вновь убеждаюсь: нередко жизнь сама выстраивает сюжеты судеб. Нам же, рассказывая о них, остаётся лишь вникать, сопереживать и делать выводы для себя.

Февраль 2018 г.

Куратор

В редакцию «толстого» Ленинградского журнала Витя Степанцов решился зайти не сразу. Побродил туда-сюда по Невскому… Потом поднялся на второй этаж.

Его рукопись приняла величественная седая дама с измождённым лицом. Глянув на посетителя, она вынула изо рта дымящуюся папиросу «Казбек» и сипловатым голосом учинила небольшой допрос:

– Вы, Степанцов, студент? Прекрасно!.. Институт инженеров железнодорожного транспорта? Превосходно!.. Тут что у вас?.. От руки?.. Слава богу, разборчиво, а то бы я не приняла…

Виктор кивал, поддакивал, вопросов не задавал. Зачем? Всё, что он хотел, сказано в рукописи. Года два записывал воспоминания родственников, которых «зацепило» блокадой. Записывал всё подряд, как слышал. Не мудрствуя, не обобщая, не «влезая» ни в какие документы, ни в уже изданные книги о тех событиях.

–Вам, дорогой мой, – по-матерински ласково и сипло вещала дама, – придётся подождать. Наши рецензенты завалены «самотёком». Приходите, этак, недельки через четыре. С вами поговорят…

Снова зайти в редакцию Вите довелось через полтора месяца. Та же дама, восседая в кресле с высокой резной спинкой, дымила тем же «Казбеком». Коробка с папиросами лежала поверх груды бумаг и книг. К его удивлению, она быстро отыскала среди них его рукопись. Просмотрела листок с отзывом рецензента. Текст был отпечатан на пишущей машинке. Покачала головой. Внимательнее взглянула на автора и сообщила:

– С вами желает поговорить один товарищ… Не волнуйтесь, так надо. Всё, что касается блокады, проходит через их ведомство…

Витя чуть не спросил, что ещё за ведомство? Но вовремя прикусил язык, припомнив, что есть и официальная цензура, и ещё кое-чего, посерьёзнее даже…

– Вот здесь, – дама ткнула пальцем в листок, – номер его телефона. Договоритесь о встрече… Да, звоните-то с уличного автомата, ладно?

Поблагодарив даму лёгким поклоном, он забрал рукопись. А уходя, заметил, что вслед ему она посмотрела вроде бы с сочувствием. С чего бы это? Странно…

Виктор догадывался, какое ведомство имела в виду дама. Но был спокоен, не чувствуя за собой никакой вины. Ни в чём. Да и в рукописи своей он не мог ничего «разгласить». Разве что насторожили кого-то воспоминания отца Виктора? Ведь тот во время блокады работал в спецкомиссии по расследованию тяжких преступлений, и рассказывал всё, как было, – о грабежах, мародёрстве, людоедстве…

…В телефонной будке напротив редакции Виктор набрал номер. Ответил свежий, приветливый баритон. Рукопись его помнили. Встретиться договорились через час у Литейного моста. Не на Выборгской стороне, а на «этой», Московской.

«Это же рядом с управлением КГБ, – отметил Витя, – неужели куратора ко мне приставили?.. Ладно, познакомимся, поговорим. Интересно даже…»

Виктор пешочком отправился сначала на Дворцовую площадь, а затем по набережной в сторону Литейного. Рассматривая Петропавловку на том берегу, вспоминал начало своей повести. Как привычную молитву, наизусть помнил:

«Если бы не война, – пишет он в авторском предисловии, – мне было бы суждено родиться в Ленинграде. Но впервые я увидел его в шестнадцать лет… Вместе с матерью мы приехали на трамвае до Ржевки. Здесь перед войной они с отцом получили комнатку в офицерском общежитии… А сейчас мать хотела разыскать тот бревенчатый двухэтажный дом, в котором и я мог бы жить, если бы не война. Удивительно, что она нашла его среди других строений.

– Подожди здесь, – тихонько сказала она, – я схожу туда. Кажется, там ещё живёт кто-то…

Вскоре вернулась взволнованная.

– Там в коридоре – инвалид безногий. Он сошёл с ума и хочет повеситься. Я дала ему немного денег. Ему купят водки и хлеба…

Потом мы пошли на соседнюю станцию, это была Кушелевка.

– Отсюда неподалёку, – вспоминала она, – нас грузили на «полуторки». Отправляли в эвакуацию. Было очень, очень холодно!..»

***

Намеченная встреча состоялась даже раньше. Навстречу Виктору шёл высокий, поджарый, с выправкой военного мужчина лет сорока пяти. Серый костюм на нём сидел великолепно. Он уже издали улыбался вполне дружески, а по рукопожатию Витя почувствовал, что это очень сильный, тренированный человек. Возникло опасение: а стоило ли вообще соглашаться на эту встречу?..

– Называйте меня Сергей Сергеичем, – очень приветливо представился тот, и парень как-то успокоился. А потом его и радовало, что этот бравый мужчина, наверняка в офицерском звании, не задаёт никаких вопросов. Он как будто и так всё знал про начинающего литератора… Сергей Сергеич с ходу пустился в рассуждения. Причем, по делу и настолько интересные для Виктора, что тот напряжённо внимал каждому слову.

– Это хорошо, что вы на меня вышли, – заявил этот человек, которого Витя про себя то ли в шутку, то ли всерьёз окрестил «куратором», – Я ведь тоже рассказами баловался. И о блокаде пробовал писать… У меня, Виктор, близкие родственники пострадали. Блокаду пережили, но потом долго болели и… ушли… А мне знакомы те места, о которых вы упоминаете в рукописи. Там ваша матушка жила… Мне захотелось познакомиться с вами, поговорить…

– А как же ваши рассказы? – осмелился спросить Виктор. – Печатались?

– Да нет, – махнул тот рукою. – Бросил я писанину. Служба… Да и время такое. Умные люди отсоветовали… Знаете ли, дорогой студент, по жизни если, то осторожнее надо быть в словах. А уж в писаниях разных – тем паче!..

«К чему он ведёт?» – размышлял Виктор, и словно оправдываясь, пояснил:

– Я-то старался только правду, как всё было. Люди столько страдали!..

– О-о, согласен! Ещё как страдали! Миллион погибших от

голода, холода, от всего прочего… Как раз о правде изображения я и хотел поговорить! Правду, Виктор, тоже ведь надо дозировать, а то перекос получается… Люди очень травмированы блокадой. Даже те, кто там не был. Народ вообще очень устал от войны. Хотя и времени прошло уже изрядно, а … люди очень нуждаются в позитиве…

– А что у меня не так, Сергей Сергеич?

– Что?.. Нет широты взгляда на события тех лет. Вот, скажите-ка, вы разве много знаете о блокаде, как об историческом событии?..

– Да нет, конечно, – признался Виктор. – Так, читал кое-что…

– Я так и думал! – обрадовался Сергей Сергеич. – Мне-то пришлось изучать многие документы… Хотите, я вам некоторые факты приведу?.. Вот, например, насколько силён был натиск немцев: их танковый клин вышел к Неве уже 30-го августа… Августа! Представляете?.. А в начале сентября начались артобстрелы и бомбёжки. Они хотели с ходу подавить оборону города…

– Не получилось? – спросил Виктор.

– Да, увязли… Их удалось остановить, но какой ценой?! Чудовищные потери у наших. Ополчение сгорело на подступах к городу – по болотам и лесам…

– Мои-то родственники видели, как дымили Бадаевские склады, – сказал Витя. – Клубы дыма в полнеба!..

– Да, это была почти катастрофа! С этого времени начнётся голод… Осенью сорок первого хлебный паёк урезали пять раз! А с двадцатого ноября он стал – я процитирую строки Ольги Берггольц: «Сто двадцать пять блокадных грамм // С огнём и кровью пополам»… Отважная, кстати, женщина! Мне посчастливилось немного общаться с нею. В какой-то степени она – символ сопротивления народного…

Собеседники прогуливались по набережной неподалёку от Литейного моста. Понаблюдали, как между его опорами буксирчик протаскивает громоздкую баржу с песком.

– Немецкие агенты внаглую действовали в городе. С подачи «Абвера» распространяли самые подлые, невероятные слухи. Агитировали сдаваться… А на седьмое ноября была особенно зверская бомбёжка. Говорили, что это сам Гитлер заранее пообещал её ленинградцам на годовщину Октябрьской революции… И мороз-то свирепствовал тогда, за двадцать!..

Кстати, вот вам ещё факт: за осень сорок первого воздушная тревога в городе объявлялась по два-три, а иногда и по четыре раза на дню. Каково такое пережить?.. Знаете ли, Виктор, я полагаю, что психика народа слишком травмирована войной. И, пожалуй, надолго…

Помолчали, а потом он перевёл разговор на рукопись.

– Мне понравилось, как вы бережно отнеслись к воспоминаниям блокадников. Никакой отсебятины не позволили… Всё стилистически выверено, это я вам, как филолог говорю. У нас не может быть претензий к литературной стороне вашей работы…

«Точно, он к чему-то ведёт!» – подумал Виктор. За этим предисловием последует что-то не обнадёживающее. И он не ошибся…

– Да, всё так и было, как вы описываете. Такая вот правда. Жестокая. Мародёры, бандиты… Факты людоедства и торговли «человечинкой»… Вы правы, рассказывая о головотяпстве и преступном разгильдяйстве при организации обороны города. Всё это было, о чём вспоминают ваши родственники… А уж чего стоит пьянство, особенно среди командного состава!.. И новобранцев необученных гнали на пулемёты немецкие…

Тут Сергей Сергеич так разволновался, что умолк. «Зачем он это всё перечисляет?» – думал Виктор.

– О блокаде будет много написано. А нужно ли это сейчас? В наше-то время?.. Я не хотел говорить вам, но всё же скажу. Вот вы описываете работу вашего отца в спецкомиссии. А ведь они действовали под крылом контрразведки. Значит, тут всё засекречено. Не для печати… Пока! Подождите этак года до две тысячи сорок четвертого! До столетия снятия блокады. Если доживёте. – Тут он добродушно посмеялся. – А вот про матросский патруль – хорошо! Матросики не зря шерстили по городу… Вот про Билибина упомянули. Вот о нём бы вам рассказ написать!.. Это ведь известный художник был, профессор, студентов в Академии художеств обучал… Вы пишете, что патруль отогнал грабителей от старика. Ослабшего от голода… Моряки собрали листочки, рассыпанные по снегу. Это были эскизы рисунков, а продуктовых карточек уже не было!.. Спасли профессора, помогли добраться до Академии, куда он и хотел попасть… А вы знаете, что Билибин был в эмиграции? Ему в тридцать шестом разрешили вернуться в СССР. Он был аполитичен и безобиден. Одиночка…

– Я ничего этого не знал, – сказал Витя.

– В начале блокады Билибину позвонили из Смольного. Предложили эвакуироваться с группой женщин и детей. Ему ведь было уже шестьдесят шесть… И вы знаете, он – отказался! Заявил, что намерен «разделить судьбу города».

– Вряд ли он выжил, – предположил Витя.

– Билибин умер в феврале сорок второго, в больничке при Академии художеств… Он до последних дней делал эскизы Дюка Степановича…

– А это кто? Я не слышал…

– Былинный богатырь. Защищал от врагов русские земли.

– Да-а, интересный сюжет. Может, и попробую написать что-то…

– У людей короткая память! – Заявил вдруг Сергей Сергеич. – Уж поверьте мне… Эх, я себя вспоминаю. Учился здесь, в университете. Смелые были, языкастые!.. От глупости дремучей. Ну и пришлось познакомиться с серьёзными товарищами…

«Точно, он намекает на что-то, – отметил Виктор. – На свою контору, что ли?..»

– Вы, дорогой мой, наверное, ещё не знаете, не сталкивались просто, насколько легко «пришить слово к делу». К дутому, конечно!.. Испортить жизнь человеку, особенно молодому, – да раз плюнуть! У нас это умеют…

«Ну-у, сейчас он на меня накатит!» – подумал Виктор, и снова не ошибся.

– Вот, поверьте мне, даже хранить такие материалы, как ваша правдивая рукопись, сегодня небезопасно. Есть ушлые людишки: разузнают – доносик состряпают. Ну и – обыск нагрянет. Допросы… Вам это надо?.. А ради чего? Ради той правды?.. Время, Виктор, такое: идёт охота на инакомыслие, диссидентство. Разве вы этого не чувствуете?

Виктор пожал плечами, не зная, что ответить. Слышал что-то…

Прогуливаясь, они оказались на середине Литейного моста.

– А вы помните день, когда Гагарин полетел? – вдруг спросил Сергей Сергеич. – Да?.. А мы здесь тогда были. Вот тут стояли! Народу набилось! На мостах, набережных… Ощущение праздника было невероятное. Ждали чуда какого-то. Изменений каких-то во всей стране. В тот день так верилось в светлое будущее! Мы ведь строили коммунистическое общество… А вы, кстати, верите в коммунизм?

Он смотрел серьёзно, требовательно, а глаза озорно блестели.

«Ловушка, что ли?» – уныло подумал Виктор и промямлил:

– Да как сказать? Не задумывался…

– Ну вот! – почему-то обрадовался Сергей Сергеич. – Я вижу, что вы честный, открытый человек! И оставайтесь таким!.. Не пытайтесь только делать что-то вразрез официальной доктрине. Будьте благоразумны… Враждебные идеологии набирают силу. Острые рукописи уплывают за границу. Это очень рискованное дело… А ещё дурнее те, кто прячет. Не печатают – в стекло запаивают. Слышали?

– Читал в газетах…

– Глупо и бессмысленно! Если вы «на крючке» – заставят достать. Не сомневайтесь, есть мастера заставить. Люди сознаются даже в том иногда, чего и не совершали. А тут – рукописи какие-то! Мелочь, ей Богу!.. Будете упрямствовать – сломаться на этом можете.

– Как это? – не понял Виктор.

– Помогут! Есть и такие мастера. На кого нарвётесь, если писаниной занимаетесь. Я поэтому и говорил, что это хорошо, – на меня вышли… Ну, да ладно. А вообще-то какие планы «наполеоновские»? Нет ли чего почитать из неопубликованного?

– Да пусто у меня, – соврал Витя, решив, что куратор уже перешёл за допустимый предел. Кое-чего имелось у него, как говорится, «в столе».

Сергей Сергеич разглядывал его с явным недоверием, но промолчал.

– Ладно! – сказал наконец и протянул руку. – Прощаемся. Давай, учись! Это главное для тебя!..

***

…Незабвенный, мудрый Сергей Сергеич! Как славно он просветил студента! И даже прочистил ему мозги… Витя искренне уверовал, что для него важнее всего учёба. А потом и работа. Писанина же – сомнительно и небезопасно. Время такое! Известных людей лишают гражданства, выселяют из страны. А кто-то уже и сидит. В заключении, естественно…

С полгода после знакомства с «куратором» его томило ощущение тревоги. Он твердил себе, что надо жить позитивом, надеяться на светлое будущее. Может быть, и коммунистическим оно станет? Где-нибудь в двухтысячных годах? Кто ж это точно знает? Будущее ведь непредсказуемо…

И вот, наконец, он решил расстаться с рукописью. Совсем… Рассказы-то родственников он помнил почти наизусть. Полагал,

что сможет восстановить их, если возникнет такая надобность…

Обидно, правда, было за невозможность самореализации как литератора. Пусть и начинающего, но всё же…

Проживал Витя в студенческом общежитии неподалёку от парка лесотехнической академии. В один из воскресных дней, по тающему снежку, прогулялся к одному укромному местечку. Ещё раньше приметил здесь чуть заросшее травой маленькое кострище. И замшелый пенёк рядом. Тут и решил развлечь себя немудрёным ритуалом, покончив с графоманскими надеждами.

Достал из-за пазухи рукопись. Измял несколько листков, чтобы не слипались. Тогда и гореть лучше будут. Спички не отсырели… Дымок от костерка уносило сквозняком между сосен. Со стороны никто и не заметил бы этого странного действа… Виктор понемногу подкладывал смятые листки в блуждающий по строчкам синий огонёк, и ощущал, как в душе нарождается неожиданное облегчение. Даже успокоение.

«Значит, пусть пишут другие, – думал он в оправдание себе. – А мне, значит, не судьба…»

В последующие дни его уже не томили сожаление и боль утраты за плод почти двухлетней работы. Наоборот, захлестнула радость освобождения от тяготившей темы. Прав был Сергей Сергеич: надо жить позитивом! Нельзя слишком долго и много думать о трагическом и печальном. Это мешает жить. Ему, Виктору Степанцову, мешает!.. А взамен он решил поизучать судьбу Билибина. Может быть, и рассказ об этом художнике получится?..

***

После окончания института его распределили служить на одну из станций железной дороги между двух столиц – Москвой и Ленинградом. Времена менялись. Многое из того, что раньше было нельзя или нежелательно, становилось допустимым и даже банально общеизвестным. Со временем Виктор, вспоминая свою рукопись, даже засомневался: а во всём ли прав был Сергей Сергеич?.. Может, сохранить надо было её? Да хоть и запрятать, до поры до времени?

Однажды, под настроение, попробовал восстановить по памяти утраченный текст. Оказалось – не то, не так! Душевных сил не хватило бы надолго. Да и азарт молодости иссяк. Отболело!..

…И ещё раз, с болью и окончательно «на прощанье», вспоминал свою рукопись, когда ездил в Ленинград на читательскую встречу с Даниилом Граниным в Публичной

библиотеке. Тот рассказывал о трудностях, которые им с Алесем Адамовичем пришлось преодолеть при создании «Блокадной книги». Тогдашние власти города не одобряли их работу. А существующая официальная цензура тех лет фактически «зверствовала». Измываясь над известными, уважаемыми писателями, она предъявила им более шестидесяти требований по тексту: изменить или изъять… Приходилось отстаивать своё право на правду. Их труд, который можно приравнять к гражданскому подвигу, запретили публиковать в Ленинграде!.. С купюрами рискнул принять в печать московский журнал «Новый мир»… И всё же позднее справедливость по отношению к «Блокадной книге» восторжествовала.

«Где уж мне, если даже им было так трудно?!» – утешал Виктор себя, оправдывая свой давний поступок. Да, смалодушничал. «А мог бы и не сжигать!» – размышлял после той встречи с Граниным… А кто виноват? Куратор?.. Или он сам, пугливый такой?.. Можно и на время тогдашнее всё свалить: мол, «такое» вот оно было! Особенное…

А с другой стороны посмотреть – о чём жалеть-то? Столько уже написано о тех событиях! Что прибавилось бы от его писанины?..

Так размышлял успешный инженер-железнодорожник, не расставшийся с мечтой стать ещё и литератором. Понемногу работал над лирическими очерками и рассказами позитивной тематики. Никогда не забывал наказ Сергея Сергеича: людям нужнее позитив и надежды на светлое будущее. Не забывал, но… до конца согласиться с этим всё же не мог.

Ежегодно отмечая день снятия блокады как «праздник со слезами на глазах», Виктор всё острее и со странной тревогой ощущал долг свой перед памятью уже ушедших родственников. Не забывались их рассказы. Припоминалось и многое из написанного им в студенческие годы… Как-то исподволь нарастала в нём решимость восстановить утраченные тексты. Без цензуры. Без куратора!.. Не для публикации какой-то, а хотя бы и для себя. Для памяти. Той, которая придаёт смысл всем страданиям… Иной раз даже сердце замирало от дерзкой мечты…

***

Время шло. С годами набрал силу Интернет – вездесущий и завлекательный. Сформировалось ощущение другой эпохи.

Нашему герою всегда хватало завидной «упёртости», если он за что-то брался. Так и в этот раз. Работая над текстами, он сожалел,

что подзабываются подробности, теряется острота восприятия времени. А помогала – окрыляющая свобода, ещё не ставшая привычной. Никаких заморочек с публикацией: виртуальный мир открыт для всех!.. Вот поэтому теперь, каплей в океане, блуждали в социальной сети и его записки о блокаде. Да, получилось!.. Но вот, почему-то, не испытал ожидаемой радости, отпуская от себя в «свободное плавание» выстраданные тексты. Может, потому, что остро воспринял, насколько мир велик и равнодушен к отдельному человечку?.. С каким бы удовольствием пообщался сейчас с Сергеем Сергеичем – куратором незабвенным! Тот, пожалуй, и сегодня мог бы что-то сказать, а то и посоветовать. Жизнь-то ведь по новому «кругу» идёт. Другие в ней проблемы и надежды. И не всегда легко в них разобраться…

Октябрь 2018 – июнь 2019

Дембель-69: дорога домой

…Ночью самолёт делал посадку возле большого сибирского города. Валентин просыпался и видел разноцветные огни – одиночные и целые трассы огней, уходящих в чёрную то ли высь, то ли даль…

А вот и утреннее Подмосковье! Радуясь, что в автобусе аэрофлота ему досталось место у окна, он рассматривал всё, что проносилось мимо, – дачные посёлки с огородами и островки высоток, встречные автомобили, военных и девушек среди прохожих. Вглядывался в сквозящие перелески и в мглистое марево над пробудившейся весенней землёй.

Валентин старался держаться спокойно и степенно, ведь не «салага» какой-нибудь, а сержант – человек вполне зрелый и, можно сказать, бывалый. Много раз далеко отсюда, в казахстанской степи, мечталось вот об этой дороге домой. Двести километров от столицы до дома казались пустяком, всего несколько сантиметров по огромной карте Советского Союза, висевшей в «красном уголке» их казармы.

За два года в армии Валентин с неожиданной для себя и непонятной пока тоской осознал вдруг понятие «малой родины». Она и раньше вроде бы существовала, но как бы «числясь» где-то в памяти и душе, а не так вот, как сейчас, притягательно *жила́*. Перед самым дембелем аж дважды привиделся во сне волнистый, с немятой травой островок «Божий дом» среди речных проток. Говорили, в старину здесь был скит отшельника. А они с ребятами

бегали тут и сражались на прутьях, подражая киношным мушкетёрам. На рыбалку ходили сюда по вечерам, строя запруды из камней и ставя верши и нороты. Костерок разводили. Звёздами любовались…

Если бы служил он где-нибудь недалеко, в средней полосе России, наверное, и не произошло бы это: не стали бы так часто вспоминаться их Сельский Городок с деревеньками-«пригородами». Речка и холмы Валдая. Не стали бы вдруг странно дорогими насмешливые и в серебристой щетине лица здешних дедов…

Автобус стремительно шёл к центру Москвы. Внутри ещё жило ощущение бескрайних степей – прожаренных солнцем и просвистанных жестокими вьюгами, настоящей полупустыни, по которой можно смело, без всяких дорог, гнать на машине в любую сторону. Сам недавно гонял трёхосный армейский «Урал», тренируясь перед сдачей экзаменов на получение водительских прав… А сейчас – набирало силу праздничное чувство возвращения. Там, куда он ехал, для него кончались все разлуки.

Лишь одного было жаль Валентину. Расстаться пришлось с армейскими дружками. Трое из них оформили комсомольские путёвки и отправились в Тюмень, обещали сообщить ему, как всё получится с работой и жильём. Хотелось и ему рвануть «на севера́». От одного только слова – Сибирь! – веяло особой романтикой. Да и деньжат заработать было вполне возможно.

Но ехать с друзьями не решился. И не только потому, что в последние месяцы службы с неожиданной силой потянуло домой. В письмах отца чувствовалась тревога за здоровье матери, а ещё и за сестрёнку-подростка «переходного, опасного возраста». Даже если батя в чём-то и преувеличивал – понять его было можно: нужен он, Валентин, был их семье – молодой, крепкий, а теперь ещё и с шоферскими правами. «Небось уже и местечко для работы мне подыскивает», – весело подумал Валентин. Сожаления по неведомой ему Сибири возникали, но утешался он так: дома побыть пока надо, а там видно будет. Так что – живи да радуйся!..

Автобус резко сбавил скорость и подкатил к городскому аэровокзалу, что возле станции метро «Динамо». Валентин поправил фуражку, ремень поверх шинели… На чистом, нагретом солнцем асфальте, казалось, давным-давно лето… А в его Сельском Городке, наверное, грязь и мокрядь, в ботиночках пройти к своему дому лучше будет по булыжной мостовой, ещё сохранившейся на центральной улице…

Москва, хоть и бывал здесь раньше, на экскурсии, снова поразила его размахом и огромностью, обилием движения и людей. Первое, что Валентин наметил сделать здесь, – побывать в Кремле. Напористо пошагал к центру. На гудящем проспекте влился в людской поток, и мальчишеская радость захлестнула вдруг. «Идёт солдат по го-ро-ду! – возникло в нём. В армии это пели. – По незнакомой у-ли-це!..» Было свободно, легко, обещающе. Москву не надо было завоёвывать. Москва была – как сердце, как дыхание. Жила вокруг в и в нём самом, ласково и буйно текла и вершилась. И словно радовалась в ответ на его радость.

На улице Горького ноги сами собой завернули в распахнутые двери шикарного магазина. «Может, здесь подарки отхвачу? Не матери, так сеструхе…» Потолкался среди женщин – красивых, возбуждённых и немного злых. Продавали дефицитные импортные лаки для ногтей, помады, шампуни и прочее. Очереди и женский натиск были таковы, что соваться внутрь всего этого было рискованно: уйму времени потеряешь…

«Кру-гом арш!» – скомандовал себе сержант и вышел в уличный людской поток. Выхватил взглядом высокую симпатичную девушку, козырнул ей и спросил:

– Скажите, на Красную площадь – туда?

– Туда, – кивнула она сдержанно и величаво.

– А далеко это? Сколько километров?

– Километров? – пожала она плечами. – Понятия не имею!

«Эх, дерёвня!» – бодро поддел себя Валентин, а у неё, извиняющее, спросил:

– Да примерно…

– Не очень далеко, – дипломатично заметила она и едва заметно улыбнулась на смущение белобрысого сержанта. А напоследок бросила:

– Не заблу́дитесь!..

Восприняв её пожелание как лёгкий щелчок в лоб, Валентин не успел ничего подумать: пришлось отдавать честь капитану-артиллеристу. А через мгновение та девушка канула бесследно в людском потоке, словно её и не было. Но он-то знал, что она где-то была, и некоторое время думать о ней было приятно.

Козырять ему вскоре надоело, и Валентин стал невольно хорониться за спины впереди идущих, стараясь не лезть на глаза встречным офицерам. В центре столицы их было многовато. А ещё он заметил вскоре и другое: здесь насчёт соблюдения Устава было

гораздо мягче, чем в их степном гарнизоне, где неотдание чести старшему по званию могло повлечь и строгий взгляд и даже замечание…

В лёгкой дымке городского смога показались, наконец, знакомые по фотографиям и кино краснокирпичные башни. Кремль!.. Пришлось спуститься в длинный туннель, в конце которого ступеньки вывели его неподалёку от Красной площади. Замедлив шаг, Валентин озирал всё вокруг, механически фиксируя про себя:

«Храм Василия Блаженного! Очередь и туда… Мавзолей… А ёлочки и вправду серебрятся, как в инее…»

Нечаянно столкнулся с толстеньким пацаном и слегка отдавил ему ногу. Малец рассердился и посоветовал:

– Не разевай варежку! Просквозит!..

«Ни фига себе!» – изумился сержант и засмеялся.

Потом пошёл потихоньку в Александровский сад… Через арочные ворота, растворившись в людском ручейке, вошёл в Кремль. Заглядывал сквозь стеклянную стену внутрь Дворца съездов. Слушал бой курантов на Спасской башне и ловил взглядом вздрог золоченых стрелок на главных часах страны… Ещё через час сидел на лавочке неподалёку от колокольни Ивана Великого. Оказалось, устал…

Кругом, за стенами Кремля стоял шум, а здесь покоилась тишина. Сияли золотом купола в апрельской синеве. Напротив, словно из сказки, – Царь-колокол и Царь-пушка. Метрах в двух от него, на деревце, посвистывали две птички, похожие на зябликов. А на соседней лавочке переговаривались пожилая женщина и девушка, похоже француженки…

Ясность и покой были на душе. Словно пришёл он в давно обжитое сердцем место. Пришёл, чтобы побыть вот так, наедине с собой. И чтобы испытать вдруг доселе незнакомое, гордое и томительное чувство: я – дома, я – русский.

Как-то сразу нутром почувствовалось, что здесь – самый-самый центр огромной страны. И почти зрительно ощутилось, что тут словно острие Истории. Из века в век…

«Скоро вишни зацветут», – отметил Валентин, оглядываясь снова. Представил белую кипень здесь – и подумал, что надо бы побывать здесь, в Кремле, в мае. Когда-нибудь.

Невольная зависть взяла его к гулявшему неподалёку постовому милиционеру: «Вот служба-то, а?! Каждый день

любоваться этим…» И мечтать о такой службе не посмел бы. А может, всё это сказка? И старшина этот?

«А ну, проверим!» Поднявшись уходить, Валентин поймал взгляд старшины и козырнул ему. Тот привычно ответил тем же, и они вдруг улыбнулись друг другу… Хорошо было уносить с собою и это.

…В книжном магазине на улице Горького он купил карту-схему Москвы и путеводитель по достопримечательностям Подмосковья. «Пригодится! Поизучаем в деревне». Может, и понадобится в будущем. Если работать в совхозе шофёром, то и бывать здесь иногда придётся… Уже уходя, глянул мельком на репродукции знаменитых картин, выставленные поверх книжных стеллажей. Мелькнуло среди них что-то такое… Словно родное лицо в толпе. Валентин даже вздрогнул, отыскав глазами это…

В речной заводи отражался голубой осколок неба. Дощатый мостик слегка прогнулся над водой. Песчаная светилась отмель. Сочно зеленела травка… А справа от куста и кривоватой берёзки виднелись вдали дворы деревенских усадеб. Тесовые крыши темнели невнятно и почему-то вдруг маняще. Ни одного окошка не выходило сюда, к речке – только дворы и сараи… На мгновение забыв, где он и зачем он тут, Валентин испытл щемящую боль узнавания. И непонятно было: почему так?

– Скажите, как называется? – спросил он у продавщицы, ярко-седой.

– Которая?.. Пейзаж художника Каменева. 70-е годы XIX века.

– А название?

– «Пейзаж», молодой человек… Будете брать?

– Брать?! – Валентин опешил. – Надо подумать…

– Тринадцать рублей, – сказала она, поощряя его интерес. – Прекрасный сельский пейзаж… И в удобной упаковке.

«Вот влип! – усмехнулся Валентин. – Хоть и вправду покупай!» Деньги были, не это его смутило. Представилось, как будут подсмеиваться над ним: «Во, деревню – в деревню привёз!» И решат земляки: пожалуй, что из Москвы-то можно б чего и «посущественнее» привезти. Но пришёл на память и Павел Григорьевич – старый учитель рисования, единственный в их округе настоящий художник. Вот он бы всё понял…

– А поменьше размером нет у вас этого пейзажа?

– К сожалению, нет… Но вы, молодой человек, можете спросить рядом, в отделе открыток.

Торговавший по соседству лысоватый бородач, похожий и на художника, и на учёного, в своих запасах пейзажа Каменева не обнаружил. Но посоветовал:

– Бывают, но редко. Заходите почаще… И у букинистов поспрашивайте!

Валентин грустно усмехнулся: «Почаще – не получится». А до букинистов, может быть, когда-нибудь и доберёмся.

…Интересно оказалось побродить по старым улицам в центре, словно по музею архитектуры… Снова пришёл на память пейзаж Каменева, и возникла вдруг уверенность, что с картиной этой он ещё встретится. Когда, где?.. Непонятно. Но жизнь – она длинная, и щедра бывает на неожиданности…

Время летело незаметно. Спохватился Валентин, когда до самой удобной по времени электрички оставалось чуть больше часа: пора было двигать на вокзал!.. Вот когда довелось ему испытать, что такое московские «часы пик» в метро. Дошёл-то до станции быстро, а вот потом продвигаться пришлось еле-еле, стиснутым со всех сторон людской массой. Жутковато было даже…

Вырвавшись из подземной толчеи, Валентину вздумалось купить «Вечернюю Москву». Терпеливо выстоял очередь у киоска. А время – оно ускоряло свой бег, минуты начали «скакать»… Потом, «по закону подлости», ошибся платформой, не на ту забежал!.. А когда отыскал свою, шестую, – электричка была ещё видна: тускло-зелёный хвост её удалялся…

– Токо-токо ушла, – посочувствовал ему с лавочки мужичок, похожий на бомжа, и попросил «немного мелочи», причём «взаймы».

Валентин выдал ему на пиво, и почувствовал, что колени дрожат, а ступни гудят… Часа три теперь «загорать», до следующей. Вот и читай свою «Вечёрку»!..

«В ресторан, что ли?» – подумалось тоскливо. Но у высоких массивных дверей стояла плотная, терпеливая очередь… Зашёл в соседний буфет. Здешняя очередь шустро продвигалась… За их круглым столиком мальчик лет десяти, уплетая сардельки, с таким интересом таращился на сержанта, что мать, стоявшая рядом, тихонько одёрнула его. Заметив это. Валентин подмигнул пацану и дружески спросил:

– Небось, в армию хочешь?

–…Хочу! – выпалил тот, и добавил обреченно: – В школу надо ходить…

Улыбнувшись на это, мать спросила:

– А вы, наверное, отслужили?

– Отслужил, – кивнул Валентин.

Рассеянно глядя на сынишку, женщина задумчиво проговорила:

– Счастливый вы…

– Вообще-то да, – согласился он, немного смутившись.

…Решение у него созрело: лучше всего – заночевать в областном городе. В любой гостинице «дембеля» на улице не оставят. А утром, на автобусе, – домой… Надо только навестить родителей солдата-земляка. Парень тот – Димка Кудрявцев – отслужил половину срока. Очень просил сержанта заехать к родителям, рассказать немного о службе, успокоить, если что. Говорил также, что про него, замкомвзвода Платонова, родители уже знают, из писем…

«А что он там понаписал? – мрачно думал Валентин. – Как я «молодняк» на зарядку гонял? Или как подъём, для тренировки, раз по пять устраивал?..»

Димка подарил ему сувенир-самоделку – курительную трубочку. Из чёрного эбонита мастерски вырезана голова чёртика с рожками и бородой. Такими поделками увлекались на досуге не только в их части. Валентин не курил, и отец «завязал», но подарок принял. На всякий случай…

***

…Очнулся он от внезапной тишины. Тихий говор за комнатной перегородкой не возобновлялся. Увидел солнце на стене, свой мундир на спинке стула, и сразу всё вспомнил.

Диван под ним был Димкин. Того самого солдата-первогодка, к родителям которого он забрёл вчера «на пять минут».

Шёл шестой час утра. К автобусу на сельский Городок ещё слишком рано… И тут снова дошло до него, что ведь и всё, отслужил! В их воинской части уже давно сделали зарядку, навели в казармах утренний форс, – разница по времени в несколько часов… А он – волен, как птица! Может ещё поспать, а захочет – можно и остаться тут ещё на день, – Димкин отец, Юрий Борисович, предлагал вчера не спешить.

…Когда Валентин разыскал нужную квартиру на четвёртом этаже и позвонил, ему открыла маленькая женщина в коротком халатике и шлёпанцах на босу ногу. Ещё довольно молодая. Увидев солдата – изумилась, потом растерялась, а ещё через мгновение

испугалась. Валентин эти перемены точно заметил и поспешил успокоить:

– Вы Кудрявцевы?.. От сына привет передаю, у него всё нормально! Не беспокойтесь… Вместе служили, в одном взводе…

– Проходите, – пригласила она, отступая, и крикнула в комнату: – Юра! К нам гость!

– Да не стоит, наверное, проходить, – затоптался Валентин возле порога. – Я ж на минутку…

В прихожую быстро вошёл приземистый, крепкого сложения мужичок. Остро глянул сержанту в глаза… Повторив сказанное перед этим, Валентин, словно пароль, протянул ему Димкин подарок и пояснил:

– Его работа…

Юрий Борисович, так он назвал себя строгим баском, повертел трубочку, улыбнулся.

– Он с детства резьбой занимался… Оставьте себе! Я курением не балуюсь.

А потом, без всяких слов, решительно взял гостя в охапку и, обнаружив завидную силищу, почти внёс за порог. Заставил раздеваться… Мужик он был, по всему видно, весёлый и даже задиристый. Не то, что его тихоня – сынок. Пока сержант умывался с дороги и приводил себя в порядок, посреди гостиной возник столик, накрытый цветными салфеточками. Их, обратил он внимание, было почему-то шесть. И седьмая посередине.

Велев гостю завести радиолу или поискать в эфире «что-нибудь повеселей», Юрий Борисович исчез из квартиры, не надев ничего поверх лёгкой рубашки.

Настроив приёмник на «Маяк», Валентин перебирал грампластинки. И обнаружил ту, на которой была любимая в их взводе песня. Поставил её и включил негромко. Особенно нравился припев:

Идёт солдат по го-ро-ду,
По незнакомой у-ли-це…

От маршевой мелодии, от словно бы улыбчивого голоса молодого певца на душе сделалось празднично, как утром, когда сошёл он с аэрофлотовского автобуса.

В прихожей послышались говор и смех. Юрий Борисович вернулся, и не один, а с двумя девушками и парнем ростом до люстры…

– Знакомьтесь! – Скомандовал отец служивого и, не дожидаясь,

пока молодые люди назовут себя, представил солдату прекрасную троицу: – Людочка, Танечка и Егорий, то бишь Жора! Димкины однокашники, друзья и к тому же соседи… А это – тут Юрий Борисович навёл палец на значки Валентина, – Димкин командующий и будущий начальник на производстве. Прошу, значит, любить и жаловать...

Последние слова он произнёс так значительно, что все, в том числе и его жена, уже расставлявшая рюмки, засмеялись. В этот момент Валентин и рассмотрел вдруг Люду, увидел по-особенному, – и все другие вдруг словно исчезли на миг. Глаза у неё оказались темнущими, с ярким блеском, а взгляд – в нём столько всего было! Вопрос и улыбка, доверие, вкрадчивая ласка… с этого взгляда – в суете, наверное, и не замеченного другими – всё и началось вчера.

Шумное получилось застолье. Выпив первую рюмку за знакомство и привет от сына, Юрий Борисович заставил гостя подробно рассказывать про службу. Охотно смеялся солдатским байкам. А Димкина трубочка тем временем ходила по рукам, вызывая улыбки, – уж очень забавно выглядел чёртик с бородой и рожками. Жора вставил чёртику в затылок сигарету, но девушки отобрали трубку, не разрешив курить.

Люда взглядывала на гостя открыто, загадочно-обещающе. Валентин непрерывно чувствовал «ниточку», протянувшуюся между ними, и уже вскоре – про Москву, Сельский Городок, про интересные места по речке – рассказывал больше для неё, чем для всех. И ей, замечал он, было интересно, хотя половина сказанного до неё, наверное, и не доходило…

Юрий Борисович из рассказов гостя сделал свои, неожиданные выводы. После второй рюмки, пропущенной за *приятное* знакомство, он стал с жаром агитировать Валентина устраиваться на работу непременно в областном центре, и непременно на их комбинат строительных материалов.

– Слуш-шай! – проникновенно вещал он, подкладываю гостю и себе солёных грибков. – Как-кой, скажу тебе, комбинат. Заработки – во! Жильё строим. Значит, женишься – квартиру получишь. Учиться можно, если пожелаешь, заочно или на вечернем… А пока что? Пока в общежитии поживёшь. Хорошая общага! И клуб рядом, тоже наш, комбинатовский…

Хвалил-нахваливал Юрий Борисович свой комбинат, на котором работал бригадиром в цехе силикатного кирпича. Бригада

его была передовая, он и цифры называл какие-то, вроде очень внушительные. А заключил, одобрительно пожимая плечо гостю и закрыв широкой ладонью почти весь сержантский погон, так:

– Нам такие парни – нужны!

Слушая, Валентин мялся, улыбался и переглядывался с сидящими за столом. Все, в том числе Людочка, посматривали на него с интересом, и по выжидательному молчанию было видно, что вовсе не считают предложение главы застолья пустяковым или нереальным. Не хотелось Валентину огорчать этих милых людей, и всё же, будто бес толкал в ребро, он снова мямлил унылое:

– Да не-е, я решил пока в деревню…

– Ну а чего тебе там, в деревне-то? Батька с маткой здоровы, работают. Сестра, говоришь, подросла. Дом – не валится! Что, не обойдутся без тебя? Нужен ты им позарез, что ли?

– Вообще-то так, конечно…

– Ну, вот и решай. Ты ж из армии. По крайней мере, туда-то вернуться никогда не поздно. А вот зде-есь счастья попытать, – Юрий Борисович постучал в стол коротеньким и толстым пальцем, – потом будет поздно. Спросят: а где же ты раньше был? Теперь ты не «демобилизованный», а … на общих правах. Кончились твои льготы, сержант…

– Да какие там льготы, – усомнился Валентин.

– Э-э, ты мне не говори! – покачал тот головой. – На производстве любят, когда ребята *сразу* из армии. Пока к дисциплине привычные, пока… не подпортились на гражданке!

Девушки и жена Юрия Борисовича засмеялись.

– В деревне что? – невозмутимо продолжал он. – Только работа. Работа – и всё… Ещё, не дай бог, поведёшься с оболтусами, пить начнёшь. Упустишь время, а потом… Ну, я не спорю, есть хорошие ребята и в деревне. Но тебе-то какой резон соваться туда? Если есть возможность у нас устроиться – почему бы не попробовать?..

Внушительно помолчав и оценив молчание за столом, как одобрение, Юрий Борисович повёл осаду с другой стороны:

– Молодой, вся жизнь впереди! Имеешь две таких специальности! Э-эх… Да я тебя в свою б бригаду взял! А если не хочешь со мной работать – давай вот, оставайся до понедельника, пойдём к начальнику цеха. У нас шофера хоть и есть, а заменить кой-кого надо… Мы же знаешь, как работаем? По бригадному подряду! Сами себе кадры подбираем, понял? Орлы у нас, скажу тебе!

– Ну и ты орёл, – вставила жена. – Хвастал бы поменьше.

– А я чего? Я не вру. Вот и Жора вам подтвердит. Верно я говорю, Егорий?

– Кан-ныш-на, дарагой! – шутливо, с кавказским акцентом обронил тот.

– Ну вот!.. Давайте, мужики, выпьем… Смотри, не продешеви, сержант! Думаешь, я худа тебе желаю? Не-ет. Я тебя сразу понял. Мне вот эти штучки, – Юрий Борисович ласково похлопал по значкам и погонам Валентина, – всю твою биографию рассказали. Да и Димка мой – не дурак, скажу тебе. Зря писáть не станет. Тихóй-тихóй, а сообража-ает…

Сопротивление гостя только взбадривало Кудрявцева-старшего, и он приводил, казалось ему, сокрушительные доводы:

– Молодой ещё, жизни не понимаешь. Где вот сейчас лучшая-то молодёжь?.. сам небось знаешь: драпает из деревни. И будет драпать. А почему? Потому что в городе интересней. Тут – перспектива! А там?.. Я вон читал, что деревня уже без невест осталась, все по городам разбежались. Кого ты там найдёшь себе?.. А ту-ут! – Юрий Борисович воздел руки над столом и в сторону сидевших рядом девушек.

Те опять захихикали, а жена покачала головой и сказала совсем нестрого:

– Да брось ты трепаться-то.

– А я и не треплюсь! – парировал он. – Я правду выкладываю. Он мне потом, может, «спасибо» скажет… Верно я говорю, Егорий?

– Кан-ныш-на, – пожал тот плечами.

Таня рядом с ним сидела тихонько, вежливенько, и была как-то незаметна для Валентина, хотя и её присутствие он постоянно чувствовал. Люда же… её темнущий, как у ворожеи, взгляд, казалось, всё расспрашивал о чём-то, чего-то обещал. Между ним и ею словно раскалялось что-то, хотя слов и не было произнесено. Шла игра взглядов. Волнующая игра, у которой, как безошибочно чувствовал Валентин, непременно окажется продолжение, но уже не здесь, за столом, а потом, когда они останутся наедине.

Юрий Борисович пустился вдруг в воспоминания о своей флотской службе на Балтике, гордясь, что повидал всякого немало, бывал даже в заграничных портах. А потом, испытывая горячую благодарность к Валентину, снова заострил прежний вопрос:

– Ну так как, сержант? По какой дороге теперь?

– Там видно будет, – улыбнулся Валентин, переглядываясь с Людочкой и втайне желая найти повод сесть к ней поближе.

Она явно поощряла его интерес к себе, но вот Жора, заметив их игру, почему-то стал хмуриться и отводить взгляд. Таня с беспокойством посматривала на Жору, и Валентину захотелось, чтобы она сегодня пошла его провожать. Тогда бы они с Людой остались одни.

Горько вздохнув, Юрий Борисович налил теперь только мужчинам уже из второй откупоренной бутылки, которая появилась у него в руках словно из ничего. – Но ты, скажу тебе, приедешь домой – батьке своему передай про наш разговорю Ладно?..

– Ладно, передам. – И чтобы совсем успокоить главу застолья, добавил: – Да я пока никуда и не пойду. Я ещё посмотрю.

– Во? Это уже разговор! – Повеселел Юрий Борисович и, подымая свою рюмку, уже умиротворённо проворковал: – Приглядись, прикинь. Сюда приедь, с ребятами своими познакомлю! Орлы, скажу тебе…

– Мы это уже слышали, – вставила жена, и все засмеялись.

Жора, хоть и чокнулся, выпить на этот раз отказался. Вышел из-за стола, включил радиолу и вдруг пригласил танцевать Люду.

«Во, змей! Упредил меня», – удивился Валентин такому «финту». Стало досадно, и он выпил вслед за хозяином. Только успел закусить солёным грибком, как подошла Таня и сделала перед ним шутливый реверанс. Валентин поспешно вскочил, одёрнул китель и осторожно обнял её за гибкую талию.

Таня была тонкой, игрушечно-изящной в его руках, и он почти не видел её лица. Это медленное танго танцевал с нею, а затылком и спиной ощущал взгляды Людочки.

– Ну что, мать? Может, и мы попробуем? – Юрий Борисович шустро подхватил упиравшуюся супругу, вывел её на середину гостиной. Потоптался некоторое время, как и все другие, а потом, разохотясь, сделал мудрёное па, скорее плясовое, чем танцевальное, и задел нечаянно Жору.

– Ну и локти у тебя, дядя Юра! – проворчал Егорий из-под люстры.

– Чего? – шало спросит тот.

– Локти вострые, дарагой! – укоризненно произнёс Жора.

–А-а… Гуляй, русская душа! – вскрикнул хозяин и, отпустив жену, простучал домашними сандалетами чечёточную дробь.

Танго закончилось. Валентин заметил, что Жора сказал что-то Люде, а та вроде обиделась и ответила кратко, сердито.

«Чего это они не поделили?» – подумалось ему вскользь. Жора поле танца приуныл, выпил свою рюмку, и Валентина это обрадовало.

– Так что, может, останешься до понедельника? – переводя дух, спросил Юрий Борисович.

– Ну ты парня с толку-то не сбивай, – на этот раз строго возразила жена. – Его мать-отец ждут…

– Да?.. Верно, мать, говоришь. Потом. Не горит!.. А ты, батьке всё ж расскажи, ладно? – снова напомнил он.

– Обязательно! – пообещал Валентин и, дрожа коленками, поднялся пригласить на танец Люду. Следом за ними вышли Жора и Таней. Жора вдруг оживился, сгибаясь спиной, что-то забубнил ей в ухо, и потом – даже взгляда не бросил на них с Людой. Да Валентин уже и не заметил бы ничего такого…

Он обнял её, тёплую и податливую. Почувствовал, как сильно заколотилось его сердце. Глубоко вздохнув, выдохнул и лишь потом загляну её в глаза. И словно утонул на мгновение в мерцающих потёмках её зрачков. Неслышно прикоснулся губами к пушистым волосам, вдохнул их тёплый чистый запах и зажмурился… Потом они о чём-то говорили, о каких-то пустяках, и обоим было хорошо.

Среди танца, словно очнувшись, Валентин рассеянно слушал, как Юрий Борисович за столом говорил жене, жалуясь на кого-то:

–…Я вот бригадир – и вижу. Один – ни хрена не делает, а другой хоть что-то делает. А я что? Одинаково уважать их должен?.. Э-эх, неправильно, мать, живём. Серо, скучно живём. Мелочи-имся!..

«Ну, вот, – усмехнулся Валентин про себя. – А меня тянет на комбинат свой…»

Музыка умолкла. Люда заглянула ему снизу в глаза, и у него перехватило дыхание. Её рука, прохладная и доверчивая, задержалась в его ладони, а потом – состоялось лёгкое и тайное пожатие. Люда скользнула от него на диван и заговорила, смеясь, с Таней.

– Молодцы! – Похвалил молодёжь Юрий Борисович, налил мужчинам ещё по рюмке и, в продолжение разговора, сказал жене: – Завидно кой-кому, вот и не дают развернуться. Заработки, мол, у вас… Спать, им, вишь, худо от наших заработков!.. Ну, давайте, мужики, пропустим ещё по одной!

На следующий и последний танец Люда пригласила Валентина сама. А Жора опять танцевал с Таней. Глядя на них растрогано, жена Юрия Борисовича слушала и не слушала мужа. Тот грустно вещал:

– Я вот тоже в деревне хотел бы пожить. С усадьбой чтоб, с огородиком… У речки где-нибудь. Мы ж с тобой, мать, тоже деревенские, а? Тянет ведь, а? Живёт эта зараза – тоска!.. Может, он и молодец, что упёрся?

Когда танец окончился, Валентин сел за стол уже рядом с Людой. Юрий Борисович видел такую передислокацию, но значения ей не придал. В нём бушевали другие чувства.

– Валёк, речка, говоришь, у вас?.. И грибы близко?.. А я вот возьму да прикачу в гости. Проверить! – хмельно засмеялся он.

– Приезжайте! В любое время!

Таня посмотрела на часы, перешептнулась с Людой.

– Ну что, сержант? Врежем ещё по стопарику или…

– Тебе-то хватит, пожалуй, – урезонила жена.

– И мне достаточно, – поддержал её Валентин. – Спасибо!

–Да? Ну, ладно, – согласно закивал Юрий Борисович. Хватит – так хватит. Говорят, главное – вóвремя остановиться. Пусть на опохмелку останется. У кого голова болеть будет. – И без всякого перехода поделился вдруг с гостем: – Я ведь тоже, Валёк, деревенский, только с других мест. Могилки там! Дедовские… И съездить некогда. Всё работа!.. А я тоже хотел бы у речки, с огородиком чтоб…, – тут голос его дрогнул.

Жора, с разомлевшим видом, по настоянию Тани ковырял что-то вилкой и кивал-кивал, будто соглашаясь с хозяином.

Тут все решили, что уже поздно. Встали, засобирались.

– Песню! – вскричал, вскакивая, Юрий Борисович. – Напоследок – песню!.. А то и не выпущу никого!.. Егорий, давай нашу, флотскую!..

Загородив выход в прихожую, он густо и приятно завёл:

Прощайте, скалистые горы.
На подвиг Отчизна зовёт!..

Жора с хмельной улыбкой, зажмурившись от удовольствия, подтянул:

Мы вышли в открытое море…

Дуэт получился хоть и не совсем слаженный, но мощный, и соседи по блочному дому, наверное, оценили это. Жена замахала на них руками, девушки засмеялись, но Юрий Борисович, уже в

одиночку, упрямо вытянул начало припева:

А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля…

Тут он не выдержал и утёр набежавшую слезу. А потом, когда молодёжь одевалась в передней, прохаживался по гостиной и мурлыкал уже спокойно и даже задумчиво:

На-ни-на-на, ни-на,
На-ни-на-на, ни-на,
Родимая наша земля.

Валентин накинул шинель и пошёл провожать Люду. Дверь в квартиру за ним не запирали, надеясь, что вернётся скоро. Провожать было недалеко, до соседнего подъезда. А он пошёл – и застрял чуть ли не на час…

На полутёмной лестничной площадке четвёртого этажа было совсем тихо, и, как казалось ему, безопасно. Тёмные глаза Люды, узко посаженные, поблёскивали в сумерках, манили к себе, ласкали. А губы, оказавшиеся сухими и горячими, становились всё жаднее. Не говоря друг другу ни единого сло́ва, они целовались так, будто всё это было последним у них в жизни… И лишь потом пришли слова́.

– Ты приедешь? – шёпотом спрашивала она.

– Приеду! – не раздумывая и тоже шёпотом, отвечал он. – Мы ещё увидимся с тобой! Увидимся ведь, правда?

Она кивала согласно. И говорила, словно оправдываясь перед кем-то, известном только ей одной:

– Что будет завтра – я не знаю. И знать не хочу!..

А он, снова целу́я её и теряя на мгновенье голову, бубнил:

– Я приеду. Скоро, наверное… Ты будешь ждать?

Она улыбалась и молча кивала.

– А как тебя найти?

Она снова улыбалась и указывала пальцем сначала на номер их квартиры – тридцать первый, а потом – на кнопку звонка.

Теперь он кивал и отмечал машинально: «Тридцать один: это – тринадцать наоборот. Легко запоминается»

…Возвращался он к Кудрявцевым – как вор.

Юрий Борисович, оказалось, не ложился, а сидел в кухне. Ждал, не дождался и уснул за кухонным столом, уронив голову на развёрнутую газету, просматривать которую начал перед приездом гостя. Две чашки стояли на столе: одна с недопитым чаем, а другая – пустая, для Валентина. Чайник на газовой плите совсем остыл…

Пришлось будить Юрия Борисовича. Сразу и улеглись оба.

Валентину было постелено в Димкиной комнате. В глубокий сон сержант провалился «дисциплинированно». Почти сразу.

***

...Проснувшись и вспоминая вчерашнее, Валентин разволновался вдруг. «Наверное, обиделся на меня», – подумал про Юрия Борисовича. А ещё – только сейчас, наутро, пришло ему в голову, что Люда могла быть Димкиной, школьной ещё, зазнобой. Ведь был ему вчера какой-то туманный намёк от Жоры… Вот почему вспоминать вчерашнее было хоть и приятно, но и стыдно перед далёким Димкой. Стыдно, хотя… ничего страшного ведь и не произошло. Ну, целовались с ней. Ну, обещал приехать и, пожалуй, приедет…

Время, снова глянул он на часы, катило к шести. Скоро затрещит будильник у Юрия Борисовича. Лежать становилось тягостно. Собравшись с духом, Валентин бесшумно вскочил с диванчика. Проделал несколько глубоких наклонов вперёд туловищем, потом – приседаний. В виска́х тяжело забилась кровь, во рту и в горле сделалось до рези сухо. Какая там зарядка! С похмелья – не то, никакого удовольствия. Да и не выспался, чувствовал.

«Ну, ничего, теперь до́ма отосплюсь!» – бодро заключил он и принялся заправлять постель. Постелили ему, обратил внимание, всё чистое, свежее, и от этого тоже стало немного совестно: ему – как человеку. А он… Дон-Жуан нашёлся!

Прибрав постель, Валентин быстро и так же бесшумно оделся и, прежде чем выйти в коридорчик, глубоко вдохнул-выдохнул, по строевому подтянулся. Затем вошёл в ванную комнату. Заново оглядел всё, невольно позавидовав: «Не то, что в деревне!» Не решаясь включать электробритву сейчас, пока хозяева спят, стал с наслаждением умываться, пробуя на вкус воду из-под крана.

«А из нашего Кипуна́ вкуснее!» – вспомнил про знаменитый в их округе родник. Любил ходить за водой именно к нему. Часто заглядывал вглубь бревенчатого сруба, рассматривая в сумеречном свете тайные взблески оттуда и кружение песчинок. Вода на дне словно вскипала, была подвижна и загадочна. Потому, наверное, и прозвали этот родник Кипуно́м.

А сейчас, сквозь видение живой воды возникли в памяти и глаза Людмилы, Людочки. И явственно ощутились губы её, горячие и жадные. «Интересно, – подумал он, – спит она?..» так и рванул бы сейчас в соседний подъезд… Спугнули эти видения

шаркающие шаги Юрия Борисовича. Он легонько прокашлялся, давая знать о себе, и поставил чайник на плиту.

«А чайку-то хорошо бы!» – обрадовался Валентин, и уже смело включил электробритву… Как-то отчётливо осознал сейчас, что поубавилось у него прежней беззаботности. Пока спал, «машина» мозга перебрала вчерашние впечатления и выдала итогом… нет, не результат, а лишь вопросы и сомнения. Получалось, что уже давно праздник возвращения загораживал все житейские проблемы, будто их и не было. Жить – есть где, работа – найдётся… А тут впервые – и беспокойно стало: как же всё сложится у него впереди?.. Ну, да, например, дом у них неплохой. Но хотелось бы и квартиру иметь вот такую, как у Кудрявцевых, или хотя бы комнату, как у Димки, иметь – и строить в ней жизнь самому и по-своему. Таких квартир в Сельском Городке не было и вскоре не предвиделось…

Приведя себя в порядок и накинув китель, он вышел в кухню, виновато улыбаясь. На плите, действительно, грелся чайник. Юрий Борисович за столом просматривал так и не дочитанную вчера газету, видок у него был слегка помятый и тоже немного виноватый.

– Ну как самочувствие-то? – осведомился он однако же весело.

– Отлично! – бодро соврал Валентин.

– Может, стопочку дёрнешь? Чтоб рассосалось…

– Не-е, теперь уж до дому…

–Ну, смотри. А я, пожалуй… У меня выходной. Жаль, жаль, что торопишься. Могли б сегодня в город прогуляться… Людку бы можно с собой затащить. – Тут он заговорщицки подмигнул и словно секрет открыл: – Девка холостая. Ничейная!..

Наливая себе чаю, Валентин только сейчас сообразил, что не знает ни её фамилии, ни чем она занимается. На его вопрос Юрий Борисович засмеялся.

– Во, молодёжь пошла! Небось потискал вчера, а фамилию и не спросил?.. Э-э, она, брат, студентка медицинского института. Да-а, вот так! Будущий врач, а не… фунт изюму!.. Хорошая девушка, скажу тебе. На полном серьёзе. И ты это учти, на будущее…

Глотая горячий крепкий чай, Валентин с удовольствием слушал неспешный говорок хозяина, и на миг пришло ощущение, что ехать ещё куда-то не обязательно, что тут вот – словно дома он.

– Ты, Валёк, связи с нами не порывай. К нам – всегда пожалуйста. У нас, как видишь, просто. По русскому!.. Заглядывай, без всяких там.

– Ну а вы – к нам, как-нибудь. За грибами или… вообще.

– Не торопись, оглядись сначала. Мало ли как там получится? Так что имей в виду про наш комбинат… Я вчера хоть и выпивши был, а всё сказал как есть, от слов своих не отказываюсь… А пока я тут справки наведу…

За чаем помолчали душевно

– Пора мне, Юрий Борисович.

– Жаль, жаль, что торопишься, – пробубнил тот. – Напиши-ка адресок ваш, почтовый. Вот здесь, на газетине…

А на лестничной площадке крепко тиснул сержанта за плечи, махнул рукой и, пряча глаза, ушёл в свою крепость. Потом вдруг высунулся:

– На автовокзал-то на двойке едь!..

– Спасибо! Разберёмся…

Выйдя во двор дома, Валентин «вычислил» балкон тридцать первой квартиры. Зелёный ящик для цветов пустовал, верёвочка для белья. Ничего особенного. «Заскочить бы к ней, пока на лекции не ушла. Да разве можно сейчас?»

…Автобус нудно выбирался из города, а миновав промзоны – разогнался, покачиваясь на поворотах и мостиках. Изредка притормаживал возле деревень, подбирая путников. Убаюканный качкой, Валентин подрёмывал. Сладко размышлялось обо всём сразу – о друзьях из их роты и о Москве, о вчерашнем вечере…

Дома его не ждут с утра, да и не надо. От автобусной остановки совсем недалеко до почты, где «несёт службу» мама – Вера. Сразу и забежит к ней!.. А потом и Катеринка из школы явится. Батя-то в лесхозе, как обычно, дотемна.

На подъезде к Сельскому Городку уже не дремалось. Валентин всматривался в знакомые места. Шоссе шло по холмам вдоль речки. В перелесках, фиолетово сквозящих, набухали почки, готовилась проявить первую зелень черёмуха. Из-за урчания мотора не слышно было, но он точно знал, что всюду здесь заливаются птахи. В апреле – что ни день, то новое событие в природе. Сыро, свежо, странно мóлодо… Ликующая весна вершилась в мире. А на припёках временами уже накатывала, предвещая неизбежное лето, парна́я теплынь…

Показались домишки на горé, двухэтажный белый дом школьного интерната. Поодаль торчала железная труба льнозаводика, и дымок из неё шёл спокойненько, как ни в чём ни бывало.

А вот и старая, выпуклая посередине мостовая легла под колёса. И остановка у заржавелой мачты без флага на пустынной площади.

Сначала сошли незнакомые старушки, суетясь и переговариваясь. А потом и он сошёл – счастливый и щедрый. Сошёл, почти не чувствуя земли…

Ида
(История одной картины Валентина Серова)

Ни одна из работ Валентина Серова не вызывала у современников таких противоречивых оценок. При том, что сам-то художник портретом Иды Рубинштейн был вполне доволен…

Впервые Серов увидел её в балете «Клеопатра» на парижской сцене. Ида привлекала всеобщее внимание необычной внешностью. Высокая, тонкая, с гривой чёрных волос, она напоминала художнику египетскую принцессу с каменных барельефов. Ида умела соединить в своём искусстве древность и современность. Наблюдая за ней, Серов представлял исчезнувшие во тьме веков Ассирию и Древний Египет, пустыни Ближнего Востока и фараонов, которыми умели управлять такие вот, как Ида, обольстительницы мужских сердец…

В ту пору Серов участвовал в подготовке первых «русских сезонов», организованных Дягилевым для пропаганды отечественного искусства за рубежом. Он усиленно изучал персидское художественное наследие, намереваясь расписывать огромный театральный занавес для балета «Шахерезада». Это для заработка. А «для души» – делал в студии эскизы на античные мотивы. В заделе у него имелись два больших полотна – «Похищение Европы» и «Одиссей и Навзикая». И вдруг Ида возникла!.. Серов сразу увлёкся замыслом делать её портрет, не бросая другие наработки. Но – согласится ли тридцатилетняя красавица, познавшая шумный успех и славу, позировать ему? Причём, с непременным условием – в обнажённом виде…

Художник Бакст представил Иде знаменитого Серова. При разговоре о каких-то пустяках она всмотрелась в него каким-то проникающим взглядом, словно мысли считывая. Он даже усмехнулся: «Ну, прямо колдунья!» Она согласилась позировать. На любых условиях, в том числе и в «костюме Евы», как пошутил Бакст.

Студию Серов снимал в пустующей церкви бывшего аббатства

«Шапель». В многочисленных кельях, где когда-то обитали монахи, теперь проживали в основном артисты и художники. Серов чередовал сеансы с другой работой, так что с портретом дело затянулось.

Когда Ида проходила по монастырскому двору к церкви, из окон келий высовывались головы. Всем хотелось посмотреть на известную артистку, привлекавшую внимание своими экстравагантными нарядами.

Обычно Иде был присущ, как сказали бы психологи, «повышенный уровень тревожности». А на сеансах у Серова она успокаивалась. Эта «гордячка» почувствовала в нём не только спокойную, уравновешенную силу, но и творца, равного себе. Её высокомерие и снобизм исчезали. Ида проявляла полное самообладание и поразительное терпение, словно стремясь соучаствовать в творческом процессе.

Иде всё здесь нравилось: и что проходят сеансы в бывшей церкви, куда свет проникает не только через стрельчатые окна, но и сквозь витражи из цветных стёкол, и что позирует она голой, а на пальцах рук и ног у неё надеты перстни со сверкающими драгоценными камнями. Это было совершенно в её духе – богемы и декаданса…

Радовала её и возможность беседовать с художником буквально обо всём, что придёт в голову. Только сперва принять в начале сеанса установленную им позу – несколько странную, но вскоре ставшую привычной….

А слушателем Серов оказался идеальным: никогда не перебивал, не иронизировал, чего она терпеть не могла!..

Происходила Ида из очень богатой еврейской семьи, выросла в Петербурге. У неё рано проявились артистические способности, и она с гимназических лет мечтала о театральной карьере. Видела себя героиней драмы и высокой трагедии. Её привлекали острые конфликты, психологизм и экзотичность с налётом эротики… У этой девушки, щедро одарённой от природы красотой и талантами, были и финансовые возможности брать уроки сценического мастерства и танца у лучших педагогов и актёров.

Начать карьеру Ида попыталась в театре Комиссаржевской. Там ценились мягкая женственность и лирические мотивы. А Ида выглядела в этом коллективе «белой вороной»: приезжала в роскошной карете, бравируя дорогими нарядами и вызывающе яркой косметикой. Держалась высокомерно… Она вполне готова

была исполнить роль Саломеи в пьесе Уайльда, но … постановку неожиданно запретила цензура, посчитав её чрезмерно эротичной…

Уйдя из театра, Ида пробовала поставить эту пьесу дома, на личные средства. Но подвели её самонадеянность и даже некоторый авантюризм. Дело закончилось весёлой вечеринкой с обилием шампанского…

С удовольствием взявшись за работу, Серов вовсе не был уверен, что сумеет раскрыть сложный характер «модели». Ему-то в образе Иды хотелось слить воедино древность и современный модерн… А радовало – что портрет не заказной, и можно поэтому дать себе свободу, смело экспериментировать. И сроки не поджимали, как получится – так и ладно…

Рассказывая о своих ролях в театре, Ида как бы погружалась во вневременное пространство, где ощущались зов и голоса предков из библейских времён. А он в эти, драгоценные для художника моменты «внутреннего зрения», улавливал в её облике память о вековых страданиях еврейских женщин на путях к обретению родины и покоя…

…Общаясь с Идой, Серов как-то воспрял духом и перестал постоянно думать о смерти. Ведь это длилось уже восьмой год – после тяжёлой операции в 1903 году по поводу прободения язвы желудка. Хирурги в клинике князя Чегодаева вытащили его с того света, но с тех пор он как будто «зациклился» на ожидании смерти. Врачи запретили ему курить и много работать, а он, упрямец, делал всё наоборот. Если же нездоровилось, становился злым и впадал в депрессию…

Приятная работа над портретом «для себя», «для души», общение с Идой всколыхнули в нём надежды на жизнь, взбодрили его настолько, что он подумывал о поездке на Кавказ с другом – Василием Матэ.

А ещё – Серов размышлял о своей семье. И как-то отчётливее, глубже осознал, что ни с кем бы на свете, кроме своей Ольги Фёдоровны, не смог бы ужиться со своим тяжёлым, скверным характером. Именно она – Лелюшка, как называл он её все эти годы – была его главным ангелом-хранителем. Не смог бы он без неё ничего сделать из того, что удалось сделать за эти двадцать с лишним лет…

Ида не подозревала, что он был благодарен ей даже за то, что она есть и встретилась на его пути, что побудила его размышлять вот так и прийти к таким, очень важным для него выводам…

Он не торопился заканчивать портрет, делал ещё и эскизы…

Серов теперь и жену жалел как-то по-другому. Лелюшка была уже многодетной матерью, столько сил и заботы положила на них – на детей и на него. Поразительно: он не припомнил, чтобы она когда-нибудь жаловалась… Ему даже совестно перед ней становилось, и он со щемящей болью чувствовал, что любит её ничуть не меньше, продолжает любить… Именно эта сладкая боль и побудила его рассказать ей обо всём в письме. Он и раньше-то всегда подробно сообщал ей о своих делах и впечатлениях. Это доставляло ему радость – делиться с нею «текучкой» и сокровенным. Друзья-художники знали об этом и удивлялись: такое встречается редко.

А это письмо он напишет в начале февраля. Оно сохранилось: «Милая Лелюшка, как-то ты поживаешь? Хорошо ли доехала в Домотканово? Напиши-ка мне скорее…» Он себя и «Антоном-Горемыкой» в нём назвал, потому что вынужден в этот раз зарабатывать вдалеке от дома и семьи. Письмо было длинное, подробное. «…Прощай, до свиданья, голубчик мой. Целую тебя и девочку (дочь Наташу). Хочется к тебе очень…»

Прочитав в середине послания, как он вдруг благодарит её за все двадцать два года, прожитые вместе и в любви, Ольга Фёдоровна встревожится: неужели, предчувствуя что-то, он как бы заранее прощается с нею? Или, может, заболеет опять?.. Она и всплакнула немного. Но и благодарна была мужу: ведь, что на этом свете может быть важнее и дороже любви?..

В один из сеансов Серов отвлёкся от работы – побаливала голова. Он потёр виски, стал нюхать нашатырь… Ида встрепенулась нахохлившейся птицей. Глянула в него по-своему, проникающе, и вдруг спросила:

– Валентин Александрович, скажите, вы любите свою жену? – Она рассматривала его строго и требовательно.

Серов чуть не поперхнулся от неожиданности.

– Разумеется, Ида Львовна, – мрачно и твёрдо ответил он.

– А скажите, – не унималась Ида, – бывает любовь навсегда?

– Как это?..

– Ну, чтобы на всю жизнь…

– М-м… Думаю, что бывает.

Она отвернулась и задумалась о своём.

…Серов почему-то жалел Иду. Он ощущал в ней некий внутренний надрыв, который не сулил ей безмятежного будущего и мог толкать на опрометчивые поступки.

Они оба не торопились с портретом, и по обоюдному согласию решили сделать перерыв на неопределённое время. Серов, пока хорошее самочувствие, собрался, наконец, в Испанию. Много лет мечтал побывать в мадридском музее Прадо, да всё как-то не получалось… С позиций теперешнего опыта в пастелях гениального Гойи он не обнаружил каких-то особенных секретов, всё «расшифровывал…» Непостижимым оставалось мастерство Веласкеса: перед его полотнами Серов как-то терялся в догадках и робел, ощущая себя «вечным студентом»… Побывать в Испании оказалось просто счастьем.

А Ида в те дни уехала на коммерческое сафари в Африку. Тренировалась в стрельбе из снайперской винтовки. Участвовала в облавах на крупных зверей, и самолично застрелила льва-людоеда, нападавшего на туземные деревушки… Ида и тут была непредсказуема и неподражаема.

***

И вот – портрет закончен. Серов решил показать его само́й «модели».

Глазами, расширенными точно от ужаса, Ида несколько долгих мгновений просматривала всё поле полотна. Потом ладонями охватила вспыхнувшие щёки и … расхохоталась. Да так заливисто, что и «скучный» Серов заулыбался. «Умница! Она всё-всё поняла!..»

Ида точно предугадала, что портрет вызовет скандальчик, и это уже сейчас её забавляло… Прощаясь, она игриво помахала Серову ручкой, а он смотрел ей вслед и любовался этой женщиной…

Посмотрел портрет и граф Дмитрий Иванович Толстой, недавно назначенный комиссаром русского отдела Всемирной художественной выставки. Открытие намечалось весной будущего года, в Риме. Граф был немного озадачен новым произведением высоко ценимого им художника, но обнадёжил, что постарается выхлопотать у высокого начальства средства на закупку портрета для императорского музея Александра III (впоследствии – Русского музея). Договорились, что картина останется пока здесь, в Париже, и до открытия выставки побудет в секрете…

Собравшись уезжать, семья давно ждала его на даче, Серов устроил небольшой ритуал. Уселся на высокий табурет, закурил сигару и стал вглядываться в портрет, размышляя: что не так, правильно ли всё сделано?.. Если портрет «глядит», говаривал его наставник по Академии живописи профессор Чистяков, значит,

удача… Вскоре Серову почудилось, что Ида с портрета сама рассматривает его, словно оценивая и желая спросить о чём-то. Значит, «глядит»!..

Смущала Серова лишь внешняя бесстрастность «модели». Он-то знал, какой фонтан страстей упрятан в ней. Но затем посчитал – пусть зритель сам догадается об этом…

В эти минуты он окончательно решил: ни за какие деньги не продавать картину в частные руки. Это значило бы как «похоронить» её. Нет, только в музей!..

– Ну-с, что же, сударыня? До свидания! – сказал он портрету и накрыл его чистой холстиной – от света и посторонних глаз.

…Серову мечталось потягаться с молодёжью. Сформировалось целое поколение талантливых живописцев, и ему было интересно, не затеряется ли его «Ида» среди наступающего модерна и декадентщины?

Слухи о существовании новой работы Серова всё же распространялись, вызывали любопытство среди художников и ценителей живописи. Всемирную выставку ждали, как огромного события…

У графа Толстого Д.И. возникли было трения с академиками, которые не одобряли закупку новой работы Серова: непонятно что и слишком дорого!.. Но Дмитрий Иванович сумел убедить сиятельное начальство в Петербурге выделить из госказны четыре тысячи рублей на приобретение картины для императорского музея. Граф немного слукавил: шепнул кое-кому, что иначе портрет купит Третьяков для Московской галереи, за пять тысяч… Серов впоследствии получит деньги, в которых нуждалось его семейство.

В Москве, в мастерской сына, его мать, Валентина Семёновна, случайно увидела фотографию портрета Иды.

– Это что за уродина? – изумилась она. – Неужели это Идочка?.. И ты считаешь, что красиво?..

– Осторожнее, мама! – Сурово одёрнул её Валентин Александрович. – Осторожнее!..

Ни оправдываться, ни разубеждать он и не подумал. Никогда этого не делал.

…После открытия выставки портрет Иды заметили сразу, ибо Серов был в числе самых известных за границей русских художников. Разноголосица в прессе оказалась поразительна. Биографы собрали целую коллекцию уничтожающих оценок. Иду

называли «карикатурой» и «кузнечиком», «скелетообразным существом с плоской спиной» и «судорожной гримасой тонкого реалиста». Даже бывший наставник Серова, Илья Репин, сгоряча назвал её «гальванизированным трупом»… Отмечались также «ядовитое очарование модели», «манерность и вычурность позы»…

С другой стороны, были восторженные оценки, особенно молодёжью. Серов как бы узаконил их стилевые поиски в направлении «новейшего импрессионизма». Давно было ясно, что традиционный реализм ограничен в своих возможностях постижения действительности. Само время породило запрос на нечто новое… Доброжелательно настроенный зритель увидел в работе Серова гротеск и гиперболу. Художник умышленно утрирует худобу модели, и получается «странная и очаровательная вещь», в которой «оригинальность замысла» сочетается с «утончённым синтезом». Автора называют даже «магом кисти», который «сделал шаг в новую область современного модернизма». Метафоричность заложена тут в каждой детали, а самое главное – художник сумел изобразить своеобразную натуру артистки, характер экзотической женщины, передал дух богемы и декаданса…

Восхищались лаконизмом художественных средств. Всё предельно просто, и это лишь пробуждает фантазию зрителя, тот соучаствует в постижении образа…

Шоком для многих оказалось известие о неожиданной и преждевременной кончине художника в ноябре 1911 года… Словно осознавая глубину понесённой утраты, критики стали внимательнее вглядываться в это произведение и находить в нём несомненные достоинства. В течение трёх лет полемика ещё продолжалась, портрет Иды назвали «лебединой песней» художника…

Смерть Серова как бы канонизировала портрет. Если ранее академисты предлагали «выселить» Иду в запасники музея, то теперь об этом не могло быть и речи.

***

Ида и знать не знала, что незадолго до трагедии с Серовым о ней вспоминали в Москве…

Художник вернулся из Домотканова, где после игры в городки у него произошёл сердечный приступ. Теперь он лечился на дому, понемногу работая над иллюстрациями к басням Крылова.

Как-то Ольга Фёдоровна подсела к нему на диван. Заглянула в его альбомчик: чего он там рисует?.. И засмеялась, уж очень забавно выглядела лиса, выпрашивая у вороны сыр… А потом, повинуясь неясному побуждению, задала мужу вопрос, который уже давно то и дело возникал у неё, а спросить она как-то не решалась… Что заставило его написать то письмо, в феврале? В котором он вдруг благодарил её за двадцать два года совместной жизни… Она ведь встревожилась тогда…

– Ида надоумила, – усмехнулся он.

– Ида?.. Да как же это?

– Про тебя спрашивала.

– Про меня?!

– Да… Люблю я жену?

– Ой!.. И ты… ты ответил?

– Ответил, – проговорил Серов, подправляя в альбомчике силуэт вороны. – Что люблю.

– Ты дурачок, Антоша, – она часто называла его этим детским прозвищем.

– Знаю, – согласился он. – Умные живут до ста…

– Значит, Ида? – Помолчав, Ольга Фёдоровна добавила: – Я помолюсь за неё…

***

Так уж устроен мир людей: вокруг известных личностей всегда ходят разные слухи. Серов, давно зная богатую фантазию зрителей, к сплетням и домыслам относился как-то отстранённо… А Иду они забавляли. В её окружении чего только не болтали! Даже, мол, влюблена была в того художника. Ну, разве нет? Почему ж тогда горевала, узнав про его кончину?..

Кто ж поймёт загадочную женскую душу, если она сама себя иной раз понять не может? Если там и была какая-то тайна, её уже не узнать. Да и надо ли это пытаться делать? Есть ли у нас на это право?..

***

Священник небольшого московского храма, куда захаживала Ольга Фёдоровна, как-то спросил: кем ей приходится Ида Рубинштейн? Она православная или иудейка?..

– Это хороший человек, – отвечала вдова художника. – Я молюсь за неё…

Батюшка кивнул понимающе и сотворил заказанный помин, как и положено – не заботясь о том, крещена ли в православии раба

Божия Ида Рубинштейн. У единого Бога – все мы – дети его.

***

Правы знатоки: в должной мере оценить это произведение Валентина Серова можно лишь ознакомившись с оригиналом, в Русском музее.

Экскурсоводы здесь – хорошо осведомлённые люди. От них мы знаем не только историю создания картины, но и про судьбу Иды Львовны… В Россию она уже не вернулась. В 20-ые годы организовала собственную балетную труппу, в составе которой и сама иногда выходила на сцену… В 1939 году, когда гитлеровцы оккупировали Францию, Ида Львовна переселилась в Лондон. Ей было уже под шестьдесят, но она какое-то время ещё и работала в лазарете для раненых французских и английских солдат. Видимо, посчитала это своим долгом. Превыше всего она ценила свободу, а нацизм – ненавидела…

Печальнее всего, что стало подводить здоровье. Врачи обнаружили у неё истощение – физическое и нервной системы… Вернувшись во Францию, Ида Львовна перешла в католичество и последние десять лет своей жизни провела в монастыре на юге страны.

Скончалась она в 1960-м, на 81-м году. Почти на полвека пережив художника Валентина Серова.

…Сюда, в Русский музей, в разные годы приезжали посмотреть портрет танцовщицы Рубинштейн её дальние родственники и потомки, которых великие потрясения века рассеяли по свету. Некоторым из них после войны довелось навещать Иду в монастыре. Она не чуралась общения, была приветлива и откровенна. Признавалась, что обращение к религии оказалось для неё спасительным, прежние приступы депрессии и отчаяния сменились безмятежным состоянием души… Она хорошо помнила сеансы позирования у Серова, их беседы. Называла его «печальным гением». Сожалея, что слишком рано – всего в сорок шесть лет – ушёл он из жизни, Ида Львовна то ли в шутку, то ли всерьёз – как человек верующий – обмолвилась, что, наверное, уже скоро встретятся они «там». Будет о чём поговорить, ведь столько всего стряслось в этом многострадальном мире за истекшие полвека!..

Вместо эпилога

Вот ведь как получается. Встретились два ярких, самобытных таланта – и разошлись. Ничего особенного и не произошло… А людям интереснее полагать, что это не совсем так. Хочется верить в нетленность бескорыстных платонических чувств: будто бы не

исчезают они насовсем из ауры Земли, а возносятся ввысь, в ноосферу, где и пребывают вне времени.

И надеяться хочется, что именно там, в поднебесной недосягаемости, нескончаемо длится бестелесное и безгрешное общение, для которого, так уж вышло, не нашлось местечка на земле…

…Людям свойственно полагать, что необъяснимое божественное – именно там, в Царствии Небесном. То ли не догадываясь, то ли не желая поверить, что искать его нужно в самих себе. И здесь, на Земле. И вовсе это ни наивно, ни смешно.

Лихославль, ноябрь 2016 г.

Найда-спасительница

Найда – охотничья собачка. Старенькая уже. Гуляет она вместе с курами за оградой, во дворе. Пошатывается… Вот остановилась, широко расставив лапы. Вздохнула животом. Морду подняла – смотрит на голубей, суетящихся на крыше сарая. Глаза слезятся…

Хозяйка наблюдает в кухонное окошко за их собачкой, одряхлевшей настолько, что и смотреть-то порой невмоготу.

– Юр, – окликает мужа, – она и вздыхает-то по-человечьи…

– Да будто не видел! – тот в прихожей сидит, делом занят: новые стельки в сапоги подгоняет. Помолчав, добавляет задумчиво:

– Менять надо…

И сам вздыхает: жалко псину-то! Столько лет шастали с ней по окрестным лесам. Натаскана была его лаечка на разную дичь. Всегда работяща на охотничьей тропе. А уж смышлёная!.. Команды понимала лучше иного охотника «из городов», который даже отстоять на «номере», не дёргаясь, не может…

Работает Юрий Иваныч на железной дороге, в бригаде путейцев-ремонтников. А охотой занимается в свободное от службы время. Оба они с хозяйкой уже согласны, что пора заводить лаечку помоложе. А вот как с этой-то расстаться?.. Не морить же голодом!.. Однажды совещались за чаем на этот счёт – и стыдно было друг перед другом… Но решение всё же созрело. Тем более, что подыскали и породистого щенка на замену.

…В очередной выходной день Юрий Иванович с утра пораньше ушёл с Найдой в лес. Не в привычные их места, а в глухое урочище, где давным-давно не бывал. Пришлось не раз останавливаться, когда собачка отставала. Плетётся потихонечку, с одышкой. Видно, что мается, мучится… А ему на душе – паскудненько. Недоброе дело затеял…

Подходящее место приглянулось среди бурелома. Присел на толстую валёжину. Достал из рюкзака угощение. С рук покормил Найдочку. Смотрел в её слезящиеся глаза – и у самого затуманилось всё перед взором.

Ружьё стояло рядом. Картечью зарядил. Решил, что так будет лучше: чтоб сразу и не мучилась. Бог простит!..

Пристегнул поводок к ошейнику и накинул его на кустик. Отошёл, стал прицеливаться, но… что-то мешало под ногой. Холмик какой-то скользкий. Переступил на возвышении, намереваясь уже выстрелить. Да и собачка ждала. Стояла смирно, смотрела на хозяина словно в недоумении: что происходит?..

И вдруг левая нога у Юрия Ивановича провалилась между сучьями. Глубоко!.. Наклонился он, выбираясь, и только сейчас обратил внимание на желтоватый продух в неглубоком снегу. И запашок звериный, отвратный, пахнул в лицо. А потом и шум, рычанье услышал там, под сучьями. Так и обмер от ужаса: берлога?! И чего попёрся сюда? Говорили же мужики, что на медведя нарваться можно в этом урочище.

Через несколько секунд или мгновений потревоженный зверь раздвинул сучья и высунул оскаленную морду. Ногу-то Юрий Иванович из провала кое-как выдернул, слава Богу, что сапог не соскочил, а вот отпрыгнуть-то не успел. Шустрый оказался мишка: дотянулся до охотника и цапнул когтистой лапой за рукав брезентухи…

Прочная была куртка, а тут и не выдержала! Прореха зазияла на плече… «Неужели конец?!» – пришла шальная мысль. Оцепенел Юрий Иванович… Но вдруг медведь взвыл и отвернулся от него, стал отбиваться от собаки. Та, сорвавшись с привязи, вцепилась зверю куда-то. Видать, больно сделала. Вот и отвлёкся он от человека, и тут Юрий Иванович не растерялся. Сбросил оцепенение от ужаса. Как-то мгновенно и ловко приставил ствол ружья к уху зверя и нажал на курки. Получилось, что на оба сразу. Они ведь были уже взведены, для родной собачки…

От сдвоенного выстрела больно ударило отдачей в руки. Чуть не выронил ружьё, и сам-то еле удержался на ногах. А зверь – вздрогнул и замер, захрипел, повалился на бок, лишь наполовину высунувшись из берлоги. Найда, откуда вдруг и прыть-то взялась, прыгала вокруг, подлаивала, взвизгивала. А охотника бил «колотун» от холодного пота между лопаток…

Уже в сумерках хозяйка увидела возвращавшихся: мужа в порванной куртке и плетущуюся за ним их собаченьку. Сразу догадалась, что случилось что-то непредвиденное… Когда же узнала про всё в подробностях – расплакалась. И вроде бы с облегчением.

– Я тут места себе не находила, – призналась мужу. – Думала: хоть бы ты промахнулся!..

– А тогда медведь бы загрыз! Не успеть перезарядить… Во ситуация! А?

– Видать, Бог вас миловал обоих, – вздохнула она.

– Не знаю. Бог – не – Бог, а так уж получилось…

С медведем с помощью друзей и местного егеря мужики разобрались. Чуть не налетел Юрий Иванович на крупный штраф за браконьерство. Да как-то обошлось, к счастью.

А что же с Найдой? Доживала она свой век на родной усадьбе. Рядом с молодой охотничьей собакой… Дремлет, бывало, положив морду на вытянутые лапы. Вздрагивает, будто от воспоминаний про отчаянные схватки с разным зверьём…

Проходя мимо, Юрий Иванович иногда треплет её по холке и ласково бубнит:

–У-у, спасительница моя!..

А та что? Жмурится от удовольствия…

… Такая вот история на самом деле произошла в посёлочке при железной дороге на Архангельск. Причём, не очень-то и далеко от космодрома Плесецк, что меня тоже удивило.

Рассказал же её мне один хороший человек, настоящий охотник. А ведь они-то, настоящие охотники – это не рыбаки, врать не станут, потому как не хотят, или просто не умеют.

У «нехорошей» квартиры

…Ручеёк паломников сюда не иссякал никогда. Музей-квартира Михаила Булгакова всегда привлекала самых разных людей, в том числе и странных личностей. Нам, в Литинституте, даже от преподавателей довелось слышать про всякую «чертовщинку», связанную с «нехорошей» квартирой автора «Мастера и Маргариты».

И вот, однажды, подкрепившись пивком после лекций, мы небольшой компанией, наконец-то, и забрели на Большую Садовую к дому номер десять…

Были среди нас знатоки прозы Булгакова. Они и напомнили его

знаменитые афоризмы. В том числе ироничное суждение Воланда.

Посетив Москву советскую, тот обнаружил, что за истёкшие несколько веков население не очень-то изменилось.

– Люди, – печально изрёк Сатана, – по-прежнему любят деньги…

Ну не смешно ли?! Не грустно?..

…Потусовавшись в тот вечер у «нехорошей» квартиры, закрытой для посетителей, мы всё же узнали немало интересного об авторе бессмертного романа. И не только о нём… Так, закончить многострадальную книгу Булгакову удалось только благодаря его третьей жене – Елене Сергеевне Шиловской. Друзья писателя называли её и музой, и… ведьмой.

Любовь Елены оказалась не только окрыляющей, но и требовательной.

Работа над текстами стала более систематичной. Ведь, как известно, Михаил Афанасьевич не был ангельски безгрешен в застольях и вообще по жизни…

Это про себя и про неё намекает Булгаков в романе: страсть поразила обоих внезапно и одновременно. Словно убийца, выскочивший навстречу в узком переулке. Спасения от неё не оказалось… Хотя у обоих были и дети от предыдущих браков, они соединили свои жизни. Наперекор пересудам.

Врач по образованию, Булгаков предугадывал, сколько ещё может ему оставаться. Очень заботило его, чтобы рукописи не затерялись, не пропали бы…

Шиловская сумела уберечь рукописи. Она и в этом оказалась его музой. Что же касается «ведьмы»?.. Не станем ворошить давние сплетни и слухи. А вот об одном происшествии всё же расскажем…

Было это в Киеве, уже на похоронах само́й Елены Сергеевны. В середине мая. В тишайший солнечный денёк… Над городом и окрест – ни облачка, ни ветерка…

Всё шло своим чередом. Вот уже и простились с покойной. А когда опускали гроб в землю – в благостной синеве дважды раздались раскаты грома!.. Очевидцы вспоминали: от неожиданности «мурашки побежали по спине». А кто-то сказал, что это ду́ши их – Елены и Михаила – соединились там, в Царствии Небесном…

И вот, спустя много лет, в центре шумной Москвы, возле «нехорошей» квартиры мы, узнав об этом, ни в чём таком не усомнились. По крайней мере, вслух. А мне-то и сейчас верится, что именно так и произошло тогда над Киевом, в недосягаемом и загадочном поднебесье…

Под те два раската грома – уходила в вечность их роковая, странная любовь. Не про неё ли читаем в Писании? Всё есть суета и томление духа. Всё, кроме любви.

Вместо эпилога – стихотворение в прозе
Первые проталины

В марте на южных склонах косогоров они расплываются мутными от наледи пятнами.

Ещё не раз их припорошит, а то и наглухо заметёт снегами. Но упорно, именно в тех же местах косогоров, они будут снова прорастать сквозь наледь и снег.

Первые проталины… Почему они притягивают взгляд? Не потому ли, что за ними видятся и мутное половодье рек, и пашни, оплывшие от стаявших снегов, и острые молодые листочки в сквозящих ещё перелесках?

Почему они запоминаются словно сердцем?.. Не потому ли, что за ними чудится пора, когда в лицо тебе пахнёт тёплым ветром наступающего лета?

Первые проталины. Они тревожат. Ведь с их появлением – в тебе, как и в природе, начинается давно знакомое, но всегда волнующее весеннее обновление. И жизни впереди – всё больше и больше…

Содержание

I. Картинки из детства …… 3
Бесценный опыт ……. 3
Балтийский берег ……... 4
Генеральский особняк …… 7
Хорошее дело …….. 10
Сушь великая …….. 13
Старая кузня …… 15
Болтовня …….. 18
Возле печки ……. 24
Балалаечка …… 27
Такая разная любовь ……... 28
Время майских жуков ……. 31

II. Лихославльская мозаика ……. 35
Не туда заехали! ……. 35
Про нас и про лошадок …….. 35
Вестники лета ……. 38
Друг мой питерский …….. 40
Над Олинским озером …….. 46
О чём поёт дудук? ……. 48
В сумерках ……. 51
Про знахарку …….. 52
Загадки Шпиль-Горы ……. 55
Наши бобры – бодры и добры …….. 58
У самовара ……. 63
Ночные охотники …….. 63
Ореховый Спас 2018-го …… 68
Родственные души ……. 71

III. Тверские мотивы …… 72
На берегах Тьмы …… 72
На родине Лемешева ……. 77
Осколки с Николки …… 79
Поп и работник Вася ……. 83

Злая любовь …… 91
Охота на лося ……. 94
Лечебный фактор …… 94
Рысиная шкурка ……. 95
Анюта и Дуняша ……. 96
Оршинские истории …… 97
Феномен Конюхова ……. 105
Поклон Балхашу …….. 108
Предзимье в Бернове …….. 111

IV. Заветные сюжеты ……. 112
Воронин и Лиза …….. 112
Куратор …… 142
Дембель-69 ……. 151
«Ида» (история одной картины Валентина Серова) …….. 169
Найда-спасительница ……. 178
У «нехорошей» квартиры …….. 180
Вместо эпилога – стихотворение в прозе. Первые проталины …….. 182

Фото на обложке:
1. Храм в селе Берново
2. Э.И. Хозяинов. Фото 2002 года. «Новую жизнь начинаю: на пенсию выхожу!»

Авторское издание

Подписано в печать 12.04.2022. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 10,70. Тираж 50. Заказ № 88.
Издательство Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.

Об авторе

Эдуард Иванович Хозяинов родился в 1942 году, в семье ленинградских блокадников. В Лихославле живёт с 1967 года. Работая в районной газете, был принят в Союз журналистов СССР. Окончил Литературный институт им. Горького.

Рассказы пишет с 1965 года. Печатался в разных газетах и коллективных сборниках прозы. Автор книги повестей и рассказов «На Тверце, на речке (изд-во «Современник», 1979 г.). В 1980 году принят в Союз писателей ССР.

В настоящее время продолжает сотрудничать с районной газетой, активно участвует в работе местного литературного объединения «Черему́шка»